

Федеральное агентство по образованию РФ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
Ульяновский государственный технический университет

Т. В. ПЕТУХОВА

**КОММУНЫ И АРТЕЛИ
ТОЛСТОВЦЕВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1929 гг.)**

Ульяновск
2008

УДК 947
ББК 63.3
П 29

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент УлГУ Шутая Н. К.
кандидат философских наук, доцент УлГУ Винокуров В. И.

Научный редактор – кандидат исторических наук, доцент Петухов В. Б.

В работе использованы картины И. Е. Репина Портрет Льва Толстого, 1887,
Г. Г. Мясоедова Странная пора (Косцы).

Петухова, Т. В.

П 29 Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917 – 1929) : монография /
Т. В. Петухова. – Ульяновск : УлГТУ, 2008. – 124 с.
ISBN 978-9795-0264-9

Монография посвящена истории толстовского движения в советской России. В исследовании анализируются коммуны и артели последователей Л. Н. Толстого: численность, география распространения, социальный состав. Автор показывает изменение мировоззрения толстовцев по сравнению с дореволюционным периодом, а также идейный характер их земледельческого движения. В монографии изучаются взаимоотношения толстовских коллективов с советской властью.

Толстовское движение в России анализируется как социокультурный феномен. Книга предназначена как для специалистов по истории России в области культурологии, также для широкого круга читателей.

**УДК 947
ББК 63.3**

ISBN 978-9795-0264-9

© Т. В. Петухова, 2008
© Оформление. УлГТУ, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-19
ГЛАВА I	
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИ-ТРУДОВЫЕ ИДЕАЛЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТОЛСТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ	
1.1. Особенности мировоззрения толстовцев в начале XX века.....	20-29
1.2. Октябрьская революция в оценке толстовцев и программа их деятельности.....	30-41
ГЛАВА II	
СВОЕОБРАЗИЕ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	
2.1. Численность, география распространения и основные принципы внутреннего устройства толстовских коллективов	42-58
2.2. Хозяйственная, культурно-просветительная и общественно- политическая жизнь крестьян-толстовцев	59-72
ГЛАВА III	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	
3.1. Социально-экономические преобразования первых лет советской власти и толстовское движение	73-85
3.2. Влияние политики советского государства на развитие толстовских земледельческих объединений.....	86-94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95-102
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ.....	103-111
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	112-116
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	117-123

180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого посвящается

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях, когда российское общество переживает сложный этап перехода к созданию цивилизованного демократического общественного устройства и формированию гражданского общества, особую значимость приобретает осмысление опыта общественных движений в России. Общественная мысль сегодня активно обращается к незаслуженно забытому в советское время русскому духовному наследию. Особое место в отечественной истории и культуре занимает Л. Н. Толстой, создавший своеобразное религиозно-нравственное учение, нашедшее отклик не только в душах современников писателя, но и у представителей следующих поколений. Обращение к идеям Л. Н. Толстого и его последователей актуально в связи с гуманистической направленностью их мировоззрения. Поставленные Л. Н. Толстым вопросы о смысле человеческой жизни, о границах прогресса и этических аспектах бытия, проблемы ненасилия, толерантности являются значимыми вопросами для современного общества.

Л. Н. Толстой не только осветил стороны духовного развития человека, но и создал свою утопическую концепцию этического социализма, предусматривавшую движение общества к идеалам добра, братства, мира и свободы при помощи более гуманных средств, чем метод революционного насилия. Суть его концепции кратко можно изложить формулой: революция сознания плюс эволюционное развитие экономических отношений и политических структур. Современное общество, уже пережившее, в большей степени, период кардинального пересмотра своего отношения к историческому прошлому нашей страны, стремится найти гуманные средства для дальнейшего развития. Поэтому идеи Толстого и опыт его последователей, пытавшихся воплотить в жизнь толстовскую концепцию социализма, представляют интерес.

Движение единомышленников Л. Н. Толстого, возникнув в 1880-е гг., просуществовало до конца 1930-х гг., когда репрессивными мерами была прекращена деятельность последнего его оплота – коммуны «Жизнь и труд» в Западной Сибири. Осмысление конкретной истории земледельческих объединений толстовцев в первые десятилетия советской власти имеет важное значение, так как толстовцы предприняли попытку создания самоуправляющихся, экономически независимых от государственных органов, образований, ориентированных на общественное благо. Безусловно, многое в их деятельно-

сти носило ярко выраженный утопический характер, но опыт этого движения ценен как попытка людей жить в соответствии со своей совестью.

Степень изученности проблемы. Толстовское движение в России является одной из наименее изученных страниц ее истории. В настоящий момент нет ни одной работы, освещающей деятельность толстовцев в 1920-е гг. в качестве основного объекта исследования. Не стали предметом изучения и земледельческие толстовские объединения. Такое положение дел объясняется утвердившимся мнением о том, что толстовское движение «изжило себя в период нового общественного подъема начала века»¹ и не оставило заметного следа в российской истории. В Большой советской энциклопедии даже не упоминается о существовании толстовцев после Октября. Однако это не означает, что изучение проблемы находится на нулевой точке отсчета. Отдельные стороны деятельности толстовцев нашли свое отражение в отечественной и зарубежной литературе трех направлений:

- работы видных деятелей коммунистической партии и советского государства, освещающие борьбу большевиков с религиозно-философским учением Л. Н. Толстого и его последователями;
- исследования о сектантстве периода 1920-х-1930-х гг.;
- литературоведческие труды о Л. Н. Толстом, касающиеся некоторых сторон деятельности его последователей. Нередко эти работы написаны самими толстовцами.

Изучение отечественными исследователями вопросов, связанных с историей толстовского движения, хронологически можно разделить на два этапа: 1) 1920-е-конец 1980-х гг. – время, когда к толстовцам подходили с позиций идеологического противоборства, классовой борьбы и религиозной нетерпимости; 2) современный этап, начавшийся с конца 1980-х годов, – связан с отказом от узкоклассового подхода в изучении общественных движений. Для него характерна попытка осмысления значения толстовского движения в российской истории с гуманистических позиций.

Развитие отечественной историографии невозможно представить без учета теоретического наследия В. И. Ленина, которое оказывало сильное влияние на первом этапе изучения проблемы. В. И. Ленин подходил к толстовству «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее», и определял его как идеологию восточной неподвижности, идеологию азиатского строя, как «отражение мягкотелости патриархальной и заскорузлой трусливости хозяйственного мужичка». Он отмечал реакционность и утопичность этого учения, считая его, в то же время, феодальным социализмом. В. И. Ленин связывал толстовство с эпохой 1862-1905 гг., когда критические элементы учения Л. Н. Толстого могли приносить пользу. 1905-й г., всколыхнувший широкие народные массы, по мнению В. И. Ленина, принес «исторический конец толстовщины», в результате чего толстовство утратило свое прогрессивное значение. В. И. Ленин представил и «социальный портрет»

¹ См.: Большая советская энциклопедия. Т. 26. – М., 1977. – С. 49.

толстовцев – «истеричных хлюпиков, называемых интеллигентами», мещан, обывателей, «забитых нравственно теорией о непротивлении злу насиллием» мизерных людей, «пожелавших превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения». Практический вред толстовцев он видел в том, что они не отделяют реакционного насилия от революционного; не умеют соединить борьбу за демократию с борьбой за социалистическую революцию; в их «анархизме», «пассивизме», народничестве и религии¹.

Ленинская трактовка толстовского движения стала ориентиром для видных деятелей большевистской партии и советского государства – А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, Е. Е. Ярославского. Несмотря на общность идеологических оценок, каждый из них имел свой подход к деятельности толстовцев, к определению места этого движения в общественной жизни страны на разных этапах социалистического строительства.

А. В. Луначарский с марксистских позиций признавал, что толстовство имело прогрессивное значение только с точки зрения критического отношения к самодержавным общественным порядкам старой России, что необходимо бороться с идеализмом, народничеством, пассивизмом, присущим религиозно-философскому учению Л. Н. Толстого. Тем не менее, он давал толстовству позитивную оценку². А. В. Луначарский определял толстовство как самое крупное явление христианского социализма новейшего времени, как «наиболее гениальное выражение попыток разрешения социальных вопросов христианским пониманием»³. В то же время, он отмечал, что возможность к созданию фундамента человеческого счастья при помощи собственного труда появляется только тогда, когда носителем организованного труда является пролетариат. Он считал Л. Н. Толстого и его последователей идеологами крестьянства. За это А. В. Луначарский подвергался критике со стороны Е. Е. Ярославского и исследователя сектантства С. М. Путинцева⁴.

Е. Е. Ярославский, основываясь на идейном наследии В. И. Ленина, большее внимание уделял роли толстовцев в современном обществе. Отмечая противоречивый характер учения Л. Н. Толстого, критикуя увлечение толстовцев системой Г. Джорджа для решения аграрного вопроса, он утверждал, что толстовство после Октября не могло привлечь к себе широкие крестьянские массы, ибо сознание крестьянства с 1905 года шагнуло далеко вперед. Социальной базой толстовцев в послеоктябрьское время Е. Е. Ярославский считал узкие интеллигентские кружки из «бывших людей», озлобленных против

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т.17. – С. 206-212; Т.20.– С. 103-104; Т.12. – С. 383; Т.37. – С. 296; Т.49. – С. 347; Т.48.– С. 11.

² Луначарский А. В. Введение в историю религии. Лекция 4. Реформация. Толстовство // А. В. Луначарский об атеизме и религии. – М.: «Мысль». 1972.– С. 216.

³ Луначарский А. В. Христианство или коммунизм. – Л., 1926. – С. 5, 17.

⁴ Путинцев Ф. М. Современное сектантство // «Антирелигиозник». 1927. – №6. – С. 16; Е. Е. Ярославский. О толстом и «толстовцах». // «Антирелигиозник». 1928. – №7. – С. 22.

советской власти, превращавших нужду в добродетель, из вегетарианского питания создающих целое учение¹.

Наибольший интерес с точки зрения нашего исследования представляют работы В. Д. Бонч-Бруевича, который имел дореволюционный опыт работы с сектантами и был личным другом В. Г. Черткова. Если А. В. Луначарский и Е. Е. Ярославский вели борьбу с толстовцами, прежде всего, как с идеологическими противниками, то В. Д. Бонч-Бруевич общался с ними в практической деятельности. Именно он привлек внимание В. И. Ленина к сектантам, к поощрению созданных ими трудовых коллективов, участвовал в работе специально созданной в начале октября 1921 г. Комиссии по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами (ОРГКОМСЕКТ)². Исходя из близости толстовцев к сектантской массе, В. Д. Бонч-Бруевич относил самих толстовцев к сектам старого восточного направления (израильским сектам), так называемому «свободомыслящему сектантству»³. Такая трактовка толстовского движения возникла еще в конце XIX в. и утвердилась после того, как Третий Миссионерский съезд признал толстовство самой вредной сектой религиозно-социального характера⁴. Значение работ В. Д. Бонч-Бруевича состоит в том, что он отразил практическую деятельность толстовцев, несмотря на идеологизированный характер его оценок. Наибольший интерес представляет его работа «Кривое зеркало сектантства», написанная по поводу Первого Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производительных коммун, общин, артелей, состоявшегося в марте 1921 г.⁵ В. Д. Бонч-Бруевич справедливо отмечал различие подходов отдельных групп толстовцев к мероприятиям советской власти, диктатуре пролетариата и классовой борьбе. Он выделял группу толстовцев, называющих себя «сектантами-коммунистами», возглавляемую М. И. Трегубовым и П. И. Бирюковым, которые «приняли строй общественной жизни, провозглашенный Октябрьской революцией, помогали, чем могли, строительству социализма, но не были готовы порвать с привычными понятиями»⁶. В. Д. Бонч-Бруевич сомневался в искренности побуждений толстовцев к сотрудничеству, потому что главный их мотив усматривал в стремлении сохранить свою «секту» в новых условиях, что возможно лишь в том случае, если «ее члены организуются в религиозные коммуны»⁷. Эта точка зрения В. Д. Бонч-Бруевича не представляется верной в свете изученного

¹ Ярославский Е. Е. О Толстом и «толстовцах» // «Антирелигиозник». – 1928, №7.– С. 13-14, 21.

² См.: Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность.– М., 1969. – С. 233, 235.

³ Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России // Избранные сочинения. Т. I.– М., 1959. – С. 165.

⁴ См.: Толстовцы и их учение по данным третьего Всероссийского съезда. – Тифлис, 1890.

⁵ Бонч-Бруевич В. Д. Кривое зеркало сектантства // Избранные атеистические произведения.– М., 1973. – С. 146.

⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. – С. 147.

⁷ Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч. – С. 147-148.

документального материала. Движение толстовцев к коллективным формам жизни имело более глубокие основания.

Этой группе «сектантов-коммунистов» В. Д. Бонч-Бруевич противопоставлял деятельность В. Г. Черткова и лиц вокруг возглавляемого им Объединенного Совета религиозных общин и групп, созданного в октябре 1918 г. Действия В. Г. Черткова и его сторонников рассматривались как борьба за создание замкнутых коллективов единоверцев, подчиняющихся не государственным органам, а единому сектантскому кооперативному центру, как стремление к обособлению сектантской кооперации и ее противопоставлению советской кооперации¹. Взгляды В. Д. Бонч-Бруевича на возможное участие толстовцев в социалистическом переустройстве общества менялись в связи с изменением курса антирелигиозной политики большевистской партии и советского государства в целом. Если в начале 1920-х гг. он отстаивал полезность толстовцев и сектантов в деле организации коллективных форм жизни в деревне, то к началу 1930-х годов он клеймил их за культурную отсталость, связь с международным капиталом, ставя вопрос бескомпромиссно: или с нами, или против нас, предвещая во втором случае возможность репрессий².

Подход В. Д. Бонч-Бруевича оказал существенное влияние на труды антирелигиозников 1920-х гг., касавшихся вопросов сектантской кооперации. Прежде всего, следует выделить труды Ф. М. Путинцева, в которых он выступает против обособления сектантских коммун и артелей в особую от советских кооперативов группу. Оценивая влияние пропаганды толстовцев на сектантов, он видел вред их анархо-толстовского мировоззрения в том, что вслед за толстовцами и другие секты проповедуют мирные способы достижения социализма как единственно допустимые. Ф. М. Путинцев сближал толстовцев с «западно-европейскими христианскими соглашателями»³. Толстовские земледельческие объединения использовались им для иллюстрации эксплуататорского характера сектантской кооперации и рутинного характера их хозяйства⁴. Он соотносил попытки толстовцев высказать свою точку зрения на состояние дел в сельском хозяйстве с позицией правых, Л. Д. Троцкого, как сторонников организованного капитализма⁵.

Таким образом, для работ Ф. М. Путинцева была характерна пропагандистская направленность, стремление показать толстовцев в негативном свете. Для развенчания толстовства им были использованы такие неправомерные приемы как противопоставление отдельных сектантских направлений, например, баптизма, толстовству. Он стремился доказать, что баптизм крестьянину

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Кривое зеркало сектантства // Избранные атеистические произведения. – М., 1973. – С. 147.

² См.: Ленинский Сборник XXV. – М., 1945. – С. 274; Ленинский сборник XXXV. – М., 1959. – С. 378-379; Из письма В. Д. Бонч-Бруевича М. С. Дудченко // В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные соч. Т.1. – М., 1959. – С. 378-379.

³ Путинцев Ф. М. Политическая роль сектанства. – М., 1928. – С. 94

⁴ Путинцев Ф. М. Кабальное братство сектантов. – М., 1931. – С. 95.

⁵ Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект. – М., 1931. – С. 95.

выгоднее, удобнее, понятнее¹. Хозяйственные успехи толстовских коллективов объяснялись не иначе, как эксплуатацией верхушкой объединений труда рядовых толстовцев². Такой подход к земледельческим объединениям толстовцев объяснялся общим усилением идеологической борьбы вокруг учения Л. Н. Толстого. Советские руководители идейного фронта опасались, что их противники, приклеив к толстовству «советский ярлычок», превратят его в антикоммунистическое знамя³. С учетом этих идеологических установок была написана, пожалуй, единственная работа, посвященная непосредственно сектантским кооперативам: М. Морозов «Сектантские колхозы». Автор выделял две вехи в сектантском коллективном движении, когда активно росли сектантские коммуны и артели: 1921-1922 и 1927-1928 гг., хотя давал этому процессу объяснение с классовых позиций, как стремление толстовцев противодействовать мероприятиям советской власти⁴.

С конца 1930-х гг., когда толстовство как явление общественной жизни было искоренено, в основном репрессивными мерами, и до середины 1960-х гг. наблюдалось ослабление интереса исследователей к проблемам его изучения. Во второй половине 1960-х гг. увидели свет интересные работы А. И. Клибанова⁵. Его заслуга состояла в том, что он впервые предпринял попытку исследования истории толстовского движения; описал фонд В. Г. Черткова в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки; ввел в научный оборот большое количество материала, касающегося общественной деятельности толстовцев по борьбе с голодом, организации «сектантской» кооперации; осветил отношение толстовцев к социалистическому переустройству в деревне, к политике советской власти в целом. Несмотря на этот важный вклад, следует отметить, что А. И. Клибанов в своих оценках остался на старых идеологических позициях, рассматривая толстовцев как ярых врагов советской власти, пытающихся противопоставить сектантские массы советскому государству.

В 1970-е годы появились работы З. В. Калиничевой, также занимавшейся изучением сектантства. Однако она отошла от узкого понимания толстовства как сектантства, видя в нем этическое учение. З. В. Калиничева движение последователей Л. Н. Толстого трактовала как интеллигентское в своей основе, представители которого, большей частью дворяне, пришли к идеализации патриархального и религиозного крестьянства⁶. З. В. Калиничева утверждала, что

¹ Путинцев Ф. М. Толстой, толстовство и сектантство // «Революция и культура». 1928. – №7. – С. 22.

² Путинцев Ф. М. Указ. соч. – С. 18-19.

³ См.: Шахнович М. И. Мысли и думы современных сектантов // «Воинствующий атеизм», 1931. – №203. – С. 89-100.

⁴ См.: Морозов С. И. Сектантские колхозы. – М., 1931. – С. 13-14.

⁵ Клибанов А. И. Материалы о религиозном сектанстве в архиве В. Г. Черткова // Записки ОР ГБЛ. Вып.28. – М., 1966; Там же. Религиозное сектанство и современность. – М., 1969.

⁶ См.: Калиничева З. В. К вопросу о возникновении толстовства // ЛГПИ им. А. И. Герцена. 27-е Герценовские чтения. Научный атеизм, этика эстетика. Научные доклады. – Л., 1974. – С. 56-63.

толстовство, «... не будучи течением религиозного сектантства», оказывало на него значительное влияние¹. Она видела в толстовцах идеологов мелкобуржуазного крестьянства, противников большевиков, толкующих с христианских позиций современные им события и глубоко враждебных теории научного социализма². Полностью избавиться от идеологических штампов З. В. Калиничева не смогла. Крах земледельчески-трудовых идеалов толстовства она связывала еще с дореволюционным периодом, когда земледельческие колонии составлялись преимущественно из интеллигенции. В качестве основных причин краха земледельческого движения толстовцев в то время она выдвигала неприспособленность участников к земледельческому труду и противоречие между рыночной конъюнктурой окружающей жизни и натуральным характером хозяйства толстовских общин³. В целом З. В. Калиничева сближала толстовское движение с протестанским и католическим движением «социального христианства»⁴.

В литературе 1970-х гг. о Л. Н. Толстом отмечается сдвиг в сторону более широкого осмысления взаимоотношений великого писателя и его последователей. С. Позойский указывал, что не следует противопоставлять толстовцев и Л. Н. Толстого, несмотря на свидетельства А. Б. Гольденвейзера и И. Л. Толстого о том, что толстовцы были совершенно непонятны и чужды писателю. Для понимания толстовского движения особенно важна мысль С. Позойского о том, что толстовцы не подходили догматически к наследию Л. Н. Толстого, что их мировоззрение явилось результатом длительного процесса преломления идей великого писателя в их умах в изменившихся общественных условиях⁵.

Вопрос о взаимоотношениях великого писателя и его последователей вызывает значительный интерес у широкого круга исследователей.

В общественном сознании, благодаря оценкам В. И. Ленина, утвердилось мнение о двух ликах великого писателя Льва Николаевича Толстого – выдающегося художника и заблудившегося мыслителя. Всеми признана положительной активная позиция Л. Н. Толстого по отношению к современному ему обществу и гениальная критика самодержавия. Однако долгое время умалчивался факт, что «гениальные заблуждения» великого писателя дали толчок достаточно мощному движению его последователей. Движение толстовцев представлялось как мизерная группа людей, чья деятельность не имела какой-либо общественной значимости. Никто не ставил вопрос о том, какую роль

¹ См.: Калиничева З. В. К вопросу о политической платформе толстовства в 1917-1923 гг. // ЛГПИ им. А. И. Герцена. Общественная жизнь и религия. – Сб. научн. трудов. – Вып.2.– Л., 1976. – С. 83.

² Калиничева З. В. Указ. соч. – С. 86-89.

³ Калиничева З. В. К анализу причин краха «земледельчески-трудовых» идеалов толстовства // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Научные докл. – Л., 1976. – С. 19-20.

⁴ Калиничева З. В. К вопросу о социальной сущности идей толстовства // ЛГПИ им. А. И. Герцена. 18-е Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Л., 1976. – С. 53, 56.

⁵ Калиничева З. В. Указ. соч.

⁵ Позойский С. К истории отлучения Л. Н. Толстого от церкви. – М., 1979. – С. 165-170.

играл писатель в становлении и развитии толстовского движения в России как единственного религиозно-нравственного общественного движения, опирающегося на идеи ненасилия в формировании своей концепции общественного развития. Лев Николаевич противопоставлялся этим людям, которые стремились, по словам В. И. Ленина, абсолютизировать самые слабые стороны его учения. Как известно окружение Толстого распадалось с легкой руки Софьи Андреевны на «светлых», «темных» и «полутемных». Светлые, светские люди, любезно принимаемые его женой, большей частью не были интересны Толстому. Его привлекали люди из народа. А. Л. Толстая считала первыми единомышленниками своего отца крестьянина Сютаева и художника Н. Н. Ге. Л. Н. Толстому были близки интеллигенты, разделяющие его мировоззрение. В дневниках писателя часто встречаются записи о радостном общении с единомышленниками, хотя семья его тяготилась «темными». В воспоминаниях Т. Л. Сухотиной-Толстой есть эпизод, когда сам Толстой назвал одного из посетителей приверженцем самой страшной секты – секты толстовцев. В. Д. Бонч-Бруевич, ссылаясь на рассказ В. Г. Черткова, утверждал, что Толстой, прочитав одно из творений своих последователей, воскликнул: «Если это так называемое толстовство, то я не толстовец».

Столь явное противоречие кажется вопиющим только на первый взгляд, оно вполне объяснимо теми идейными установками, по которым жил Л. Н. Толстой. Следует отметить, что ставить знак равенства между идеями писателя и мыслями его сторонников действительно не следует. Великий писатель сам признавал это в письме к Озмидову в декабре 1897 г., присылавшему Льву Николаевичу свои сочинения: «Работы ваши это все та же работа, которой посвящена моя жизнь. Работы такого рода совершаются отдельно и независимо в душе каждого человека, и в такой глубине, в какой не может быть сотрудничества... И работы наши полезны именно людям, подобным нам по душевному складу, и потому, если мы различны, то и работы наши нужны различные для различных людей». Поэтому Л. Н. Толстой тесно сотрудничал с единомышленниками в процессе написания народных книжек и «Круга чтения», а также в создании статей для издательства «Посредник» и «Листков Свободного Слова». Единомышленники писателя осуществляли переводы и делали первоначальные наброски и материалы к этим статьям. Попов Е. И., например, переводил Лао-Дзы. Толстой исправлял их и использовал в своей работе.

Л. Н. Толстой, прежде всего, ценил движения души каждого человека, и поэтому он считал себя не вправе навязывать кому-либо свою точку зрения как нравственно обязательную. А. Л. Толстая указывала в своих воспоминаниях, что существовало ошибочное мнение, что Лев Николаевич оказывал моральное давление на людей, уговаривая их жить так или иначе: «раздавать имущество нищим, не жениться, не выходить замуж, не есть мяса, не идти на военную службу». На самом же деле Л. Н. Толстой, так тонко чувствовавший психологию человека и знавший по опыту, с каким трудом человек достигает каждой новой ступени в своем духовном развитии, боялся слишком горячих, необдуманных поступков людей, особенно молодых, которые, не рассчитав сил,

стараясь перескочить несколько ступеней сразу, падали и больно расшибались. Толстой удерживал их. Именно поэтому в толстовской среде велись споры об отношении Льва Толстого к толстовским колониям, к кооперации. В. Г. Чертков вынужден был выступать в печатных органах толстовцев с разъяснением позиций писателя по данному вопросу.

Л. Н. Толстой стремился к тому, чтобы люди, воспринявшие его идеи или сами пришедшие к аналогичным умозаключениям, сознательно переходили к новому образу жизни. Более всего он боялся обмана и лицемерия, которые послужили причиной его разочарования в православии. Это же иногда омрачало его отношения с единомышленниками: запись в дневнике от 26 мая 1892 г.: «Тяжелое больше, чем когда-нибудь отношение с темными, с Алехиным, Новоселовым, Скороходовым. Ребячество, тщеславие христианства и мало искренности».

Видимо боязнь фальши и какой-либо неправды определила нежелание Л. Н. Толстого способствовать формированию организованного движения его последователей. Тем более, что толстовство сразу же было определено миссионерскими съездами как самая вредная секта. После посещения Толстого 6 февраля 1894 г. бывшим сектантом, руководителем общины духовных христиан («хлыстов») Е. М. Ещенко, Л. Н. Толстой уяснил себе смысл сектантства: «Та же внешняя обрядность и подчиненность власти, как и у православных, и потому то же подобие благочестия, то есть лицемерие». Поэтому, получив письма от М. В. Алехина и И. Б. Фрайнермана с проектом устроить съезд единомышленников, Толстой мысль «о соборе» не одобрил. Более всего, он боялся, что из него сделают генерала и наденут какие-нибудь кокарды.

Л. Н. Толстой считал главным в развитии общества не общественную деятельность по изменению внешних условий, а нравственное самоусовершенствование личности и общества в целом. Поэтому он поддерживал те виды деятельности, которые способствовали этому: издательская деятельность, создание книг для народа, критика существующего строя с целью осознания членами общества несправедливости современного им общественного порядка. Правильность данного вывода подтверждает ответ Л. Н. Толстого от 10 декабря 1893 г. на сообщение Ф. Шредера об основании общества «Молодые друзья мира»: «Хотя я и не разделяю надежды молодых людей, находящихся во главе общества “Молодые друзья мира”, достигнуть цели, которую они себе ставят с помощью третейского суда, я все-таки люблю смелостью мысли этих юношей, которые, в противоположность тому, что им проповедуют их старшие и учителя, имеют смелость верить, что война не есть нормальное состояние человечества».

Толстой готов был работать в организациях практического просветительского направления. Например, он хлопотал об устройстве вегетарианского общества. В 1887 г. Толстой решил создать общество «Согласия против пьянства». Общество постепенно увеличивалось и в 1890 г. имело уже 728 членов. Оно прекратило свое существование так как не было зарегистрировано. Вероятно, Л. Н. Толстой не зарегистрировал это общество, чтобы не вступать в какие-либо отношения с государственными органами, ставящие его

в дополнительную зависимость от государства. В этих анархических тенденциях в мировоззрении писателя также кроется одна из причин неорганизованности толстовского движения при его жизни.

Однако нельзя обвинить Л. Н. Толстого и в полном отсутствии сочувствия движению его последователей. Он неоднократно в письмах и лично благодарил В. Г. Черткова за то, что тот так активно распространяет толстовское мировоззрение, говорил, что он сам вряд ли лучше сделал это. В письме Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову от 6-7 июня 1884 г. говорилось, что ему нравственно очень тяжело. «Но в такие минуты чувствуешь недостаток близких живых людей – той общины, той церкви, которая есть у пашковцев, у православных. Как бы мне теперь хорошо было передать мои затруднения на суд людей, верующих в ту же веру, и сделать то, что они сказали бы мне. Есть времена, когда тянешь сам, чувствуешь в себе силы, но есть времена, когда хочется не отдохнуть, а отдаться другим, которым веришь, чтобы они направляли».

Таким образом, Л. Н. Толстой осторожно относился к активизации толстовского движения как деятельности общественной, прежде всего, потому, что боялся, как бы дела внешние не затмили главное дело для каждой души – стремление к Богу, к нравственному самоусовершенствованию. Его идеалом был мир, который он находил у старушки М. А. Шмидт в Овсяниково: простота и вегетарианство, идеи ненасилия, огородничество для своих нужд, и клубника и молоко для продажи, приветливость, искренность, отсутствие «элемента проповедничества, святошества».

Продолжая разговор о развитии историографии толстовского движения в 1980-е годы, необходимо отметить, что частично сохранился взгляд на толстовцев как пропагандистов реакционных сторон учения Л. Н. Толстого¹. Однако уже предпринималась попытка изучения толстовского движения как явления социокультурного. Образец социологического подхода к анализу толстовства дал С. Г. Петров, изучавший роль и место толстовцев среди других групп населения с конца XIX в. до периода 1920-х гг. Он пришел к выводу, что социальной базой толстовства был середняк в деревне и некооперированный кустарь в городе, которые, по его мнению, не поняли политики диктатуры пролетариата, что процесс втягивания этих слоев в социалистическое строительство привел к полному исчезновению толстовства особенно среди городского населения².

Таковы были основные направления подходов к изучению толстовского движения в первый период развития отечественной историографии по данной теме.

¹См.: Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого. – Воронеж, 1983. – С. 72; Кучина Л. И. Критика религиозных взглядов Л. Н. Толстого и толстовства представителями передовой общественной мысли. – Л., 1986. – С. 79.

²Петров С. Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы // Великий Октябрь и крах непролетарских партий России. – Калинин, 1989. – С. 145-150; Там же. Толстовство и средние слои // Городские средние слои в трех российских революциях. – М., 1989. – С. 171-177.

Второй период в освещении проблем, связанных с историей толстовского движения и начавшийся в конце 1980-х гг., открылся публикацией воспоминаний крестьян-толстовцев, непосредственных участников толстовских земледельческих объединений в 1920-е-1930-е гг. В научном плане интересны не только сами воспоминания, но и примечания, написанные Д. И. Зубаревым и А. Б. Рогинским, в которых характеризуется деятельность толстовских центров, периодические издания толстовцев, даются биографические сведения об авторах¹. Публикации, появившиеся в общественно-политической и исторической литературе в 1990-е гг., расширили источниковую базу для рассмотрения интересующей нас проблемы: документы о жизни толстовцев после переселения на Алтай свидетельствуют об общей направленности мировоззрения толстовцев и истории их взаимоотношений с государственными органами². Г. А. Даценко определяла толстовское движение как религиозно-утопическое, основывающееся на взглядах Л. Н. Толстого о преобразовании общества путем нравственного самоусовершенствования. М. П. Александрова обращалась к толстовской идеологии как средству поиска нравственных опор в жизни. Она видела в духовном начале, которое толстовцы считали главенствующим в жизни человека, источником стойкости, позволявшей им переносить все тяготы жизни и репрессии, выпавшие на их долю³. С. Савельев, осветивший в небольшой статье один из аспектов идеологического подавления толстовского движения – через Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б), – указывал, что истоки идеологического противоборства толстовцев и большевиков связаны с дореволюционным периодом. Он верно охарактеризовал положительное отношение толстовцев к демократическим переменам в России после Февральской революции, но его вывод о том, что толстовцы, не принимая революционное насилие, не восприняли Октябрьскую революцию, представляется спорным. Автор рельефно отразил связь идеологических структур советской системы с ОГПУ и другими карательными органами⁴.

Интересна периодизация толстовского движения, предложенная Е. Д. Мелешко: 1) 1880-е гг. XIX в.-1914 г. – этап формирования идеологии, организации пропагандистских и просветительских центров, первых земледельческих общин, поддержки прав и свобод граждан; 2) 1914-1921 гг. – время успешного завершения социального эксперимента в земледелии, широкая пацифистская направленность и правозащитная деятельность; 3) 1921-1938 гг. – период, характеризующийся ненасильственной борьбой толстовцев за легализацию своих убеждений и образа жизни, развитием такого феномена как

¹ См.: Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930.– М., 1989. – С. 459-478.

² См.: «Советские архивы». – №5. – 1991. – С. 35.

³ Александрова М. П. Крестный путь идеала // «Свободная мысль». – №3. – 1993. – С. 76-80.

⁴ Савельев С. Бог и комиссары (к истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – Антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып 2. – М., 1993. – С. 204-207.

толстовский кинизм, проявленный последователями Л. Н. Толстого в лагерях и тюрьмах¹.

С этой периодизацией нельзя полностью согласиться, так как она не отражает внутренней динамики развития толстовского движения, а опирается на отдельные стороны деятельности толстовцев. Необходимо указать, что направления деятельности последователей Л. Н. Толстого почти не изменялись на протяжении всей истории толстовского движения. В то же время в нем происходили глубинные перемены, тесно связанные с эволюцией их мировоззрения под влиянием важнейших событий общественно-политической жизни страны.

Таким образом, изучение толстовского движения во второй период развития отечественной историографии по истории толстовского движения в России достигло определенных результатов, выразившихся в более объективном освещении толстовского движения на основе ранее недоступных исследователям источников. Отличительной чертой историографии этого периода является стремление преодолевать ранее довлевшие идеологические штампы и стереотипы.

Толстовское движение относится к числу менее изученных проблем не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Обобщающих работ по истории толстовского движения здесь также нет. В литературе 1920-30-х гг., изданной за границей, следует выделить комплекс эмигрантских изданий, посвященных изучению идей и творчества Л. Н. Толстого и его последователям. В основном в них отражено отношение различных кругов эмиграции к деятельности толстовцев и мировоззрению их учителя. Необходимо обратить внимание на своеобразную точку зрения В. А. Маклакова по вопросу об источниках и взаимоотношениях толстовства и большевизма. Касаясь деятельности толстовцев в Советской России, он был возмущен тем, что последователи Л. Н. Толстого находились не в стане непримиримых противников и обличителей большевиков, а вместе с главарями большевиков издавали сочинения Толстого, а некоторые, даже живя на свободе за границей, не стеснялись заявлять, что в большевизме есть черты, которые были бы дороги Л. Н. Толстому². Религиозная православная эмиграция видела в учении великого писателя явление «великое и мятежное», рожденное в тайниках русской души, а в толстовстве – своего рода нигилизм, выразившийся в «подмене» учением Л. Н. Толстого церковной веры³. За рубежом также издавались работы толстовцев-эмигрантов, отстаивающих свое понимание характера толстовского движения, свой взгляд на современность⁴.

В 1953 году вышла книга К. Петруса «Религиозные коммуны в СССР», носящая мемуарный характер и освещающая различные стороны жизни

¹ Мелешко Е. Д. Толстовство как социально-этический феномен // Л. Н. Толстой и традиции ненасилия в XX веке. (Материалы симпозиума). – М., 1998. – С. 16.

² Маклаков В. А. Толстовство и большевизм. – Париж, 1921. – С. 6-7.

³ Зайцев К. Толстой как явление религиозное. – Харбин, 1937. – С. 1-2, 20.

⁴ См.: Булгаков В. Ф. Толстой-моралист. – Прага, 1923; Там же. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930.

религиозных, в том числе и толстовских, коммун и артелей. Конкретной деятельности толстовцев и их земледельческих объединений посвящена книга Марка Поповского «Русские мужики рассказывают. Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе. 1918-1977». Автор, обладая огромным архивом, вывезенным за границу, дал ценные сведения о жизни толстовских коммун и артелей в СССР и об истории их взаимоотношений с государством. Он утверждал, что те факты неповиновения, которые рассматривались органами власти как контрреволюционная деятельность, вызывались не антисоветскими, а этическими мотивами. М. Поповский показал разноплановый подход толстовцев к проблемам коллективного строительства в деревне, выделил различия во взглядах на сотрудничество с государством: от категорического требования полной свободы до более практичного стремления примирить требования властей с голосом совести¹. Он полагал, что толстовцы не нашли своего места в советской общественной системе не по темноте и глупости, а вследствие того, что имели с большевиками различные системы ценностей².

Публикации воспоминаний толстовцев вызвали живой интерес не только в нашей стране, но и за границей. У. Эджерстон, профессор Индианского университета, отмечал, что попытки воплотить в жизнь религиозные идеалы путем создания кооперативных сельскохозяйственных поселений имели место в Англии, Голландии, США, Японии и Чили. Он советовал и западным, и отечественным исследователям в оценке толстовского движения отойти от предвзятости. Первые должны перестать относиться к религиозно-философскому наследию Л. Н. Толстого как к причудам и заблуждениям великого человека, вторым – изжить отношение к Л. Н. Толстому только исходя из политических и социальных категорий, без учета его религиозных взглядов. Профессор Индианского университета считал, что движение последователей Л. Н. Толстого не имело каких-либо политических целей. Религиозные принципы, которые они проповедовали, делали их гражданами, моральные качества которых могли бы способствовать оздоровлению жизни любого общества. В качестве подтверждения своего мнения У. Эджерстон обращался к аналогичному движению в Болгарии, где оно стало важным фактором подъема культурного и нравственного уровня личной и общественной жизни граждан.

Таким образом, в зарубежной историографии, так же как и в отечественной, проблемы, связанные с историей толстовского движения были освещены фрагментарно, работы носили мемуарный или общественно-политический характер.

Источниковая база монографического исследования представлена разнообразными документами, сгруппированными автором по принципу их функционального назначения.

¹ Поповский М. Русские мужики рассказывают. Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе. 1918-1977.– Лондон, 1983.– С. 144 -156.

² Поповский М. Указ. соч. – С. 144, 206.

Первая группа источников – неопубликованные материалы из пятнадцати фондов четырех архивов г. Москвы: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного российского архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского Государственного архива новейшей истории (РГАНИ); Государственного архива Ульяновской области; отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

По характеру содержащихся сведений можно выделить среди материалов первой группы три подгруппы.

Документы первой подгруппы, отражающие практическую деятельность и идеологию толстовцев в послеоктябрьский период, в основном отложились в личных фондах видных деятелей толстовского движения: семейном архиве Владимира Григорьевича, Анны Константиновны и Владимира Владимировича Чертковых (Ф. 435 ОР РГБ); Павла Ивановича Бирюкова и его дочери Ольги Павловны Бирюковой (Ф. 41 РГАЛИ); Константина Семеновича Шохор-Троцкого (Ф. 345 ОР РГБ); Ивана Ивановича Горбунова-Посадова (Ф. 122 РГАЛИ). В них содержатся документы о развитии толстовского движения: сведения о работе Московского Вегетарианского общества, обществ Истинной свободы в память Л. Н. Толстого, письма толстовцев в эти организации, толстовские ротاپринтные и стеклографные издания, рассказывающие о деятельности толстовцев на местах, о создании земледельческих объединений. Важное значение для изучения комплекса проблем, связанных с толстовским движением имеют материалы, раскрывающие сущность мировоззрения последователей Л. Н. Толстого: статьи, документы сектантских съездов, где определяется идейная основа толстовского земледельческого движения.

Комплекс документов *второй подгруппы* представляет собой официальные материалы различных государственных учреждений, с которыми имели отношения толстовцы и их земледельческие объединения в процессе жизнедеятельности. Здесь находится материал о политике государственных органов в отношении толстовских коллективов и обращения толстовцев в различные государственные органы с жалобами, просьбами и т. д. В документах этой подгруппы детализируется история взаимоотношений толстовцев с партийными и государственными органами, открываются различные грани жизни толстовских земледельческих объединений. В фонде Народного комиссариата земледелия в РГАЭ содержатся документы, освещающие участие толстовцев в деле создания коллективных форм жизни в деревне, а также сведения о рабочих, сектантских, анархических коммунах, использованные автором для сравнения. Документы государственных учреждений отражают практику толстовского движения через призму возобладавшей в момент составления документа официальной точки зрения. Поэтому необходимо критически подходить к материалам этой подгруппы, когда речь идет об идеологических оценках или определенной трактовке фактов.

Третью подгруппу источников составляют материалы личных фондов деятелей Коммунистической партии и советского государства. Документы В. Д. Бонч-Бруевича, П. Г. Смидовича, Е. Е. Ярославского конкретизируют

идеологический аспект в подходе партийных и государственных органов к толстовскому движению вообще и толстовским коммунам и артелям, в частности.

Во вторую группу источников входят опубликованные документы коммунистической партии и советского государства, имеющие значение для выяснения социально-экономической и политической обстановки, в которой функционировали толстовские земледельческие объединения. Это резолюции, решения, постановления партийных съездов, пленумов ЦКРКП(б) – ВКП(б), законодательные документы первых лет советской власти¹.

Третью группу источников составляют теоретические работы идеологов толстовского движения: В. Ф. Булгакова, И. И. Горбунова-Посадова, Н. Н. Апостолова (псевдоним Арденс), В. Г. Черткова, С. Д. Николаева, И. М. Трегубова, Н. Н. Страхова и др., отражающие отношение единомышленников писателя к общественно-политической жизни страны в первое послеоктябрьское десятилетие и излагающие основы толстовского миропонимания².

Четвертую группу представляют периодические издания, прежде всего, толстовская пресса – журнал «Голос Толстого и Единение», «Единение», «Истинная свобода», издававшиеся в Москве, киевский журнал «Братство», харьковское издание «Открытое слово», ротاپринтные и стеклографные издания – «Бюллетень Московского Вегетарианского Общества», «Письма к друзьям Толстого», «Письма МВО», «Ежегодник Общества Истинной свободы в память Л. Н. Толстого» и др. В исследовании использованы и советские газеты первых послеоктябрьских лет.

К пятой группе следует отнести как неопубликованные, так и опубликованные документы личного происхождения: письма и воспоминания участников толстовских земледельческих объединений. Следует указать на достоверность сведений содержащихся в мемуарных документах толстовского происхождения, так как она подтверждается другими источниками. Этот вид источников наиболее важен для реконструкции сфер деятельности толстовских коллективов.

Характеризуя состояние источниковой базы исследования в целом, необходимо указать, что она не представляет собой хорошо сохранившегося комплекса документов. Это объясняется тем, что толстовцы, как чуждый по своим убеждениям элемент, преследовались и подвергались репрессиям в 1920-х – 1950-х гг. Часть документов исчезла в недоступных исследователям архивах НКВД, часть была уничтожена самими толстовцами при арестах. Например,

¹ КПСС в резолюциях, решениях съездов и конференций. Т.2.– М., 1970; Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. – М., 1939.

² Апостолов Н. Н. Религиозно-анархические идеи и современный политический психоз. Изд.3. – Киев, 1929; Булгаков В. Ф. Христианская этика. – М., 1919; Горбунов-Посадов И. И. В чем истина и жизнь. – Вып.1, – М.: "Посредник", 1921; Николаев С. Д. В защиту проекта земельной реформы Г. Джорджа. – М., 1906; Страхов Н. Н. По ту сторону политических интересов. – М.: "Посредник", 1907; Трегубов М. И. Земля божия или христиански-социалистический способ решения земельного вопроса. – М., "Посредник"; Чертков В. Г. Наша революция. Насильственное воспитание или христианское освобождение. – М., 1907.

Е. Ф. Шершенева в 1951 году при аресте мужа сожгла значительную часть своего богатого архива, в том числе и протоколы общих собраний Новоиерусалимской коммуны¹.

Целью данного исследования является изучение деятельности толстовских земледельческих объединений в период с 1917 г. и до конца 1920-х гг. В связи с этим автором поставлены следующие задачи:

- проанализировать идейные источники толстовского земледельческого движения;
- выявить причины активизации толстовского земледельческого движения в 1920-е годы;
- рассмотреть численность, формы организационного устройства толстовских коммун и артелей, их социальный состав и территориальную локализацию;
- охарактеризовать особенности хозяйственной, культурной и духовной жизни толстовских поселений;
- определить их место в общем потоке религиозного движения к коммунной жизни, а также их роль в советской истории 1920-х гг.;
- проанализировать взаимоотношения толстовских земледельческих объединений с государством и определить место деятельности толстовцев в процессе социалистических преобразований в деревне.

Хронологические рамки исследования охватывает период от февраля – октября 1917 г., положившего начало новому этапу в развитии толстовского земледельческого движения, по 1929 г. – последний год существования толстовских коммун и артелей в европейской части СССР, и до предпринятого толстовцами в 1930 г. переселения на Алтай.

Территориальные рамки исследования определяются границами бывшего СССР, так как толстовские земледельческие объединения существовали не только на землях современной России, но и на Украине, в Казахстане, Киргизии.

¹ Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930. – М., 1989. – С. 473.

Глава I

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИ-ТРУДОВЫЕ ИДЕАЛЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТОЛСТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1.1 Особенности мировоззрения толстовцев в начале XX в.

Религиозно-философское учение Л. Н. Толстого, возникнув в 1880-х гг., имело широкий общественный резонанс. Откликом современников на идеи великого писателя стало движение его последователей. К началу XX века толстовское движение прошло путь от просветительского «хождения в народ» до организационно оформленного общественного движения. Можно выделить следующие этапы в его развитии; 1) 80-е гг. XIX в. – февраль 1917 г. – этап развития толстовского движения в рамках самодержавной России; 2) Февраль – октябрь 1917 – конец 30-х гг. XX века – советский период истории толстовского движения в России.

Первый период – это время, когда толстовское движение существовало в рамках самодержавного строя. На этом этапе последователи религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, выходцы преимущественно из интеллигентской среды, воплотили в своем мировоззрении и просвещенческую, и народническую традиции поиска улучшения народной жизни. Характер настроений этой части интеллигенции отразила П. Н. Бирюкова, вспоминая, что, несмотря на большой интерес к народной жизни, сближение толстовцев с народом не имело ярко выраженной политической направленности¹. Этот процесс имел большое сходство с «культурнической» традицией либеральных народников 1890-х гг.². Именно отсюда вытекало некоторое «опрошение» интеллигенции, стремящейся «стать с крестьянством на равную ногу»³. Великой идее служения народу была подчинена вся деятельность толстовцев. В это время она носила чисто просветительский характер. Ядром пропагандистской работы толстовцев было созданное В. Г. Чертковым в 1884 г. издательство «Посредник» с целью выпуска вместо лубочной литературы книг нравственного и художественного содержания для народа⁴. Чисто гуманитарные и просветительские цели преследовало созданное в 1909 г. под председательством И. И. Горбунова-Посадова Московское Вегетарианское Общество (МВО). Оно способствовало распространению вегетарианского питания, давало возможность общения всем интересующимся этими проблемами. При МВО были открыты дешевые вегетарианские столовые, имелись книжный склад и библиотека⁵. Интеллигенция, проникавшаяся земледельчески-трудовыми идеалами Л. Н. Толстого, стремилась показать пример

¹ ОР РГБ. Ф. 760, Оп. 2. Ед. 1. Л. 31.

² См.: Кривенко С. Н. На распутье. Культурные колонисты и одиночки. – СПб., 1895.

³ ОР РГБ. Ф. 760. Оп. 2. Ед. 1. Л. 31.

⁴ Литературная энциклопедия. Т. 5. – М., 1968. – С. 909.

⁵ Груздев И. А. Горький и его время. – М., 1962. – С. 200.

мирной братской жизни на земле, создавая толстовские колонии¹. Эти интеллигентские по составу коммуны и артели были непрочными объединениями вследствие неподготовленности их участников к трудностям сельского труда и быта и по ряду других причин². Да и сами толстовцы признавали в начале XX века, что их земледельческое движение пришло в упадок³.

Второй период толстовского движения связан с Февральской революцией, которую толстовцы горячо приветствовали, так как она, по их мнению, имела целью устранить одну из главных помех на пути русского народа к свободной жизни – самодержавие. В это время начинается период активной общественной деятельности толстовцев. В Москве в июне 1917 г. было создано Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого, по образцу которого возникали провинциальные отделения⁴. Стали образовываться толстовские организации, отражающие их представления по важнейшим социальным проблемам. Например, в дни работы Учредительного собрания была создана лига Единого налога, призывающая решать аграрный вопрос по системе Генри Джорджа⁵. С февральской революцией были связаны надежды толстовцев на возможность более широкой издательской деятельности после отмены цензуры⁶. Эти надежды были не напрасны. С 1917 г. начинается издание журналов «Голос Толстого и Единение» под редакцией В. Г. Черткова и «Обновление жизни» под редакцией И. И. Горбунова-Посадова, А. С. Зонова, В. А. Шнейдермана. Е. Ф. Шершенева считает, что именно с февральской революции следует вести отсчет времени возрождения земледельческого движения толстовцев⁷, явившегося результатом свержения самодержавия, которое было воспринято в толстовской среде как сигнал к активной работе по созданию новых, свободных форм жизни.

После Октябрьской революции все эти направления деятельности толстовцев получили дальнейшее развитие. Одной из важнейших стала работа по созданию толстовских коммун и артелей. В советское время произошло окончательное оформление толстовского движения в самостоятельную общественную силу, имеющую своеобразную концепцию дальнейшего развития общества.

Изменения в характере деятельности толстовцев на протяжении всей истории существования толстовского движения были тесно связаны с эволюцией их мировоззрения, происходившей под влиянием важнейших событий общественно-политической жизни страны. Поэтому целесообразно выявить особенности мировоззренческой системы толстовцев к началу

¹ Воспоминания – С. 460.

² Калиничева З. В. К анализу причин краха «земледельчески-трудовых» идеалов толстовства // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Научные докл. – Л., 1976. – С. 18-19.

³ ОР РГБ. Ф.345. К.95. Ед.24. Л.1.

⁴ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.34-35

⁵ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.19.

⁶ «Единение» 1917. – №1. – С. 9.

⁷ Воспоминания... – С. 146.

1920-х гг. нашего столетия, выделив в ней черты, способствовавшие активизации толстовского земледельческого движения в это время.

Мировоззрение толстовцев, безусловно, складывалось на идейном фундаменте, заложенном Л. Н. Толстым. Однако восприятие его учения последователями не было однозначным. В воспоминаниях современников сохранились два облика «толстовцев», которые Б. Дунаев назвал «людьми» и «людской пылью» вокруг Л. Н. Толстого. К «людской пыли» он отнес тех сторонников писателя, кто догматически воспринял опрощенческую сторону учения Л. Н. Толстого, к «людям» – лиц, проникшихся глубинами его мировоззрения¹. В первые годы существования толстовского движения «людской пыли» было достаточно много. Как известно, это вызвало опасения у самого Льва Николаевича². К началу 1920-х годов положение изменилось. Как свидетельствует один из видных деятелей толстовского движения В. Ф. Булгаков, «... прежнее, более или менее поверхностное отношение к идеям Л. Н. Толстого теперь уже редко имело место среди так называемых толстовцев»³. Внешнее опрощение уступило место свободному и широкому толкованию идей писателя и поиску реальных способов воплощения их в жизнь. Религиозно-философское наследие писателя стало мировоззренческой базой этой эволюции.

Рассмотрим существенные черты толстовского учения – религиозность, идеализм, ненасилие, антимилитаризм, гуманизм и анархизм в контексте их переосмысления единомышленниками Л. Н. Толстого.

Основное направление эволюции религиозных исканий толстовцев совершенно верно охарактеризовал Н. А. Рубакин, писавший, что толстовцы – не фанатики, не сектанты и не узкие догматики – «сумели возвыситься от идей христианства до понимания того христианского элемента, который есть во всех религиях»⁴. Наблюдалось стремление толстовцев понять идеи других философов, близких им по направлению мысли. Например, в толстовской прессе печатались выдержки из произведений Иосифа Мадзини, рассказы о Будде и его учении и др.⁵. В качестве учителей толстовцы признавали Иисуса, еврейских пророков, Будду, Лао-Дзы, Сократа, Франциска Ассизского, Л. Н. Толстого, Ганди, Ламенне, Баха-Улу, Р. Ролана и других, проповедующих, с их точки зрения, истинное братство, равенство и свободу⁶. В. Ф. Булгаков указывал на желание толстовцев перейти от религии местной, частной к общемировой, общечеловеческой, живой и трепетной религиозной мысли, как результату осознания мирового единства⁷.

Краеугольным камнем идейных построений толстовцев было учение Л. Н. Толстого о Боге как высшем духовном начале, высшем нравственном законе жизни. Толстовцы более конкретно называли его Духом Жизни,

¹ Дунаев Б. Люди и людская пыль вокруг Толстого. – М., 1927. – С. 23-27.

² Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М., 1980, – С. 419.

³ Булгаков В. Ф. Толстой-моралист. – Прага, 1923, – С. 93.

⁴ ОР РГБ. Ф.358. К.157. Ед.2. Л.17.

⁵ «Голос Толстого и Единение». – 1919. – №6. – С. 7-13.

⁶ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.28.

⁷ См.: Булгаков В. Ф. Толстой-моралист. – Прага, 1923.

присутствовавшем в каждом человеке. На эту особенность трактовки толстовцами идеи бога указывает также Г. А. Даценко¹. Отсюда они выводили равенство, братство всех людей, признание самоценности личности и жизни каждого, выдвигая на первый план в качестве главного принципа межличностных отношений любовь к ближнему, который понимался ими как стремление к исполнению в реальной жизни гуманистических заповедей Нагорной проповеди².

Следуя за своим учителем, толстовцы утверждали, что смысл человеческой жизни состоит в деле любви, то есть в стремлении к благу ближних. В основах трудового служения сельскохозяйственной коммуны им. Л. Н. Толстого по этому поводу говорилось: «Кто хочет служить жизни, тому необходимо..., упростить свое существование и сократить свои потребности до того, чтобы другим давать больше, чем берешь от них... Пусть сила сильных возместит слабость бессильных, знание опытных пополнит недостатки неопытных, мудрость ученых будет светом для неученых. Ибо человек имеет способности не для того, чтобы поработать меньших братьев, а для того, чтобы служить бессильным и неопытным братьям»³. Эти гуманистические и альтруистические тенденции были характернейшей чертой мировоззрения толстовцев к началу 1920-х гг.

Рационализм Л. Н. Толстого переносился его последователями в социальную среду. Они считали, что каждый человек появляется для исполнения своей миссии на земле и соответствует требованиям времени. По мнению В. Ф. Булгакова, В. И. Ленин и его идеи соответствовали безумству мира на четвертый год кровопролитнейшей войны, одичанию народных масс и их разочарованию в старых идеях, вождях, правительствах⁴. Поэтому и свою деятельность, в том числе и по созданию земледельческих объединений, они рассматривали как исполнение своего предназначения. В этом плане интересны рассуждения Иоана Добротолубова: «Мы понимаем, что большевики явились только потому, что их выдвинула сама жизнь, и только они могут выполнить то дело, которое они делают. Но и нас выдвигает жизнь. Я слышу голос изнутри себя, побуждающий меня искать новые пути жизни. И я не могу не следовать этому голосу»⁵.

Мировоззрение толстовцев красной нитью пронизывает идея ненасилия. Революционно настроенная интеллигенция восприняла учение Л. Н. Толстого о ненасилии как теорию о непротивлении злу вообще, как проповедь сугубой общественной пассивности, отказ от борьбы со злом. Такое отношение сыграло отрицательную роль в оценке его деятельности толстовцев. Примером может служить выступление ректора МГУ профессора П. Н. Сакулина 22.02.1920 г. на 35-летию «Посредника», в котором он отмечал недоброжелательное отношение к крупнейшему толстовскому издательству части московской интеллигенции из-за того, что «Посредник» «не побоялся «назвать Бога», а также за проповедь любви, смирения и всепрощения в народе, вместо проповеди духа возмущения

¹ «Советские архивы». – 1991. – №5. – С. 35.

² Голос Толстого и Единение. – 1919. – №6. – С. 4.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.4.

⁴ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 16.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.99. Ед.13. Л.24 об.

и революции»¹. Сами толстовцы делали ударение не на непротивление злу, а на отрицание насилия. В журнале «На пути» за 1925 г. группа молодежи, его издававшая, писала: «Истинно религиозное мировоззрение указывает верный и всепобеждающий путь к прекращению творимого зла. Это борьба со злом – не ответным насилием – бессмысленность такого способа становится все очевиднее людям, а только неучастием в совершающемся зле, разъяснением причин, лежащих в основе всего, дают нам единственный выход из этого заколдованного круга зла, в котором мы находимся»². Насилие отрицалось ими как, нарушение закона любви³. Главным средством решения спорных проблем в обществе толстовцы считали формирование общественного мнения и мирное неподчинение: «... никакое меньшинство не сможет и не станет отказываться от исполнения ясно выраженной воли народа. Если меньшинство до сих пор не уступало, то только потому, что народ в целом соглашается служить этим классам и своей кровью защищать поработителей»⁴. Необходимо отметить, что в отечественной философии лишь в последнее время утвердилась точка зрения на идеи Л. Н. Толстого как на учение о ненасилии⁵. В ненасилии толстовцы усматривали главное условие успеха дела общественных преобразований. Н. Н. Гусев в статье «Толстой и революция» утверждал, что «никакое преобразование общества не может быть насильственным. Насильственный коммунизм не может быть прочным»⁶. Свою деятельность по созданию земледельческих объединений толстовцы рассматривали как способ реального воплощения в жизнь ненасильственного мирного общежития. Об этом говорилось прямо в уставах толстовских товариществ, коммун, общин. Так Трудовое товарищество имени Л. Н. Толстого в своем учредительном документе провозглашало: «Наше товарищество имеет целью осуществить возможность жизни вне существующего насильственного строя на началах непротивленческой свободы»⁷. Трудовая община-коммуна «Трезвая жизнь» видела свое назначение для отдельного человека в том, чтобы содействовать ему «выйти из современной неестественной и насильственной жизни к жизни естественной и свободной»⁸.

Анархизм занимал центральное место в социальных исканиях как самого Л. Н. Толстого, так и его единомышленников. Вслед за ним толстовцы считали государство, его аппарат, носителем зла, источником «антихристовой» морали. Они были согласны с писателем, что соблазн государства – самый страшный из соблазнов. Суть его в том, что люди, стоящие у власти, оправдывают свершение ими зла благом других людей, народа, человечества. Анархизм толстовцев

¹ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 13.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.25. Л.21.

³ Там же. Оп.1. Ед.2049. Л.26 об.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.19. Л.4.

⁵ См.: Виноградов И. И. Критический анализ религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого. – М., 1981. – С. 37; Гусейнов А. Учение Л. Н. Толстого о ненасилии // «Свободная мысль». – 1994. – №8. – С. 75-78.

⁶ «Голос Толстого и Единение». – 1918. – №2. – С. 8.

⁷ ОР РГБ. Ф.345. К.38. Ед.16. Л.1.

⁸ Там же. К.62. Ед.5. Л.1.

был основан на отрицании права кого бы то ни было распоряжаться жизнью других людей: «Те, кто знают, каким должно быть общество, они убивают, забирают в тюрьмы, отнимают имущество, чтобы установить такое общественное устройство, при котором, по их мнению, люди будут счастливы»¹. Таким образом, анархизм толстовцев был основан на ненасилии. Толстовцы отстаивали право каждого человека на свободное, независимое от чьей-либо воли, устройство своей жизни. Главным для них было то, чтобы многомиллионному трудящемуся народу предоставили жить так, как он хочет². В этом смысле толстовцы являлись, как и Л. Н. Толстой, выразителями «русского анархизма в его высшем, этическом проявлении»³.

Идеал общественного бытия у последователей великого писателя совпал с представлениями о будущем общества самого Л. Н. Толстого. Этот идеал В. Ф. Булгаков изложил в «Христианской этике» следующим образом: «Идеальное общество представляло собой конгломерат земледельческих общин с единым владением земель и управлением, которое соответствовало бы требованиям мирного общежития»⁴. Вследствие единства экономических, племенных и религиозных условий эти общины могли вступать между собой в новые свободные соединения, совершенно иные, чем прежние государственные⁵. Толстовец А. Макаров в Бюллетене Московского Вегетарианского общества №16 также обрисовал переход человека к новой братской жизни как складывание ассоциации свободных земледельческих общин: «Внутри этих общин на основе земледельческого труда, как пышная крона ветвей на могучем древесном стволе, свободно разовьются все виды человеческой деятельности. И, что важнее всего, все будут есть свой хлеб. Города и фабрики исчезнут, ибо все будут земледельцы, работающие в своих механизированных мастерских в свободное от полевых работ время. Коллективные формы труда уничтожат животную борьбу за существование и заботу о завтрашнем дне. Мировое братство трудящихся устранил международные войны и множество другого зла, свойственного насильническому строю жизни нашей эпохи»⁶.

Таким образом, земледельческая община, колония или коммуна являлась центром всей социальной конструкции толстовцев. Посредством перехода к ней должны были осуществиться все другие стороны нового общественного бытия. Экономические отношения будущего общества строились толстовцами на основе отказа от частной собственности, ибо с «христианской точки зрения собственность и богатство не являются благом»⁷. После уничтожения частной собственности предполагалось создание общин и артелей с организацией крупного крестьянского хозяйства⁸. Модель будущего строя у толстовцев носила

¹ «Голос Толстого и Единение». – 1920. – №1. – С. 9.

² ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.19. Л.3.

³ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 4.

⁴ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 4. .

⁵ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.55.

⁶ Там же.

⁷ См.: Беневский И. Христианская община и земледелие. – М., 1907. – С. 5.

⁸ Беневский И. Указ. соч. – С. 6-7.

ярко выраженный натуральный характер: члены общества своими руками производят все то, что потребляют¹. Толстовцы видели в деньгах орудие несправедливого распределения плодов общественного труда, порождающее неравенство, и стремились к замене денежных знаков натурально-расчетными хлебными знаками². Важнейшим принципом жизни ассоциации земледельческих общин было уничтожение эксплуатации и неравенства членов общества.

Для толстовцев была характерна абсолютизация равенства всех людей. Они не только не признавали неравенства классового, но и требовали равного участия всех в физическом труде. Из приведенного выше описания идеального общества толстовца А. Макарова ясно видно, какое значение толстовцы придавали тому, чтобы все люди в прямом смысле «ели свой хлеб». Физический труд, по их мнению, должен быть нравственно обязательным для каждого члена общества. В манифесте представителей ручного труда говорилось: «...всякий, избравший один умственный труд, угнетает братьев телесного труда или помогает угнетать их»³, и предлагалось неукоснительно соблюдать принцип: «Кто не работает физически, тот не ест». С другой стороны, толстовцы понимали, что для нормального функционирования общественного организма необходимы не только продукты, являющиеся результатом непосредственного материального производства, но и продукты духа, ума, изобретательности⁴. Главным нравственным критерием для них была полезность того или иного вида деятельности для общества. Толстовцы осознавали, что установить общественную ценность каждой профессии и степень пригодности каждой личности к ней крайне трудно вследствие невежественности народа и разделенности интеллигенции, которая могла бы составить «трибунал мудрых», на всевозможные партии, группы, секты⁵. Они указывали, что эти группировки, обличающие друг друга, будут доказывать, что люди «не нашей группы, партии, секты враги обществу, что их деятельность не только бесполезна, но и вредна обществу или народу»⁶. Для устранения злоупотреблений толстовцы предлагали, чтобы каждый человек занимался духовной деятельностью только в свободное от участия в «общенародном физическом земледельческом труде» время⁷. Освободить человека от его доли физического труда может только та трудовая группа, в которой он живет, если признает его духовную деятельность для себя полезной⁸.

Земледельческий труд, как наиболее ценный с моральной точки зрения, был положен в основу толстовской концепции будущего общественного устройства. Он признавался ими самым нравственным и самым справедливым, ибо «...человек получает все необходимое для жизни непосредственно

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.33. Л.8.

² См.: «Братство». – 1920. – №2. – С. 10; ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.33. Л.33.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.33. Л.33.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.3. Л.14.

⁵ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.3. Л.16.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.17.

⁸ Там же.

от земли, а не через других людей»¹. Поэтому земледельческий труд, по мнению толстовцев, устраняет причины для всякого рода эксплуатации, вражды, борьбы. В нем толстовцы видели залог подлинно братских отношений. Крестьянин-толстовец В. Янов писал: «Только встав на этот трудовой крестьянский путь, может человек установить братские отношения с людьми и сам быть независимым, и не продавать свой труд, тем самым создавая эксплуататоров, а также и сам может уважать такого же свободного труженика-брата»². Исполнение закона хлебного труда толстовцы рассматривали как основу благосостояния всего общества и выход из нищеты для трудящихся: «...все бы люди несли мягкий и кроткий труд и не терпели бы никакой нужды, которую терпит теперь большинство»³. Самоуправляющийся характер общин, ставший возможным благодаря натуральному земледельческому хозяйству, должен был, по мысли толстовцев, привести к уничтожению государства и установлению анархии. С. М. Белинский в речи на I съезде анархистов 12 декабря 1918 г. определил ее как «такой порядок человеческого общежития, при котором все люди свободны от правительственного принуждения»⁴. Таким образом, земледельчески-трудовые идеалы толстовцев тесным образом увязывались с анархической направленностью их социальных исканий.

Завершая характеристику главных черт мировоззрения единомышленников Л. Н. Толстого, важно указать, что все вышеназванные положения были логическим продолжением учения великого писателя. Однако, в связи с общественными потрясениями, вызванными I Мировой войной и революцией, в их миропонимании происходили достаточно глубокие изменения. В. Ф. Булгаков отмечал, что «после того, что мы пережили в последние годы, нам стало труднее идти за Толстым, именно за *о д н и м* Толстым»⁵. Главным средством преобразования всех общественных отношений толстовцы, как и Л. Н. Толстой, считали революцию сознания путем нравственного самосовершенствования, так как «душа человеческая... при всяких условиях представляет тот центр, вокруг которого все вертится в мире»⁶. Но если Л. Н. Толстой абсолютизировал личное нравственное самосовершенствование и апеллировал только к усилиям конкретной личности, которая, избавляясь от внутренних пороков, своим поведением не умножает зло на земле, а творит только добро, то толстовцы начали осознавать значимость совместных усилий людей в искоренении социального зла. Они отошли от негативной оценки Л. Н. Толстым всякой общественной деятельности. Его индивидуализму, который В. Ф. Булгаков объяснял односторонним спиритуалистическим направлением его мысли⁷, толстовцы противопоставили понимание необходимости общественных усилий для улучшения окружающей жизни. Они считали, что в «теперешних условиях» недостаточно

¹ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2039. Л.2.

² Воспоминания... – С. 39.

³ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.3. Л.13.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.55. Ед.19. Л.3.

⁵ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 13-14.

⁶ Булгаков В. Ф. Указ. соч. – С. 11.

⁷ Булгаков В. Ф. Указ. Соч. – С. 12.

личного неучастия в войне и революции, чтобы «чувствовать себя спокойным, а главное *не ответственным*» (разрядка В. Ф. Булгакова) за происходящие или будущие ужасы, что ответственность еще больше, глубже и тяжелее. Поэтому «нужно какое-то активное выступление,.. по возможности организованное, совместное с другими братьями-людьми, одинаково мыслящими и чувствующими»¹. Важно отметить, что единомыслие для них означало не только следование учению Л. Н. Толстого. Толстовцы стремились к близости со всеми людьми свободно-религиозного мировоззрения, с теми, кто признавал Бога как высшее нравственное начало, служащее основой жизни и объединяющее всех людей; кто проповедовал ненасилие, вегетарианство, анархизм, антимилитаризм. Именно этим объясняется близость толстовцев сектантской массе. В этом плане показательна характеристика, данная Н. Апостоловым малеванцам: «Малеванцы – толстовцы в крестьянской среде. Они религиозные анархисты, не активисты. Религия для них не культ, а внутренняя религиозная дисциплина»². Стремление к совместным действиям с лицами и движениями соответствующего направления выразилось в активном поиске единомышленников как в России, так и за границей. Например, в толстовской среде распространялось Обращение Интернационального Братства – Семьи служения любви и свободе, члены которого желали радикально изменить старый порядок жизни, заключающийся в борьбе за существование, на «новую жизнь в любви и свободе»³. Интернациональное Братство имело своих представителей в Болгарии, США, Бразилии, Швеции, Австрии, Венгрии, Канаде, Германии. От российских толстовцев в него входили Екатерина Романова (станция Люботин близ Харькова), В. Шейерман из Геленджика и Станислав Шабушевич из Москвы⁴.

Толстовцы перестали разделять мнение Л. Н. Толстого о том, что «внешняя» жизнь не стоит того, чтобы «особенно хлопотать над ее устройством»⁵. В. Ф. Булгаков рассматривал такую точку зрения писателя как религиозный субъективизм⁶. Они убедились в том, что жизнь не ограничивается только духовной работой. В. Шейерман в письме И. И. Горбунову-Посадову писал: «Хотя внешнее имеет мало значения, однако оно крайне необходимо для устройства твердого материального фундамента, без которого никакого духовного здания существовать не может, иначе же оно останется только нереализованной фантазией, приводящей в заблуждение людей»⁷.

Объединительные тенденции в мировоззрении толстовцев усиливались их пониманием процесса движения человечества к истине. Истина была для них едина, пути движения к ней – различны. Истина как идеал выполняла роль

¹ Булгаков В. Ф. Указ. Соч. – С. 14.

² "Пролетарская правда". – №24. – 30 января 1924.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп1. Ед.1537. Л.7.

⁴ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.1537. Л.3.

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т.25. – С. 342.

⁶ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди.– Прага, 1930. – С.13-14.

⁷ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.1537. Л. 9. об.

путеводной звезды. Единение понималось ими в стремлении к этому идеалу¹. В этом смысле толстовцы были готовы сотрудничать со всеми, в том числе и с анархистами, и с большевиками. Это сотрудничество имело место в первые годы советской власти.

Под влиянием революционных событий в мировоззрении толстовцев усиливается заложенный в нем активный потенциал. Это выразилось уже в самом их представлении о «толстовской религии» как «определенном отношении к жизни, которое требует своего осуществления»². Гуманный подход толстовцев к проблеме смысла человеческого бытия только усиливал активность их миропонимания. Они утверждали, что «жизнь в настоящем, жизнь каждого человека есть высшая ценность сейчас, потому она может и должна быть благом, а не каким-то испытанием перед переходом в мир лучший, далеко в будущем». Толстовцы считали ошибочным перенесение целей жизни в будущее, так как нужно «не упустить единственный подвластный нам момент жизни». С этих позиций толстовцы определяли условия жизнеспособности своего свободно-религиозного движения: «направить свой социально-продуктивный труд по адресу «ближних», стремясь жить общинным образом, исповедуя на деле свободу от мирских соблазнов, братство в труде во имя всех и имущественное уравнение»³.

Подводя итоги эволюции мировоззрения толстовцев к началу 1920-х гг., необходимо отметить, что она происходила на могучем фундаменте религиозно-философского учения Л. Н. Толстого, с позиций которого последователи великого писателя осмысливали окружающую действительность. В толстовской идеологии сохранились народнические и просветительские черты духовных исканий русской интеллигенции конца XIX в. За сорокалетнюю историю существования толстовского движения мировоззрение единомышленников Л. Н. Толстого претерпело изменение от догматического восприятия учения писателя в сторону свободно-религиозного миропонимания, дающего больший простор для духовного творчества каждой личности. В их социальных поисках усиливаются гуманистические, альтруистические тенденции, связанные с социалистическим общественным идеалом, ядром которого являлась земледельческая колония, община, коммуна или артель. Под влиянием общественно-политических событий начала XX в. толстовцы осознали необходимость коллективных усилий для осуществления своего идеала. Объединительные настроения в их мировоззрении и его направленность в сегодняшний день, на активное преобразование действительности в сочетании с их представлениями о высокой нравственности и моральной значимости земледельческого труда, способствовали активизации толстовского земледельческого движения в двадцатые годы XX столетия.

¹ См.: Воспоминания... – С. 417-422.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2039. Л.1.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2039. Л.1.

Глава I

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИ-ТРУДОВЫЕ ИДЕАЛЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ТОЛСТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1.2 Октябрьская революция в оценке толстовцев и программа их деятельности

Октябрьская революция явилась важной вехой в развитии движения единомышленников Л. Н. Толстого в целом и их земледельческих объединений, в частности. Для более полного выявления причин оживления толстовского земледельческого движения в 20-е г. XX в., необходимо рассмотреть вопрос о понимании толстовцами характера происшедшей революции и места их земледельческих колоний в дальнейшем преобразовании общества.

Рассматривая восприятие толстовцами Октябрьской революции, следует отметить, что в целом они отнеслись к ней положительно, ибо связывали с революцией начало новой эпохи в жизни страны». Лозунги, начертанные на знаменах революции: равенство, братство, свобода, мир – народам, земля – крестьянам – были близки и понятны основной массе толстовцев. Они сочувственно отнеслись к усилиям революционеров в борьбе за лучшее будущее. Я. Д. Драгуновский писал: «Толстовцы видят и оценивают те огромные усилия людей, желающих строить жизнь на новых, разумных началах. Сколько здесь проявлено геройства, сколько потребовалось самопожертвования, чтобы доказать ложность существующего неразумного классового общества, неразумность феодального и капиталистического строя. Все эти пожелания и стремления теоретически так велики и ценны, что не только толстовцы, но и вообще ни один разумный человек не может не признать их настоящее и жизненное значение. И не только признает, но примет участие в строительстве нового, великого, разумного»¹. И. М. Трегубов в письме к И. И. Горбунову-Посадову от 22 февраля 1920 г., называет процесс общественных изменений, последовавших за Октябрем, «не лихолетьем, а величайшей в мире революцией»². Положительным моментом в ней, по мнению толстовцев, было устремление внимания к жизни низших угнетенных классов³.

Однако осмысление толстовцами опыта Октябрьской революции происходило на основе особенностей их миропонимания. Рационализм и идеализм сказались на трактовке последователями Л. Н. Толстого характера революционных событий. Они восхищались геройством и самопожертвованием революционеров, но революционное движение для них имело ценность «теоретически», так как своей борьбой революционеры доказывали «ложность»

¹ Воспоминания... С. 420.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.1358. Л.32.

³ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 26.

неразумного классового общества. Несмотря на высокую оценку деятельности революционеров, толстовцы полагали, что решающее значение в подготовке революции сыграла не революционная борьба, а мощный наплыв идейных течений, критикующих общественные порядки в России. П. И. Бирюков в статье «Лев Толстой и его влияние на современную Россию» кроме проповеди великого писателя и близких ему народных, прежде всего, сектантских движений, отмечал революционизирующее значение таких политических течений, проникших в Россию со второй половины прошлого столетия, как анархизм – на левом фланге, конституционализм – на правом и социализм – в центре. «Такого напора новых идей, – писал П. И. Бирюков, – не мог выдержать никакой строй, а тем менее расшатанный строй старой царской России»¹. Великую роль в деле революции из всех проникавших в Россию течений, сыграли, по его мнению, «толстоизм», анархизм и социализм, вошедшие в кровь и плоть русского народа, «часто в полусознательном смешении с бытовыми представлениями»². Л. Н. Толстого, М. Бакунина, К. Маркса П. И. Бирюков называл богатырями, создавшими русскую революцию. Первый дал нравственный идеал, второй – расшатал основы старого строя, третий заложил основы дисциплинированной экономической борьбы. Толстовцы окружали гений Л. Н. Толстого высшим ореолом потому, что он «оживлял Россию, как дух оживляет тело», но не отрицали значения и необходимости «физиологических процессов ее организма», – то есть учений М. Бакунина и К. Маркса³. Необходимо указать, что толстовцы вообще не претендовали на роль непререкаемых авторитетов для других. Они стремились найти рациональное решение для будущего общественного развития с учетом различных точек зрения. Примером поиска толстовцами своеобразного консенсуса может стать активное участие их в антирелигиозных диспутах, состоявшихся в Москве в феврале-апреле 1920 г. В дискуссиях выступали Н. Н. Гусев, В. Ф. Булгаков, Н. В. Троицкий, С. Попов, В. Г. Чертков, А. П. Сергеев, И. М. Трегубов. Важность этих диспутов они видели в том, что «на них устанавливается истинное направление работы нашего сознания, а ведь такая работа сознания предшествует всевозможным переменам как в личной, так и в общественной жизни»⁴. Исходя из приоритета сознания в жизни людей, единомышленники Л. Н. Толстого считали, что на общественные отношения оказывают влияние количество зла и качество предрассудков, накопившихся в сознании членов этого общества: «Если сознание направлено в сторону эгоизма, алчности и рабского подчинения сильным – буржуазная власть. Если бы в сознании укрепился предрассудок коммунизма – наступил бы коммунизм»⁵. С пороками эксплуататорского общества толстовцы связывали отличительную черту русской революции – ее жестокость. Как отмечал С. М. Белинский, революция и не могла быть другой, так как «... вся прежняя история русского народа, да и других народов, готовила именно ту революцию,

¹ РГАЛИ. Ф.41. Оп.1. Ед.37. Л.29.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 17-20.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. Ед.19. Л.1.

которая произошла, совершается и, вероятно, еще долго будет совершаться»¹. Жестокость революции объяснялась толстовцами рядом факторов, развращающих нравственное сознание народа: тысячелетним господством самих деспотичных правителей; имущественным, особенно земельным, рабством; войной и теорией классовой борьбы. Будучи сторонниками ненасилия, толстовцы отвергали основные марксистские постулаты, на которых строилась концепция Октябрьской резолюции большевиками, ее вдохновителями и организаторами. Толстовцы никаким образом не могли понять теорию классовой борьбы, рассматривая ее как учение о том, что «... только путем насильственной борьбы рабочий народ может устроить хорошую жизнь»². Диктатура пролетариата не воспринималась толстовцами уже вследствие того, что «диктатура означает ничем не ограниченную, никакими законами, никакими правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»³. Кроме того, идеал братства и равенства всех людей не позволил им признать право пролетариата диктовать свою волю другим трудящимся. Так, в письме крестьянина В. Кислова к рабочим говорилось: «Рабочие и крестьяне должны все вместе называться «мы», а те, кто против нас, то есть те, кто хочет угнетать и травить нас как зверей на драку, должны называться «они»»⁴.

Наибольшую критику толстовцев в революции вызвало революционное насилие. В своей созидательной работе толстовцы стремились отказаться от чувства вражды, опираясь в своей деятельности на единение всех граждан. В передовой статье журнала «Истинная свобода» толстовцы заявляли: «Враждовать можно только тогда, когда есть враги – мы не знаем врагов. Несогласных с нашим мировоззрением мы знаем, но чувства братства и единения с их носителями, как с людьми, у нас остаются»⁵. Главный смысл революции последователи Л. Н. Толстого видели в назревающем новом сознании людей, считая, что «все так называемые завоевания революции, как и вообще всякие внешние дела, могут быть утеряны, урезаны или отняты; но тот шаг вперед, который сделает за годы революции народное сознание, никогда не может исчезнуть»⁶. Революции общественных отношений они противопоставляли революцию сознания и утверждали, что главное в переживаемое время – «очистить сознание людей от векового хлама» и создать новое, «необходимое для развития жизни людей по пути действительного братства и свободы»⁷. Такой подход к характеру и значению Октябрьской революции определил главное направление практической деятельности толстовцев первых лет советской власти – содействовать усиленному движению сознания народных масс.

¹ Белинский С. О смысле русской революции // «Голос Толстого и Единение». – 1920. - № 1. – С. 12.

² Белинский С. Указ соч.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. – С. 32.

⁴ «Путь к свету». – Царицын, 1919. – №1. – С. 10.

⁵ «Истинная свобода». –1920. – №1. – С. 3.

⁶ Белинский С. Указ соч.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.19. Л.13.

Как уже отмечалось ранее, общественный идеал толстовцев носил социалистический характер. Неоднократно отмечая близость своих устремлений с требованиями большевистской программы-максимум, они имели свой взгляд на реальную форму воплощения их в жизнь. Толстовцы осознавали, что великие идеалы братства, равенства и свободы привлекают к социализму лучших людей, но рассматривали социализм как новую веру рабочих масс, которая имеет своих многочисленных мучеников и своих ученых, как высшую и последнюю форму государственности, как насильственное осуществление полной справедливости во внешних формах жизни¹. Вследствие своего насильственного характера, социализм в том виде, в котором он начал осуществляться после Октября, был, по мнению толстовцев, «пределом обмана, пределом рабства, и потому пределом несчастья людей»². Толстовцы не могли воспринять идеи «материалистического» социализма, вносимого в народные массы, так как его «материалистический своекорыстный дух» превратил рабочих в таких же «грабителей тыла, какими были до переворота русские торговцы и промышленники», а у крестьян вызвал стремление к захвату чужого имущества³. Толстовцы видели развращающее начало материалистического принципа в том, что он усиливает низменные начала в человеке и вызывает эгоистическую направленность его поведения – заботу, прежде всего, о себе и своих классовых интересах, стремление как можно больше получать от общества, пусть и в ущерб общественному благу, враждебное отношение к согражданам, если они из других классов, презрение к благу Родины, ибо у пролетариата нет Отечества⁴. Особое беспокойство толстовцев вызывало снижение ценности личности, подход к ней как к единице в общей массе, которую можно не брать в расчет при определении средств достижения блага народа⁵. Осмысливая революционную действительность, толстовцы убеждались, что материалистический социализм, основанный на насилии, не может принести народу счастья в том смысле, к которому они стремятся. Они утверждали, что происходящее в России есть «не победа, а поражение В. И. Ленина, так как об осуществлении истинного коммунизма нет помина»⁶. Причина поражения В. И. Ленина, с их точки зрения, состояла в отсутствии в Советской России свободного человека⁷, в отсутствии внутреннего нравственного движения в обществе: «в народе не побуждают самостоятельного движения измениться, и люди остаются рабами, такими как были»⁸. Эти критические замечания толстовцев были продиктованы не желанием очернить правящую партию, а искренним стремлением изменить жизнь к лучшему. Даже на закате своего движения они не хотели верить, что подвергаются репрессиям со стороны коммунистов не по недоразумению. «Не могут они (коммунисты) ненавидеть нас за то, к чему сами стремятся», – писал

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.33. Л.1 – 1 об.

² Там же.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.52. Ед.29. Л.3.

⁴ Там же. Л.13.

⁵ Булгаков В. Ф. Лев Толстой и наша современность. – М., 1919. – С. 20-21.

⁶ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 26.

⁷ Булгаков В. Ф. Указ. соч.

⁸ Булгаков В. Ф. Лев Толстой и наша современность. – М., 1919. – С. 23.

ненавидеть нас за то, к чему сами стремятся», – писал И. Добротолубов В. Г. Черткову¹. Чтобы улучшить ситуацию, толстовцы предлагали заменить «низменный материалистический социализм» социализмом благородным. Суть последнего заключалась в том, чтобы воздействовать не на низменные влечения личности, а на высшие благородные начала, заложенные в каждом человеке². По этому поводу В. Ф. Булгаков в речи, посвященной 90-летию Л. Н. Толстого 12 сентября 1918 г., говорил: «Человека хотят довести до крайней степени его низости и победить. Но ведь есть другой, совершенно противоположный путь к победе: это тот, чтобы возвысить человека до степени его наивысшей духовной мощи, красоты и благородства, и им победить»³. Идеалы благородного социализма, по мнению толстовцев, вытекали из духовных особенностей русского народа, заключающихся в том, что народ русский, в противоположность западно-европейским народам, мало понимает и не уважает веления закона, а ищет законы в глубине своей совести: «Теряя руководство совести, русский народ остается беспомощным на своем жизненном пути»⁴. Они были уверены, что путеводной нитью в данном случае может служить только религия. В. Ф. Булгаков отмечал, что народное сознание «требует слитности религиозного и социального идеала»⁵. Толстовцы упрекали русскую интеллигенцию в том, что она не желает принять Бога как необходимое условие переустройства общественной жизни наряду с культурой, просвещением, политическими и гражданскими свободами, и, тем самым, создает пропасть, отделяющую ее от русского народа⁶.

Таким образом, в определении особенностей русской революции и характера социализма толстовцы стояли на религиозно-этических позициях. Несмотря на существование ряда негативных с точки зрения толстовцев черт в общественной жизни страны первых послеоктябрьских лет, они были уверены, что «... скорее не проиграли, а выиграли от революции»⁷. Главную выгоду для себя последователи великого писателя видели в том, что революция позволила им начать новую созидательную работу возрожденной жизни русского народа. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что оценка толстовцами Октябрьской революции не была отрицательной, и дает полное право не соглашаться с мнением С. Савельева о том, что толстовцы Октябрьскую революцию, в отличие от Февральской, не приняли⁸.

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.55. Л.81.

² ОР РГБ. Ф.435. К.52. Ед.29. Л.4.

³ Булгаков В. Ф. Лев Толстой и наша современность. – М., 1919. – С. 23.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.52. Ед.29. Л.6.

⁵ Булгаков В. Ф. К характеристике духовного облика русского народа // «Крестьянская Россия». – Вып.4. – 1923. – С. 148.

⁶ О современных настроениях в русском народе // «Голос Толстого и Единение». – 1920. – № 1. – С. 19.

⁷ «Истинная свобода». – 1920. – №3. – С. 23.

⁸ Савельев С. Бог и комиссары. (К истории комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК ВКП(б) – Антирелигиозной комиссии). // Религия и демократия. На пути к свободе совести. – Вып. 2. – М., 1993. – С. 204.

Несмотря на утвердившееся, благодаря ленинским оценкам, отношение к толстовскому движению как движению, ориентированному на пассивное восприятие социальной жизни, следует подчеркнуть, что единомышленники великого писателя не собирались сложа руки ждать, когда произойдут желанные для них общественные изменения. Более того, они считали, что имеют право голоса при решении всех общественных проблем, ибо «участвовали в деле осуществления правды и свободы»¹. Показательно Обращение к большевикам Казанского толстовского комитета 29 января 1919 г., в котором толстовцы требовали своего признания в России как «течения, возглавляемого Великим писателем Земли Русской». Своё требование они мотивировали тем, что «как вы, большевики, не можете допустить, чтобы распоряжались авантюристы из капиталистов, так и мы не можем согласиться, чтобы судьбами народа распоряжалась только одна партия большевиков – это было бы односторонне, ошибочно и опасно, потому что одним насилием вы можете провалить и свободу, и правду»². Как видим из приведенного документа, толстовцы выступали против большевистской монополии на власть, за демократическое решение насущных вопросов жизни страны.

Направленность мировоззрения последователей Л. Н. Толстого на активное участие в решении актуальных проблем, обусловила потребность в программе конкретной деятельности. Программу созидательной деятельности толстовцев представил П. И. Бирюков в статье «Новая жизнь», написанной 27 октября 1917 г. В ней он определил приемлемые для толстовцев виды деятельности «при новых условиях русской жизни»: 1) литература и искусство; 2) педагогика; 3) создание и развитие новых форм общественной жизни³. Эта программа соответствовала концепции изменения общественного порядка путем нравственного самосовершенствования людей. Высшей задачей программа выдвигала третье направление – создание новых форм жизни в виде колоний, братств, коммун, артелей, основанных на принципах любви к ближнему и готовности служить общему благу.

Первый вид деятельности был направлен, на широкую пропаганду свободно-религиозного мировоззрения путем издательской деятельности, устройства в провинции книжных складов и библиотек, музеев и выставок с общеобразовательной целью, лекций с туманными картинками и кинематографом, с привлечением сил народного театра⁴.

Педагогическую работу толстовцы рассматривали как первостепенно значимую деятельность в созидании новых форм жизни. Организуемые ими школы-фермы и детские колонии должны были дать новый «человеческий материал» для жизни в условиях идеального общества. Именно выпускники школ-ферм и детских колоний, имеющие определенное мировоззрение и психологические наклонности к коллективным формам жизни, любящие

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.27. Л.1.

² Там же.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.2. Л.1.

⁴ ОР РГБ. Ф. 435. К. 55. Ед.2. Л.2.

земледельческий труд, были призваны осуществить мирную жизнь на высших началах добра и справедливости¹. Для тех, кто не сможет жить в колониях и школах-фермах, предусматривалось организовать воскресные и вечерние курсы, лекции, съезды, экскурсии, практические занятия, общественные работы, игры, приспособленные к свободному времени работающих людей². Интересно, что в системе воспитания отрицался дух соревновательности, чтобы не подчеркивалось природное неравенство людей и не возникало бы почвы для зависти и тому подобных явлений³. С точки зрения воспитания коллективиста, такой подход, может быть, имел право на жизнь. Однако это приводило к «обезличке», неизбежной во всех случаях, когда добиваются полного равенства людей. В этом плане толстовское преклонение перед индивидуальностью, ценностью личности как уникальной искры божьей, приходило в некоторое противоречие с реальной направленностью их деятельности. С рационалистических позиций толстовцы отвергали спорт и гимнастику, заменяя их, по возможности, «осмыслением и радостным трудом на общее благо»⁴.

Рассматривая третий вид деятельности – непосредственную организацию колоний, артелей, братств – П. И. Бирюков выдвигал в качестве способствующих ей факторов наличие религиозной совести у участников новых форм жизни, так как в ней он видел цемент, скрепляющий людей на началах взаимной помощи и общего блага⁵.

Толстовцы осознавали, что начинать создание идеального общественного порядка им придется при старой организации общества. Поэтому они считали необходимым создавать колонии не только из лиц, прошедших воспитание в педагогических учреждениях толстовцев, но и из людей, воспитанных в прежних условиях. В этом случае они стремились подходить к созданию коллективных форм жизни очень осторожно, уделяя большое внимание духовной близости людей, чтобы избежать горьких разочарований⁶. Общими принципами для организации новой жизни являлись:

- объединение на кооперативных началах вокруг какого-либо сельскохозяйственного или кустарного промысла;
- стремление к «единению душ» в вопросе о форме объединения;
- движение из города в деревню или превращение города в город-сад;
- вегетарианство и отсутствие вредных привычек у объединяющихся;
- отказ от участия в войне⁷.

Программа П. И. Бирюкова предполагала безгосударственное устройство. Порядок в обществе должен был поддерживаться не правом, «этой старой

¹ Там же. Л.3.

² ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.22. Л.6.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.2. Л.4.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.22. Л.6.

⁵ ОР РГБ. Ф. 435. К.55. Ед.22. Л.8.

⁶ Там же. Л.9-10.

⁷ Там же. Л.9-11.

опорой насилия, а долгом и обязанностью человека служить общему делу»¹. Религиозная жизнь признавалась делом совести каждого человека².

Таким образом, толстовцы видели в коммунах, артелях, братствах конечную задачу своей деятельности, позволяющую создать условия для мирного постепенного перехода от эксплуататорского насильнического строя к мирной братской жизни на земле плодами рук своих. Эти коммуны и артели должны были стать ростками идеального общества еще в рамках существующего строя, показать образец ненасильнической жизни и путем революции сознания изменить характер отношений в обществе в сторону идеала. Программа П. И. Бирюкова учитывалась в практической деятельности толстовцев на протяжении первых послеоктябрьских лет.

Распространение земледельчески-трудовых идеалов было важнейшим направлением пропагандистской деятельности толстовцев, так как они являлись ядром хозяйственной и организационной сторон в системе мер, предусмотренных толстовцами на пути к светлому будущему. Особенностью практической работы толстовцев после Октябрьской революции было усиленное внимание к крестьянству, прежде всего из сектантской среды, как к социальной опоре этого движения. Интерес объяснялся тем, что крестьянство было наиболее приспособленным элементом для жизни в создаваемых толстовцами «новых формах жизни». По мнению толстовцев, крестьяне, уже в известной степени исполняли в своей жизни практическую сторону учения Л. Н. Толстого (вегетарианство, земледельческий труд и др.), имели многовековой опыт общинной жизни³. Поэтому последователи писателя надеялись, что им удастся добиться необходимых перемен в жизни общества путем усиления духовного влияния на крестьянские массы.

Двигателем пропагандистской работы толстовцев среди крестьянства была сельская интеллигенция, воспринявшая идеи Л. Н. Толстого. Представление о методах воздействия на крестьян дает письмо в редакцию журнала «Голос Толстого и Единение» Сыромятникова Степана Ивановича, инструктора по внешкольному образованию четырех волостей Калужского уезда и его жены, заведующей волостной библиотекой. В нем они предлагают сотрудничество, обещая распространять журнал, проводить в народные библиотеки четырех волостей сочинения Л. Н. Толстого, открыть книжную торговлю изданиями «Посредника», устраивать беседы и чтения. Авторы письма прилагают программу вечера памяти Л. Н. Толстого, устроенного местным культурно-просветительным кружком в деревне Наволоках Калужского уезда. Публика привлекалась исключительно из крестьян, собралось до 150 человек от 10 до 60 лет⁴.

Активную деятельность по пропаганде толстовской модели дальнейшего развития общественных отношений проводили существовавшие в то время

¹ Там же. Л.12.

² Там же. Л.11.

³ Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России // Избранные соч. Т. 1. – М., 1958. – С. 176.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.56. Ед.25. Л.2-2. об.

толстовские организации. Они уделяли достаточно большое внимание земельно-сельскохозяйственному направлению пропаганды. В 1919 году в стране, по данным из фонда И. И. Горбунова-Посадова, существовали 37 организаций. Это были Общества Истинной свободы в память Л. Н. Толстого, вегетарианские общества, общества «Обновления жизни», кружки в память Л. Н. Толстого, общества свободно-религиозного мировоззрения, общины свободных христиан, общества эсперантистов. Из 37 организаций 19 работали в сельской местности. Общества и кружки в духе Л. Н. Толстого активно действовали в Москве, Калуге, Витебске, Вятке, Орехово-Зуеве, Новгороде, Рязске, Орле, Ливнах, Мценске Орловской губернии, Серпухове Московской губернии, Родниках и Юрьевце-на-Волге Иваново-Вознесенской губернии, Самаре, Саратове, Царицыне, Балаково Самарской губернии, Николаевске Царицынской губернии, в Киеве, Харькове, Полтаве и других городах¹.

На городские организации возлагалась задача добиться активного перехода городского населения на земледельческий труд², на сельские – непосредственная организация коллективных форм жизни среди крестьян³.

Центральное место среди толстовских организаций занимали Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого, созданные по образцу Московского ОИС по всей стране. Провинциальные общества и кружки имели те же названия для того, чтобы «любому единомышленнику Л. Н. Толстого в любом месте легко было бы отыскать подобную организацию»⁴. Каждое общество было бы вполне независимо в своей деятельности, между ними не было «даже подобия той обязательной партийной связи, которая наблюдается в организациях политического и общественного характера»⁵, но общение между ними считалось толстовцами необходимым для унификации основных направлений деятельности. Совет московского ОИС в память Л. Н. Толстого в обращении «Всем друзьям и единомышленникам» в 1919 г., наряду с лекционной и издательской деятельностью рекомендовал местным организациям обратиться к такой «важной области», как устройство сельскохозяйственных общин, деревенских, полевых и огородных хозяйств⁶. В авангарде движения шло Московское Вегетарианское Общество, имевшее еще дореволюционный опыт организации колоний «идейных земледельцев», было организовано Справочное бюро, издавался сборник «Земля и труд»⁷. Эти традиции были продолжены и после Октября. При обществе была организована особая земельная комиссия под председательством писателя-крестьянина С. Т. Семенова, а позже в помещении МВО собиралось общество Свободного труда, ставшее, в сущности, отделением Вегетарианского общества⁸. Общество Свободного труда работало над

¹ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.34-35.

² Там же. Л.38.

³ «Истинная свобода». – 1921. – №8. – С. 26, 31.

⁴ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.36.

⁵ Там же. С.34-35.

⁶ Там же. Л.38.

⁷ ОР РГБ. Ф. 435. К. 70. Ед. 44. Л.39 об.

⁸ ОР РГБ. Ф. 345. К. 5. Ед. 3. Л.6.

организацией земледельческих коллективов и ремесленных мастерских, оказывало помощь в сбыте сельскохозяйственной продукции и приобретении сельскохозяйственного инвентаря. При нем действовал Справочный отдел, возглавляемый В. А. Медведковым, издавался журнал «Обновление жизни»¹. В лекционной работе МВО достаточно много внимания уделялось проблеме перехода к земледельческой жизни. Например, один из активных участников толстовских коммун С. Булыгин предложил программу лекций, включавшую темы социального звучания, такие как «Теория и практика мирного, безнасильного религиозного коллективизма и коммунизма»². Через печатный орган «Письма московского Vegetарианского общества» велся поиск участников для толстовских поселений³. Благодаря общению через МВО в толстовские коммуны происходил приток новых членов. Так, в коммуну «Жизнь и труд» прибыли семьи А. Н. Ганусевича, О. В. Троицкого, П. Жарова, Н. Гриневиц, А. В. Арбузов, А. Демидов, С. Рогожин⁴.

Земледельческо-трудовые идеалы пропагандировала и толстовская академия – Курсы свободно-религиозных знаний. Ее занятия проходили в помещении вегетарианской столовой в Газетном переулке в Москве. В плане курсов была выделена специальная беседа «Земледельческие трудовые колонии»⁵.

Объединенный Совет религиозных общин и групп (ОСРОГ), созданный в Москве в октябре 1918 г. с целью защиты свободы совести и сближения на почве духовных интересов различных свободно-религиозных течений, внес свою лепту в развитие земледельческого движения толстовцев. Зимой 1920 г., при ОСРОГ была организована особая комиссия в виде Отдела сектантских сельскохозяйственных и производительных коллективов, стремившаяся связать их в одно целое⁶.

Пропаганда земледельческого труда была призвана не только морально подготовить людей к жизни в коллективных условиях, но и обучить их правильному ведению хозяйства. Так в Уставе Мариинского ОИС в память Л. Н. Толстого Полтавской губернии, указывалось, что для успеха создаваемых ими коммун, артелей, мастерских, общество устраивает чтения и лекции по различным отраслям сельского хозяйства и курсы всевозможных ремесел⁷.

Проблемы движения на землю широко освещались в толстовской прессе. В журналах «Голос Толстого и Единение», «Единение», «Истинная свобода», «Братство», «Открытое слово», «Слово Истины», «Обновление жизни» имелись разделы, в которых печатались факты «пробуждения и перехода к истинной жизни». Особенно приветствовались любые ростки коллективной жизни. Например, в журнале «Истинная свобода» в августе 1921 г. приводилось в качестве положительного примера создание в деревне Четверни Рогачевского

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.21. Л.1.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.37. Л.1.

³ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.32 об.; К.96. Ед.17. Л.26 об.

⁴ Воспоминания... – С. 99.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.24. Ед.4. Л.2.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.62. Ед.29. Л.1.

⁷ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.13-14.

уезда Гомельской губернии «нечто вроде артели» из 11 крестьян, в большинстве своем семейных. «Все они составили как бы единую семью и стремятся к воплощению в жизнь начал истинного коммунизма»¹. Ежемесячный бюллетень «Письма друзьям Толстого» сообщал в 1927 г. об основании толстовского поселка в городе Троицк Уральской области, куда приглашал единомышленников его основатель Р. Б. Петрович, о создании толстовской земледельческой колонии в г. Сочи². Для более широкого охвата своими идеями массового читателя, толстовцы использовали издания, близкие им по направлению мысли. Например, журнал «Вольная жизнь», учрежденный Всероссийской Федерацией анархистов-коммунистов, в котором могли помещать свои статьи мирные коммунисты³, кооперативный журнал «Общее дело»⁴ и др.

Таким образом, практическая деятельность толстовцев по осуществлению мирной братской жизни на земле имела длительный подготовительный период систематической пропаганды толстовского мировоззрения среди населения.

Подводя итоги, следует отметить, что все задачи социальных преобразований, стоящие перед толстовцами, тесно связывались с земледельческим движением. На активизацию его были направлены все доступные толстовцам и не противоречащие их миропониманию виды деятельности: лекционная, издательская, культурно-просветительная. Толстовские земледельческие объединения прекрасно вписывались в концепцию «гуманного социализма». Единомышленники великого писателя для достижения своих целей стремились использовать все близкие им общественные силы, имеющие аналогичные стремления.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное, необходимо отметить, что идеология выступала в толстовском земледельческом движении с момента его возникновения в качестве главного побудительного мотива. Активизация процесса создания земледельческих объединений толстовцев неразрывно связана с той мировоззренческой эволюцией, которую претерпело толстовское движение с конца 1880-х гг. к началу 1920-х гг. В толстовском движении усилилось стремление отойти от индивидуализма Л. Н. Толстого и активно включиться в процесс революционных преобразований. После Октября, в общей демократической атмосфере первых лет советской власти, толстовское движение приобрело организационную оформленность, расширилось его влияние на массы, появились более широкие возможности для пропаганды земледельчески-трудовых идеалов. Это создавало благоприятные условия для расширения толстовского земледельческого движения.

Своеобразно восприняв Октябрьскую революцию, толстовцы стремились немедленно провести свои идеалы в жизнь. В этом вопросе им было присуще революционное нетерпение, как и другим политическим силам. К началу

¹ «Истинная свобода». – 1921. – №8. – С. 31.

² ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.11. Л.24-28.

³ См.: «Вольная жизнь». – 1919. – №1. – С. 1.

⁴ См.: «Общее дело». – 1918. – № 23. – С. 17.

1920-х гг. у них сложилась собственная концепция «гуманного социализма», соответствующая теории о нравственном самоусовершенствовании как главной пружине общественного прогресса. Переход к жизни в коммунах и артелях должен носить постепенный и длительный характер. Важнейшим принципом движения был принцип добровольности. Революции сознания была подчинена вся практическая просветительная деятельность толстовцев, призванная готовить людей к новой братской жизни.

ГЛАВА II

СВОЕОБРАЗИЕ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

2.1 Численность, география распространения и основные принципы внутреннего устройства толстовских коллективов

Процесс организационного оформления толстовского движения, свободное толкование идейного наследия Л. Н. Толстого, широкая пропаганда земледельчески-трудовых идеалов, имевшие место в первое пятилетие после Октября, нашли логическое продолжение в активизации толстовского земледельческого движения. Как свидетельствует И. И. Горбунов-Посадов, жизнь толстовцев-земледельцев была «могучей ветвью толстовского движения» в первые послеоктябрьские десятилетия¹. Однако до сих пор эти «очаги мирной братской жизни», созданные единомышленниками великого писателя, не изучались в качестве объекта историко-культурологического исследования.

Прежде всего, необходимо ответить на вопросы о количестве сельскохозяйственных толстовских поселений, их территориальном расположении.

Рассматривая проблему численности земледельческих объединений толстовцев, следует отметить, что в отечественной историографии отсутствуют какие-либо статистические данные о толстовских коллективах. Хотя такие данные существовали, Бирюков П. И. и И. М. Трегубов в «Докладной записке «Об отношении Наркомзема к сельскохозяйственным коллективам русских сектантов» в 1920 году указывали, что «прилагают список сельскохозяйственных коммун и артелей религиозного характера»². Однако он не попал в руки исследователей. А. И. Клибанов указывал, что «ни общее число сектантских коллективов, ни количество объединяемых ими крестьян нам не известно»³. Такое положение дел объясняется тем социальным статусом, который был определен государством для сельскохозяйственных коллективов, имевших религиозную окраску. Устав для сектантов, утвержденный Наркомом земледелия Середой 23 апреля 1920 г., отличался от обычного Устава сельскохозяйственных коммун лишь тем, что в нем отсутствовал пункт «о борьбе со старым миром вооруженной рукой»⁴. Наркомат земледелия считал излишним упоминание в уставах о том, что члены коллектива придерживаются определенных религиозных взглядов⁵. Циркуляр НКЮ, НКВД, Наркомздрава и РКИ от 15 августа 1921 г. провозглашал, что сектантские коммуны и артели имеют право юридического лица только в качестве хозяйственных организаций. Указание на религиозную принадлежность противоречило провозглашенному Конституцией

¹ Воспоминания крестьян-толстовцев. ... – С. 4.

² ОР РГБ. Ф.345. К.63. Ед.14. Л.2.

³ См.: Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность... – С. 240.

⁴ РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.395. Л.3.

⁵ Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства. – М., 1924. – С. 339.

требованию свободы совести и признания религии частным делом граждан¹. Эти факты проясняют отсутствие какой-либо статистики по религиозным коммунам и артелям. Они входили в статистические сводки на общих основаниях.

По толстовским земледельческим объединениям ситуация осложнялась еще и анархической направленностью их миропонимания. Внегосударственные тенденции мировоззрения привели к тому, что толстовские коллективы стремились свести контакты с государственными органами к минимуму. Многие даже не имели «писаных» уставов, не видя в них необходимости и, соответственно, не регистрируя их в государственных структурах. Отрицательную роль в вопросе о численности толстовских коммун и артелей сыграла и политика засекречивания сведений о сектантах, к которым относили и толстовцев. Например, в проекте Постановления Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) о результатах антирелигиозного совещания при ЦК ВКП(б) (май 1926 г.) рекомендовалось все практические предложения по сектантскому вопросу считать не подлежащими публикации². Таким образом, вычлнить толстовские земледельческие объединения только по официальным статистическим данным не представляется возможным.

Для определения численности толстовских земледельческих коллективов автором использованы отрывочные сведения, содержащиеся в воспоминаниях, переписке, документах о деятельности толстовских организаций – ОСРОГ, Московского Вегетарианского общества, Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого; материалах, отложившихся в фондах государственных учреждений, связанных с деятельностью сектантских коллективов или надзором за ними, жалобами и др. Методом сравнительного анализа автору удалось установить существование в различных районах бывшего СССР 90 толстовских земледельческих коллективов (см. Приложение 1).

В Приложение 1 вошли коллективы, которые, во-первых, непосредственно указывали в своих документах о принадлежности к мировоззрению Л. Н. Толстого. Во-вторых, те объединения, которые указываются в толстовской прессе и в воспоминаниях толстовцев как организации единомышленников великого писателя. Некоторые коллективы отнесены к толстовским по совокупности косвенных признаков: вегетарианство, ненасилие в программных документах, использование характерных для толстовцев названий «Истинная свобода», «Единение» и другим. Необходимо отметить, что по совокупности признаков в таблицу были внесены всего четыре коллектива.

Сведения о толстовцах, отказывающихся по религиозным убеждениям от воинской службы, позволяют считать толстовскими коллективы, из которых они призывались, с определенной долей условности, так как известны факты, когда последователи Л. Н. Толстого жили в нерелигиозных коммунах и артелях. Например, толстовец И. Силин жил в коммуне имени Фабрициуса

¹ РГАНИ. Ф.89. Оп.1. Ед.123. Л.34.

² РГАНИ. Ф.89. Оп.1. Ед.123. Л.34.

на платформе Красная, п/о Жуковка Западной области¹; толстовец Мельников В. Н. – в сельскохозяйственном кооперативном товариществе «Пахарь» Сызранского округа².

Территориально размещение толстовских коммун и артелей последователей Л. Н. Толстого локализуется в следующих областях: Тверской, Тульской, Московской, Смоленской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Невинномысской, Полтавской, Харьковской, Черноморской, рязанской, Пензенской, Сталинградской, Екатеринославской, Черниговской, Гомельской, Ярославской, Иваново-Вознесенской, Уральской, а также на Кавказе, в Казахстане, Киргизии, Прибалтике. Как видим, прежде всего, это районы, имеющие благоприятные условия для занятий земледелием, садоводством, бортничеством и другими сельскохозяйственными промыслами. Более того, именно эти регионы являются традиционно признанными районами размещения сектантов так называемых внецерковных, свободномыслящих течений: молокан, духоборов, трезвенников, евангельских христиан и др., из среды которых во многих случаях толстовцы находили своих единомышленников³. Например, Алестова Т., до прихода в толстовский коллектив, была членом общины трезвенников в Москве. Лапин М. Н. начал религиозную жизнь среди хлыстов. Е. П. Безуглов сначала примыкал к евангельским христианам⁴.

По количественному составу толстовские земельные объединения относятся к категории мелких и средних коллективов. Состав их участников колебался от 5-10 человек до 70-100, при средней численности в 46-47 человек⁵. Для сравнения отметим, что в 1918-1920 гг. численный состав коллективов, созданных большевиками, колебался от 50 до 400 членов. Самыми населенными были коммуны, потом – артели, на третьем месте стояли ТОЗы⁶. В толстовском земельном движении крупных сельскохозяйственных коммун в 1918-20 гг. не существовало, преобладали небольшие земельные артели. Еще более показательным сравнением с численностью сектантских коллективов, имевших до 500-600 душ в своем составе, при средней численности примерно в 200 человек⁷. Таких крупных коллективов толстовцы во время своего существования в Европейской части СССР не создавали. Только после переселения на Алтай в 1930 г., когда в коммуну «Жизнь и труд» влились почти все единомышленники Л. Н. Толстого, расселенные прежде в небольших коллективах, ее численность достигла 500 человек⁸.

Следует отметить, что если в большевистских коллективах к 1926 г. происходит (по данным Колхозцентра) уменьшение количественного состава

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.1. Л.5-6.

² ОР РГБ. Ф.435. К.74. Ед.4. Л.48. об.

³ Путинцев Ф. М. Районы распространения сектантства // «Антирелигиозник». – №1. – М., 1927. – С. 24.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.5. Л.8-21 об., 62 об.

⁵ Подсчеты автора.

⁶ См.: Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. – М., 1976. – С. 20.

⁷ Подсчеты автора.

⁸ Воспоминания крестьян-толстовцев... – С. 125.

участников до уровня средней численности 47-66 человек в коммунах; 53-63 – в артелях и 50-96 – в ТОЗах¹, то толстовские коллективы были в 1920-1926 гг. наиболее многочисленны. Это объясняется укреплением их материального положения в эти годы вследствие относительной экономической свободы периода НЭПа, а также государственной политикой по отношению к религиозным коммунам и артелям.

К большой численности своих коллективов толстовцы и не стремились, так как считали, что главную роль в подборе членов должна играть психологическая совместимость и одинаковый взгляд на жизнь, то есть «единение душ», чего очень сложно достичь при большом коллективе. Они даже опасались чрезмерного роста коммун. Например, Егудин Ю. писал И. И. Горбунову-Посадову в 1924 г., что в Новоиерусалимской коммуне ему очень понравилось, но выяснилось, что он быть в коммуне не может, так как «если останется, то придется взять всех вновь приходящих»².

По времени расцвет деятельности толстовских земледельческих объединений падает на 1920-1925 гг., Это объясняется особенностями внутривнутриполитической обстановки в стране. С. И. Морозов выделял в сектантском колхозном движении два момента: 1920-1921 гг. и 1927-начало 1930-х гг.³. Активизация толстовского коллективного движения приходится на 1920-21 гг., когда лидеры толстовцев возглавляли сектантское колхозное движение в целом. Но во второй период усиленного создания сектантских колхозов оживления толстовского земледельческого движения не происходило.

Социальный состав толстовских земледельческих объединений, возникших после Октябрьской революции, существенно отличался от социального состава коллективов толстовцев дореволюционного этапа развития толстовского земледельческого движения, когда главным инициатором этого движения являлась интеллигенция, В 1920-е гг. в толстовских земледельческих поселениях жили представители самых разных социальных слоев. К сожалению, малочисленность и отрывочность сведений не позволяют провести статистического анализа, однако визуальные наблюдения позволяют утверждать, что в коммунах и артелях толстовцев была сильна крестьянская прослойка, в составе которой были как бедняки, так и середняки. Изменение социальной базы толстовского движения после Октябрьской революции в сторону крестьянства вообще, и среднего крестьянства в частности, отразилось и на составе земледельческих коллективов. По-прежнему, здесь было достаточно много лиц интеллигентных профессий и служащих. В коммуне им. Тимофея Бондарева 1/3 часть составляли ремесленники. Интеллигенция преобладала в коллективах, устроенных с педагогической целью. Примером может служить Детская колония «Снегири», созданная интеллигенцией и сиротами. Рабочие были немногочисленны. Видимо это объясняется значительным влиянием в рабочей среде других идейно-политических течений – большевиков, эсеров. Интеллигенция не играла

¹ См.: Гришаев В. В. Указ. соч. – С. 122.

² РГАЛИ. Ф. 122. Оп.1. Ед.558. Л.7.

³ Морозов С. И. Сектантские колхозы. – М., 1931. – С. 13.

в толстовских коллективах руководящей роли. Среди руководителей были представители разных слоев: Е. Моргачев – застрельщик коммуны с. Бурдино Орловской губернии – бедняк, батрак, пастух; Б. В. Мазурин – активист коммуны «Жизнь и труд» – ушел в толстовское движение будучи студентом Московской Горной академии¹; И. Добротолубов, руководитель Сталинградской общины – бывший священник, оставивший сан под влиянием идей Л. Н. Толстого². Толстовцы-интеллигенты, окружавшие при жизни Л. Н. Толстого и ставшие идеологами толстовского движения после его смерти, поддерживали тесную связь с толстовскими коммунами и артелями. В. Г. Чертков, например, считал себя членом коммуны «Березки», в ней же состоял Ф. А. Страхов. Ставился вопрос о приеме семьи Алексеевых, которых было решено принять пока в качестве гостей³.

Однако отношение интеллигенции, возглавляющей толстовское движение, к коммунам не было однозначным. Б. В. Мазурин вспоминал, что К. С. Шохор-Троцкий был против коммуна⁴.

В работах идеологов антирелигиозной политики советской власти, исследователей сектантства конца 1920-х гг. активно проводилась мысль о толстовских коллективах как о местах, где нашли прибежище «бывшие люди», озлобленные на социалистическую действительность⁵. Безусловно, в коммунах и артелях встречались бывшие дворяне. Например, коммуна на хуторе Заказ на Смоленщине организовывалась братьями Пыриковыми в имении, которое раньше являлось собственностью их семьи⁶; К. Красковский был бывшим кадровым офицером⁷. Но таких людей было немного, и новым их социальным положением была трудовая жизнь крестьянина. Таким образом, рассматривать толстовские земледельческие коллективы как объединения представителей бывших эксплуататорских классов неправомерно.

Сделать какой-либо определенный вывод о численности мужчин и женщин в коммуне затруднительно из-за фрагментарности данных. Например, во Фрунзенской коммуне к моменту ее переселения на Алтай было 34 мужчины, 33 женщины и 26 детей⁸. Насколько удалось подсчитать автору по воспоминаниям Б. В. Мазурина, в коммуне «Жизнь и труд» (Шестаковка) было 43 мужчины и примерно в 2 раза меньше женщин⁹. В коммуне «Новый

¹ Воспоминания... – С. 109.

² Егудин Ю. Мои скитания и моя жизнь в толстовских коммунах // «Сибирские огни». – 1991. – №1. – С. 238.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.5-8.

⁴ Воспоминания... – С. 111.

⁵ См.: Ярославский Е. О Толстом и толстовцах // «Антирелигиозник». – 1928. – №7. – С.21-22; Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т.1. – М., 1959. – С. 378-879; Путинцев Ф. М. Кабальное братство сектантов. – М., 1931. – С. 95; Морозов С. И. Сектантские колхозы. – М., 1931. – С. 13-14.

⁶ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.286. Л.145.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.55. Л.18.

⁸ ОР РГБ. Ф.435, К.100. Ед.36. Л.1.

⁹ Воспоминания.... – С. 94-95.

Иерусалим» проживало 29 мужчин и 15 женщин¹. О преобладающем стремлении мужчин к толстовскому мировоззрению и образу жизни свидетельствует и тот факт, что в толстовской среде достаточно широко обсуждался вопрос о том, имеет ли право человек, оставив семью ради своих убеждений, уйти в комму-ну?² Бывали случаи, когда в результате идейных расхождений семья жила на два дома. Примером может служить семья С. В. Троицкого³. Таким образом, можно предположить, что в толстовских коллективах преобладало мужское население.

По возрасту участников состав толстовских коммун и артелей был преимущественно молодым. В коллективах было много выпускников детских колоний, бывших студентов, солдат – все они были молодыми людьми. В коммуне им. Т. Бондарева возраст мужчин составлял не больше 28 лет⁴. Возраст глав семей в артели Льва Толстого в с. Сосновка Симбирской губернии находился в интервале от 28 до 38 лет⁵. Да и в целом, как свидетельствовал И. И. Горбунов-Посадов в 1920 г., толстовцы «обычно молодые люди в самой цветущей поре жизни»⁶.

В толстовских коммунах жили люди различных политических пристрастий в прошлом: механик коммуны «Жизнь и труд» Швильпе и Сержанов Е. М., ее организатор, были вначале из анархистов, потом перешли к экстархистам⁷. В коммуне В. Шейермана жил один из анархотеррористов анархист Хобачев, народники – братья Череватенко, племянницы П. А. Кропоткина. Б. Шейерман приглашал даже С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева, но они отказались⁸. Показательны пути исканий В. В. Янова и И. А. Чернявского. В. В. Янов сначала решил изучить ту партию, которая «громче всех кричала о крестьянах, о свободной жизни» – партию эсеров, разочаровавшись, примкнул к большевикам, потом – к анархистам, у которых и познакомился с идеями Л. Н. Толстого⁹. Чернявский И. А. в марте 1917 г. вступил в партию эсеров, с 1918 г. уже был членом РКП(б). Он был призван по партмобилизации в Красную армию, где служил на политических и военных должностях уездного масштаба¹⁰. Но «мировая революция не наступала, капиталистический мир устоял и окреп, да и в России в 1921 г. начал всплывать НЭП, и вот моя вера в революцию кончилась» – писал он позднее в анкете переселенца¹¹. Со случайно попавшегося ему в руки в библиотеке ЦК Белоруссии тома «Круга чтения» Л. Н. Толстого началась его духовная эволюция в сторону толстовства.

¹ Там же. С. 70-76.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.14.

³ Воспоминания ... – С. 5.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.4.

⁵ ГАУО. Ф. Р-336, Оп.44. Ед.54.

⁶ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.286. Л.136. об.

⁷ Воспоминания ... – С. 96.

⁸ Petrus K. Religious commune... – P. 32, 36-37.

⁹ Воспоминания... – С. 16.

¹⁰ ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.1. Л.52-53. об.

¹¹ ОР РГБ. Ф.435, К.98. Ед.1. Л.53. об.

Толстовские коллективы не были однородны и в религиозном отношении. В коммуне В. Шейермана жила семья сектанта Овсюка¹; Кубанскую Эмануиловскую общину составляли толстовцы и свободные христиане, а коммуны «Единение» в Тульской области – толстовцы и духовно-евангельские христиане². Однако такое сожителство было возможно, если обе стороны стремились к компромиссу. В противном случае складывалась ситуация как в истории поселения Никона Щелкунова с семьей в коммуне «Жизнь и труд». Он смог совсем недолго прожить в толстовском коллективе, так как в жизни коммуны не было сектантского «благодичия»³.

По характеру возникновения толстовские сельскохозяйственные коллективы можно подразделить следующим образом:

1. Объединения, созданные группой единомышленников, съезжающих из городов и сел для совместной жизни. Чаще всего они возникали в бывших экономиях и на свободных землях, арендуемых или переданных в пользование. Таким образом были организованы коммуны: сельскохозяйственная община-коммуна им. Льва Толстого в Пензенской губернии, коммуна «Жизнь и труд» под Москвой, Ново-Иерусалимская коммуна, соседское поселение «Змеиная гора» близ Сочи⁴.

2. Коллективы, организованные местными крестьянами путем слияния своих земельных участков. Примером могут служить объединения в виде Обществ Истинной свободы, существовавшие в деревнях. Таким путем создавались Всемирная религиозная община «Истинное жизневедение» в Черниговской губернии. Из 19 хозяйств с. Бурдино Орловской губернии на земле, составленной из душевых наделов, возникла коммуна Д. И. Моргачева⁵.

3. Сельскохозяйственные колонии, возникшие на основе детских приютов. На основе Детской трудовой колонии «Снегири» была создана 1-я детская коммуна им. Верещагиной. В предместье Киева Святошине предполагалось иметь кроме детского коллектива взрослое поселение⁶.

4. Братские поселения, организованные кем-либо из толстовцев, имеющих землю и средства производства. Земледельческая коммуна «Заказ» была организована братьями Пыриковыми на их собственном хуторе⁷.

Поиск единомышленников велся часто через объявления в толстовской прессе. Так в «Письмах Московского Вегетарианского Общества» за 1925 г. были помещены объявления М. Сироткина, приглашавшего друзей на снятую им дачу близ Ялты для устройства санатория. А. Беланин, агроном из

¹ Petrus K. Religious commune... – P. 36.

² ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.19. Л.17; Там же. К.97. Ед.18. Л.2.

³ Воспоминания... – С. 131.

⁴ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.24 об; «Голос Толстого и Единение». – апрель 1918 г. – №3. – С. 15.; Воспоминания... – С. 7, 94.

⁵ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 28.; Воспоминания... – С. 261.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.26. Л.3-3 об; «Братство». – 1920. – № 2. – С. 10.

⁷ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.286. Л.145.

Ярославля, посредством «Писем...» искал желающих сесть на землю и предлагал занятия полеводством, бортничеством, работой по восстановлению бездействующего ватного и картофелетерочного заводов¹. Иногда для братских поселений толстовцы покупали участки земли единолично или на несколько компаньонов. Таковы были поселения И. И. Совина и Климова², С. Кононова и Кусмарцева³.

Толстовцы с большим вниманием относились к проблеме выбора формы организации коллективов. Для них это было не только жизненно важный практический вопрос, он имел огромное мировоззренческое значение. Дискуссия началась еще в дореволюционный период в результате противоречивости суждений самого Льва Николаевича о земледельческих колониях. В 1909 г. В. Г. Чертков вынужден был выступить со статьей «Отношение Л. Н. Толстого к земледельческим колониям», в которой он рассмотрел все высказывания писателя по этому вопросу. В. Г. Чертков сделал вывод, что Л. Н. Толстой сочувствовал земледелию, так как оно имеет в своем основании два начала: земледельческий труд, являющийся первой нравственной обязанностью человека, и кооперацию, способствующую облегчению народной нужды⁴. Однако Л. Н. Толстой опасался, что погоня за внешней формой отодвинет на задний план работу личности по нравственному самосовершенствованию. Поэтому он считал движение к общинному земледелию процессом длительным, когда переход к общине явится результатом зрелости душевного состояния личности и естественного пути развития общества⁵.

После Октябрьской революции, когда в стране переход к коллективным формам жизни стал рассматриваться в государственном масштабе, споры в толстовской среде усилились. Противоречивое отношение Л. Н. Толстого к земледельческим колониям позволило его единомышленникам по-разному понимать сущность перехода к коллективным формам жизни. В толстовской среде дебатировались следующие принципиальные проблемы: об идеалистическом или материалистическом характере процесса создания земледельческих объединений; о том, является ли дело устройства коммун и артелей христианским делом; о наилучших формах коллективного хозяйства. По этим вопросам высказывались различные, часто взаимоисключающие точки зрения. Например, К. С. Шохор-Троцкий считал, что главное в движении по переходу на землю – идея самосовершенствования личности, но его идеалистический характер не должен мешать «практической постановке дела хозяйства»⁶. Создание крепкого хозяйства было важным не только с точки зрения материального обеспечения членов объединения, но и с идейной⁷. М. С. Дудченко, активный участник общины «Братский труд» в деревне Селешина под Полтавой, полностью был

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.17. Л.11 об., 13 об.

² ОР РГБ. Ф.435. К.7. Ед.2. Л.38.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.10. Ед.35. Л.1 об.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.11. Ед.9. Л.2-3.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.15. Ед.9. Л.10-10 об.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.11. Ед.3. Л.24-25.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.11. Ед.3. Л.31.

согласен с К. С. Шохор-Троцким, указывая, что чем крепче будет поставлено хозяйство, тем больше духовных, интеллектуальных и моральных запросов своих членов сможет удовлетворить коллектив¹. К. С. Шохор-Троцкий выделил основные факторы, которые необходимо учитывать при переходе на землю: 1) личную подготовленность перехода человека к сельскохозяйственному труду без ущерба для развития личности; 2) физическую подготовленность лиц и наличие у них определенных навыков земледелия; 3) отношение к этому вопросу близких². Именно реакция семьи удерживала многих толстовцев от осуществления своих намерений вступить в коммуну или артель³.

На этом фундаменте, заложенном К. С. Шохор-Троцким, базировались две крайние точки зрения на смысл и цели создания коллективных форм жизни, имевшие место в толстовской среде. Наиболее полно они отражены в двух документах: «Наше товарищеское соглашение» Трудового общества им. Л. Н. Толстого и в выступлении одного из активнейших участников толстовского земледельческого движения Б. В. Мазурина в Бюллетене МВО №10 от 28 июля 1928 г.

Авторы «Товарищеского соглашения» считали, что создание коммун, артелей и общин не является христианским делом, ибо речь идет о создании внешних форм жизни. Они полагали, что братская и свободная жизнь на земле никогда не должна быть задачей человека, а бывает лишь следствием внутреннего перерождения⁴. Поэтому, с их точки зрения, было необходимо не добиваться во внешних формах равенства прав и имущества, а при любой форме собственности остановить всякое насилие и принуждение. Для этого надо устроить такое хозяйство, которое освобождало бы человека от рыночной зависимости. Таким типом хозяйства было натуральное, которое авторы соглашения называют религиозным, так как в нем создаются возможности новой братской экономической связи – «свободного неоплачиваемого труда»⁵. Они предлагали это производительно-потребительское хозяйство вообще исключить из круга понятий собственности: «Оно не общее, а просто одно для всех занятых в нем людей и только». По форме организации созданный ими образец хозяйства можно определить как тип соседского поселения с обобществленным производством и распределением по труду. Соседское поселение как форма общежития отстаивалась ими вследствие признания самобытности и одиночества внутренней жизни каждого⁶.

Безусловно, этот проект носил эклектический характер, в нем сказывалось непонимание его авторами сущности определенных общественных связей, товарно-денежных отношений и отношений собственности, принципов сосуществования Товарищества с окружающим миром. В нем явно виден подход к проблемам общественного устройства с чисто умозрительных,

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.29. Л.38.

² ОР РГБ. Ф.435. К.5. Ед.3. Л.19 – 21.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.14.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.33. Л.4.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.33. Л.7.

⁶ Там же. Л. 9-9 об.

идеалистических позиций. В целом этот проект направлен на создание своеобразного острова Утопия, развивающегося в соответствии со своим собственным представлением об идеале справедливого общества.

Среди коммунаров Шестаковки бытовало два мнения о смысле коллективной жизни. Первое состояло в том, что в коммуну нужно идти ради духовных целей, так как рядом с единомышленниками создаются лучшие условия для нравственного совершенствования, отпадения частнобывших инстинктов и т. д.¹ Второе мнение детально раскрыл Б. В. Мазурин, бывший не только активным участником, пропагандистом, но и идеологом толстовского коллективного движения. Он считал, что коллективная жизнь в коммуне «никаких духовных целей преследовать не может», потому что коммуна есть только форма, «только группа людей, живущих вместе»². По его мнению, форма коллектива для духовной жизни никакого значения не имеет, ибо жизнь в коллективе определяется уровнем нравственного и духовного развития его членов, их человеческими слабостями, которые не исчезают с переходом к этой форме жизни. Б. В. Мазурин не был согласен и с тем, что коммуна является панацеей от частнобывших инстинктов, так как «собственность, хотя и коммунальная, остается собственностью, и вступить в коммуну не значит перешагнуть эту черту»³. Он видел ценность коммуны в том, что она является свободным объединением людей вокруг земли, вокруг труда, вокруг хлеба. Вступающими в коммуну, с его точки зрения, должны двигать истинно духовные, «можно даже сказать религиозные побуждения»: необходимость здоровой жизни среди природы для нравственного воспитания детей, желание стать равными и независимыми членами общества. За такой практичный подход, по его собственному свидетельству, Б. В. Мазурин и его сторонники подвергались обвинению в «материализме»⁴.

Среди коммунаров не было единства и в вопросе о размерах и численности коллектива. Например, Завадские были сторонниками небольшой, сработавшейся, почти семейной коммуны. Б. В. Мазурин и некоторые другие – более крупного и многочисленного коллектива⁵.

К концу 1920-х гг. в толстовской среде утвердилось мнение об определяющем влиянии уровня духовно-нравственного развития при выборе формы коллективной жизни. Об этом свидетельствуют письма толстовцев, опубликованные в 1927 г. в ежемесячном бюллетене «Письма к друзьям Толстого». Крестьянин Череповецкой губернии А. Назаров писал, что «нужна колония (или культурный скит). Я не рекомендую коммуну, пока не улучшится жизнь и сам человек»⁶. А. Постнов считал, что объединения нужно строить «на таких началах, чтобы никакая личность не давила бы других ни

¹ Воспоминания... – С. 111.

² ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.13.

³ Воспоминания... – С. 112.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.13.

⁵ Воспоминания... – С. 99.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К. 95. Ед. 11. Л. 9 об.

экономически, ни морально» в форме поселка с единоличным, но не участковым хозяйством, при широкой взаимопомощи¹.

Обобщающим документом по вопросу о формах коллективной жизни стали «Основы трудового служения им. Л. Н. Толстого», принятые коммуной «Жизнь и труд» после переселения на Алтай. Он предусматривал соответствие формы объединения трем ступеням сознания, выделенным Л. Н. Толстым в трактате «Путь к жизни»².

Первой ступени сознания соответствовало товарищество – совместный труд, не смешивая инвентаря, дележ по согласованию.

Второй ступени – артель – совместная работа обобществленным инвентарем, снабжение членов пайками по труду и едокам.

Третьей ступени – коммуна-община – никакой личной собственности, все общее, снабжение по потребности, труд – по способности³.

Переход от одной ступени к другой должен происходить в соответствии с ростом сознания.

Интересно отметить, что подход толстовцев к форме коллектива аналогичен тому, который выявился на I Всероссийском съезде сельскохозяйственных коммун, земотделов и комбедов в декабре 1918 г. Товарищ Кураев – представитель Наркомзема на съезде – заявил 13 декабря на утреннем заседании: «Лозунгом нашей аграрной политики служит положение: от мелкого и среднего крестьянского хозяйства к общественной обработке земли – и дальнейшее движение к коммунам»⁴. Кураев рассматривал ТОЗы как наиболее доступную форму создания коллективных хозяйств, ибо «первым тормозом коммун является эгоистическая, собственническая психология крестьянства». Но если на I Всесоюзном съезде земотделов, комбедов и коммун, отдельные делегаты допускали переход к коллективным формам жизни методом принуждения, то толстовцы считали нравственное совершенствование единственно возможным методом создания коллективного земледелия.

Эти идейные искания воплощались в практической жизни толстовских коллективов. Коммуна В. Шейермана близ Геленджика выросла из садово-огородного товарищества⁵. Для многих членов коммуны им. Тимофея Бондарева артель была пробой сил; Н. И. Чернов, А. Крошко, В. Н. Медведков, Ф. В. Богданов два года занимались артельной обработкой земли близ станции Графской в Воронежской губернии. И. И. Кондратьев основывал в 1919 г. артель под Воронежем. Н. С. Медведков положил начало двум артелям под Москвой⁶.

¹ Там же. Л.28 об.

² Толстой Л. Н. ПСС. Т.45. – С. 225, 242, 247, 254.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.2042. Л.4 об.

⁴ РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.11. Л.147.

⁵ Petrus K. Religious commune... – P. 32.

⁶ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.2-3.

Форма организации одного и того же коллектива могла меняться с изменением духовной обстановки в группе. Сталинградская община в 1920 г. выработала устав в христианском духе, но в 1921 г., после того, как почти все ее члены отбыли наказание за отказ от воинской службы, и в нее вступили новые члены, был принят официальный Устав сельскохозяйственной артели. На основании этого Устава коллектив просуществовал один год. В 1922 г. группа лиц, видевшая в такой жизни отступление от своих убеждений, сложила свои пай и снова стала жить общинной жизнью¹. В «Кринице» произошли организационные перемены из-за того, что после «слияния с бывшей толстовской общиной «Перевал» неожиданная и резкая измена некоторыми из вновь поступивших толстовцев своим верованиям, создала удушливую, тяжелую атмосферу². В результате некоторые из перевальцев уехали из артели, двое старых криничан создали свои хозяйства. Д. И. Моргачев вспоминал, что вследствие женских дразг его коммуна в 1924 г., перешла на Устав сельскохозяйственной артели³.

Вопрос о форме объединения решался каждым участником абсолютно свободно, исходя из личных идейных установок, хозяйственных особенностей. Поэтому в одном объединении иногда сосуществовали различные формы. Например, сельскохозяйственная община-коммуна им. Толстого в Пензенской губернии состояла из двух частей: горожане организовали коммуну, а деревенские примкнули только для общей обработки земли⁴. Иногда земледельческие объединения толстовского направления существовали при других, может быть даже нетолстовских, коллективах (как в случае с сельскохозяйственной духовно-нравственной общиной «Начало дня» при коммуне «Равенство»)⁵.

Своеобразный тип поселений представляли собой хозяйства «ручников» или «лопатников»: семья или несколько друзей селились на небольшом участке земли, обрабатывали землю исключительно ручным способом, без применения тягловой силы животных. Например, такое поселение существовало в селе Подорожное Юрьевского уезда Иваново-Вознесенской губернии⁶ и в других местах.

Что касается формы объединений, преобладающих в земледельческих коллективах толстовцев, можно говорить об их стремлении к коммуне. Из 86 коллективов, указанных в Приложении 1: 71,5% – коммун, 22% – артелей, 6,6% – товариществ. О преобладании коллективов с высоким уровнем обобществления свидетельствует переселенческий Список №2 (в связи с переселением толстовцев на Алтай), в котором коммуну как форму совместной жизни на новом месте предпочитали 51% переселенцев, артель – 40,4%, ТОЗ – 8,6 %⁷.

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.24 об.

² Там же. Л.54.

³ Воспоминания... – С. 266.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.24 .

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.15 Ед.22. Л.40.

⁶ «Истинная свобода». – 1920. – № 2. – С. 28.

⁷ Подсчеты произведены автором на основе анкет переселенцев. См.: ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.1. Л.2-2 об., 30-163.

Интересно отметить, что сектанты, проходящие по этому же списку – субботники, евангелисты – тяготели к артели¹.

Анкеты переселенцев по Списку №2 позволяют выявить еще одну интересную закономерность (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Распределение форм земледельческих объединений по социальному составу (в %).

Форма объединения => Социальная принадлежность v	Коммуна, община	Артель	ТОЗ
Служащие, интеллигенция	9,5%	4,7%	–
Середняки	35%	6,3%	4,7%
Бедняки	9,5%	4,7%	6,3%

Таким образом, можно утверждать, что в толстовских коммунах была сильна середняцкая прослойка. Скорее всего, это относится к объединениям второго типа, созданным на основе крестьянских хозяйств. Так как коммуны первого типа возникали преимущественно с использованием материальной базы бывших помещичьих имений. Этот вывод необычен тем, что в отечественной историографии утвердилось мнение о том, что коммуна была организацией беднейшей части крестьянства. Именно этим объясняется и сокращение доли коммун в коллективном секторе сельского хозяйства во второй половине 1920-х гг.² Наличие в толстовских коммунах значительной группы средних крестьян можно объяснить только идейными побудительными мотивами, либо расчетом на добросовестность и бережливость толстовцев, которым средний крестьянин не боялся доверить свое имущество.

Организационное устройство толстовских коллективов, в большинстве своем, определялось уставами. Хотя были объединения, существовавшие без Устава и председателя, исключительно внутренней духовной связью, как Сталинградская община³. До 1920 г. уставы представляли собой творчество

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.1. Л.67-89, 130, 131.

² Гришаев В. Указ соч. – С. 125.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.24. об.

устроителей коллектива. После принятия Наркомземом устава для сектантов¹, толстовцы имели аналогичные, но их особенностью было то, что вопрос о ликвидации коллектива решало только общее собрание его членов, исключая его из прерогативы государственных органов. I Съезд сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений выработал Нормальный устав земледельческих общин, который также использовался толстовцами на практике. Например, такой устав, с некоторыми изменениями, был принят сельскохозяйственной Общиной им. Л. Н. Толстого в Пензе².

Цели, которые ставились перед создававшимися коллективами, были как хозяйственного, так и идейного направлений. В хозяйственном плане толстовские коллективы стремились к замене единоличного хозяйства коллективным, обеспечению своих членов материальными благами, увеличению производительности труда путем применения новшеств. В идейном отношении предполагалось повышение духовного и нравственного уровня участников коммун и артелей и реальное воплощение возможности жизни вне существующего насильственного строя на началах непротивленческой свободы³. Для многих толстовских объединений духовные цели имели приоритетное значение перед хозяйственными. Например, Устав Общества Обновления жизни в память Л. Н. Толстого провозглашал духовные цели как единственные⁴.

Духовное единение выдвигалось как одно из главных условий вступления в коллектив. Уже упоминавшаяся сельскохозяйственная община-коммуна им. Л. Н. Толстого в Пензенской губернии считала, что для членства в ней «ничто материальное не обязательно.., нужно только искреннее стремление к общинной жизни, отрицание собственности и вообще стремление жить по совести»⁵. Членом коммуны или артели мог быть каждый, достигший 16-ти или 18-летнего возраста, без различий пола, социального происхождения и национальной принадлежности. В отношении последнего следует отметить многонациональный состав коллективов. В документах упоминается только единственная еврейская Религиозная община истинной жизни на Украине, организованная по национальному признаку⁶.

Уставы толстовских коллективов учреждались чаще всего группой лиц. Невинномысская трудовая община «Лев Толстой» имела 11 членов-учредителей⁷. Члены-учредители становились постоянными членами, вновь прибывающие – временными, с испытательным сроком, их называли членами-кандидатами, они имели совещательный голос на общем собрании. В некоторых объединениях, как, например, в общине-коммуне «Трезвая жизнь», выделялись еще и члены-соревнователи, то есть лица, отдающие

¹ Гидулянов П. В. Указ. соч. – С. 343-347.

² ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.35. Л.7-8; Ф.435. К.40. Ед.5. Л.1-3; К.69. Ед.17. Л.24.

³ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.102. Л.7;

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.38. Ед.16. Л.1;

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.24.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.65. Ед.20. Л.6.

⁷ ОР РГБ. Ф. 435. К.96. Ед. 32. Л.4 об.

только часть труда коллективу¹. В толстовских коммунах существовал очень своеобразный статус гостей – лиц, временно проживающих в коллективе. Гости имели право три дня не работать, а потом обязаны были принимать участие в общем труде наравне со всеми. Семья Горбуновых-Посадовых, когда в 1926 г. гостила в Новоиерусалимской коммуне, имела даже свой огород². Гости делали численный состав коммун непостоянным. В реальности в коммунах проживало значительно больше людей, чем значилось, особенно летом.

Высшим органом управления в коммунах и артелях толстовцев было общее собрание. В его компетенции находилось решение всех главных хозяйственных и внутренних проблем; определение распорядка жизни, распределение доходов, прием и исключение из членов, ликвидация коллектива, рассмотрение вопроса о выплате вознаграждения уходящим членам и т. д. Чтобы решение собрания имело силу, кворум составлял 1/2 всех членов. Для сравнения отметим, что по Уставу земледельческих коллективов, разработанному I Съездом сельскохозяйственных и производительных коммун и артелей, для признания решения законным было достаточно 1/5 части коллектива³. Общее собрание избирало Совет как исполнительный орган в коммуне, возглавляемый председателем, кандидатура которого избиралась собранием или из среды Совета. За деятельностью Совета наблюдала ревизионная комиссия. Институт Ревизионной комиссии присутствовал не во всех коллективах. В толстовских земледельческих объединениях не существовала и предусмотренная в Уставах сектантских коммун и артелей хозяйственная комиссия, состоящая из руководителей отдельных отраслей.

Как мы видим, толстовские земледельческие коллективы строились на демократической основе при минимальном количестве управленческих структур. По-иному обстояли дела в сектантских коллективах. Как свидетельствует К. Petrus, в сектантских коллективах руководители отраслей хозяйства входили в состав Совета, который практически не переизбирался⁴. Сектантские коллективы, предполагающие определенную иерархию членов, управлялись нередко по принципу олигархии. Глава коммуны евангелистов на Кубани Туренко управлял коммуной единолично⁵.

Демократические тенденции в системе управления толстовцев по-разному воспринимались в коллективах различных религиозных направлений. Например, Н. С. Солодовник, выпускник школы в Воздвиженском трудовом братстве, основанном помещиком Н. Н. Неплюевым в Черниговской губернии, сравнивая принципы организации в толстовских коллективах со своим коллективом, называет толстовскую демократию примитивной, утверждая, что

¹ ОР РГБ. Ф. 345. К. 62. Ед. 5. Л. 4 об.

² Воспоминания... – С. 102, 441.

³ Здесь и далее описание внутреннего устройства коллективов ведется на основе Уставов сельскохозяйственных объединений из фондов ОР РГБ: Ф.345. К.38. Ед.16. Л.1-1 об.; К.62. Ед.49. Л.1-10; К.5. Ед.102. Л.7; К.62. Ед.5. Л.1-4; Ф.435. К.96. Ед.32. Л.1-4 об., Ед.35. Л.7-8 об.; Ед.33. Л.8-11. Ед.31. Л.3-3 об.

⁴ Petrus K. Religious commune... – P. 16

⁵ Petrus K. Religious commune... – P. 19.

коллективы толстовцев были слабы вследствие аморфности организационной структуры, которая не ставила административных преград против развития центробежных сил, подрыва коллективистских принципов изнутри¹. Различие систем управления – принципа «твердой руки» у Н. Н. Неплюева и демократической свободы у толстовцев – тем поразительнее, что некоторые толстовцы отождествляли взгляды Л. Н. Толстого и Н. Н. Неплюева², который пришел к своей мировоззренческой системе под влиянием идей великого писателя из Ясной Поляны. Демократизм толстовцев не одобрялся и организациями теософического направления. Такой, например, как «Звезды на Востоке» близ Сочи³.

Н. Н. Солодовник правильно подметил слабое место в принципах внутреннего устройства толстовских коллективов – абсолютизацию добровольности и свободы личности. Именно такое положение дел приводило к распаду многие коллективы. Например, когда в коммуне В. Шейермана члены стали вести себя «как на острове Робинзона», а не как в коммуне, он не хотел командовать и принуждать. В результате чего объединение перестало существовать. Самыми демократичными толстовцы остались и в решении вопроса о выходе из коллектива (по сравнению не только с сектантскими коллективами, но и с коммунами, созданными большевиками). Положение о сельскохозяйственных коммунах, разработанное I Всероссийским съездом земотделов, комбедов и коммун в декабре 1918 г., предусматривало в п. 24, что в случае выхода член получает только лично присвоенное имущество (белье, одежда и т. п.). Вопрос о выдаче вознаграждения решался конкретно общим собранием с учетом заслуг и целью выхода из коммуны⁴. Аналогично подходили к этой проблеме члены Первой сельскохозяйственной коммуны анархо-коммунистов имени Бакунина⁵. В толстовских коллективах предполагали полный расчет с бывшим коммунаром за вычетом его доли убытка коммуны на конец отчетного года, в котором он выбыл. Такая последовательно демократическая позиция иногда шла во вред коллективу. В коммуне им. Тимофея Бондарева для расчета с двумя выбывающими семьями продали последнюю корову и одну лошадь, часть овса и кое-что из продуктов, поставив коллектив из 18 человек в очень затруднительное материальное положение⁶.

Таким образом, на организационном устройстве толстовских коллективов также лежал отпечаток их свободно-религиозного мировоззрения.

* * *

Проведенный анализ позволяет определить место толстовских коллективов как в общем потоке коллективного движения в стране, так и среди

¹ Солодовник Н. С. Воздвиженское трудовое братство – локальная модель бесконфликтного общества социальной справедливости // РГАЛИ. Ф.1345. – С.212.

² См.: Толстой Л. Н. ППС. Т.38. – М., 1963. – С. 527-529.

³ Petrus K. Religious commune... – P. 10.

⁴ РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.25. Л.99.

⁵ РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.28. Л.2 об.

⁶ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.9.

сектантских коллективов в частности. Толстовское земледельческое движение было заметным явлением на их фоне. Масштаб его становится понятным, если учесть, что количество толстовских коллективов приближалось в первое десятилетие советской власти к сотне при общей численности толстовцев по стране к 1917 г., по подсчетам М. Поповского, в 5-6 тысяч человек¹. Территориально размещение толстовских земледельческих объединений определялось возможностями успешного ведения хозяйства, ориентированного на вегетарианскую систему питания, и численного роста коллективов за счет лиц, близких по мировоззрению, из сектантской среды. В организационном плане каждое толстовское объединение имело свои особенности, но в целом коммуны и артели создавались единомышленниками Л. Н. Толстого на подлинно демократической основе, что выгодно выделяло их из среды сектантских коллективов, склонных к авторитарному стилю управления. Именно в абсолютизации принципа личной свободы была «ахиллесова пята» толстовских коллективов. Используя традиционную форму – артель, коммуна, товарищество, – они наполняли свою жизнь в коллективах особым идейным содержанием, придавая тяжелому крестьянскому труду смысловую и эмоциональную окраску.

Пестрота социального состава толстовских земледельческих объединений позволяет говорить об идейной направленности коллективов как цементирующем их основании. Единственное требование, предъявляемое к желающим стать членами коллектива, – близость даже не столько к толстовскому, сколько к свободно-религиозному мировоззрению. Таким образом, ставится под сомнение точка зрения о толстовских земледельческих объединениях как замкнутых сектантских организациях. Наличие середняцкой прослойки в толстовских коммунах второго типа несколько корректирует взгляд на коммуны как исключительно бедняцкую организацию. Анализ возрастного и полового состава земледельческих поселений конкретизирует социальный портрет толстовцев первого послеоктябрьского десятилетия.

¹ Толстовство как интеллигенция // «Новый мир». – 1993. – №1. – С. 189-191.

ГЛАВА II

СВОЕОБРАЗИЕ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

2.2 Хозяйственная, культурно-просветительная и общественно-политическая жизнь крестьян-толстовцев

Своеобразие толстовских земледельческих объединений проявилось не только в организационных принципах и социальном составе. Толстовские коллективы имели свои отличительные черты и в хозяйственной, культурной, просветительной, духовной и общественно-политической деятельности.

Коммуны и артели толстовцев, являясь коллективами «идейных землепашцев», и в хозяйственной деятельности исходили из особенностей своего мировоззрения. Главными идейными принципами, влиявшими на развитие хозяйства толстовцев, были вегетарианство и идея безубойного питания.

Насколько позволяет судить изученный материал, основными направлениями экономической деятельности толстовских коллективов были: зерновое хозяйство, огородничество, садоводство. Цель их – обеспечить потребности коллектива в вегетарианской пище. Полевое хозяйство толстовцы вели достаточно грамотно: применялся четырехпольный севооборот, искусственное травосеяние, культурная обработка почвы. Отдельные коммуны занимались разведением семенных культур: ржи, овса. Новоиерусалимская коммуна в 1928 г. устроила зерноочистительный пункт, приобрела для него все необходимое оборудование¹. Урожай были достаточно высокие. Как вспоминал Б. В. Мазурин, коммуна «Жизнь и труд» в 1924 г. добилась 120-150 пудов ржи с гектара². Коммуна «Добрая воля» при селе Боровкове имела урожайность в два раза большую, чем в округе³.

Толстовские коммуны и артели не обладали большими земельными угодьями. В Трудовой земледельческой общине им. Т. Бондарева имелось 60 десятин пахотной земли на 41 едока, в общине «Березки» – 15 десятин на 30 человек; в детской колонии «Снегири» – 22 десятины на 17 воспитанников и несколько взрослых воспитателей; в коммуне Д. Моргачева – 12 десятин примерно на 50 человек. То есть в среднем на одного едока приходилось от 0,5 до 1,2 десятины земли. Для сравнения отметим, что по нормам Наркомзема пахотной земли на 1 едока в коммуне полагалось не менее 1,5 десятин земли⁴. Таким образом, в этом плане толстовцы не были в лучшем положении, чем коммуны нетолстовского направления. Малоземелье не смущало последователей

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.28. Л.2.

² Воспоминания... – С. 100.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.99. Ед.14. Л.3.

⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Ед. 395. Л. 4.

Л. Н. Толстого, так как они стремились к ведению интенсивного хозяйства, что особенно ярко проявлялось в хозяйствах ручников.

Вопрос о занятиях животноводством толстовцы решали строго индивидуально. Среди них были вегетарианцы разной степени: одни считали невозможным употребление молока, животного масла и продуктов такого рода в пищу. Другие, признавшие главным принципом вегетарианства безубойное питание, допускали использование продуктов животноводства, кроме мяса. Поэтому в толстовских коллективах занимались животноводством молочным и, главное, племенным. В этом они достигли определенных успехов: в коммуне им. Толстого имелись племенная бык и племенная жеребец, одобренные на сельскохозяйственной выставке, действовала рентабельная молочная ферма¹; в коммуне «Березки» разводили племенных коз, имелся питомник для птицы и кроликов, конезавод². Большого стремления к животноводству среди толстовцев не было. Е. Ф. Шершенева называет этот вид хозяйственной деятельности «никому не приглядным делом»³.

Добровольность как принцип внутренней жизни толстовских коллективов сохранялся и при распределении участков труда. Обычно люди, имеющие склонность к какому-либо виду работы, имели возможность заниматься им. Примером может служить распределение труда в Новоиерусалимской коммуне: С. Алексеев взял на себя огород, Г. К. Васильев – пчеловодство, животноводством занималась семья Толкач⁴.

Наиболее любимым делом в толстовских коммунах и артелях было садоводство и огородничество. В этих видах сельского хозяйства толстовцы накопили немалый опыт и знания. Об их агрономических навыках и земледельческом мастерстве свидетельствует тот факт, что в 1934 г., всего через несколько лет после переселения на Алтай, коммуна «Жизнь и труд» приняла участие в сельскохозяйственной выставке в Сталинске. Как свидетельствует С. Алексеев, коммуна «Жизнь и труд» не предполагала участия в выставке и ничего не припасала заранее. На выставке были широко представлены овощные культуры: свекла, морковь, репа, редька, тыква, брюква, несколько сортов картофеля, турнепс и кормовая свекла, но особенно выделялся лук. В новых для них климатических условиях Сибири толстовцы перекрыли средний уровень урожайности овощей – 15 тонн с гектара, получив по 20 тонн в течение двух лет. Удивление вызывала работа питомника по выращиванию земляники (она была такой крупной, что на ладони умещалось 3-4 ягоды). Коммуна экспонировала 30 сортов зерновых культур. Особое внимание привлек голый ячмень, выращенный Е. И. Поповым, этажерочные французские ящики С. Алексеева для проращивания картофеля⁵. Толстовцы стремились создать опытный участок для промышленного садоводства в Сибири. Коммуна «Жизнь и труд» поддерживала связь с Омским сельскохозяйственным институтом и Барнаульской опытной

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.28. Л.2, 7-8.

² ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.4.

³ Воспоминания... – С. 71.

⁴ Указ. соч. – С. 71.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.55. Л.15.

станцией, проводя зерновые сортовые испытания. На клубничной плантации произрастали лучшие сорта с Московской опытной станции¹. Таким образом, в коммуне «Жизнь и труд» на Алтае сфокусировался весь ценный опыт, накопленный крестьянами-толстовцами в различных земледельческих объединениях европейской части страны.

Из сельскохозяйственных промыслов в толстовских коммунах и артелях наиболее широко было развито пчеловодство.

Исходным пунктом хозяйства толстовцев были, чаще всего, запущенные имения. Например, коммуна «Березки» получила бывшее имение Лопатина в Бедняковской волости Московского уезда. Был сломан и расхищен сельхозинвентарь, оставшийся от старого владельца, земля превратилась в пустырь, сад запущен, парники разрушены, оранжереи погибли². В аналогичной ситуации оказалась и Новоиерусалимская коммуна, получившая бывшее имение Швецова «после того, как там был совхоз, ликвидированный как не оправдавший себя»³. Во второй половине 1920-х гг. Новоиерусалимская коммуна занимала первое место в районе, а в 1926-1927 гг. победила на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, получив грамоту и премию⁴. Хозяйственные успехи в толстовских коммунах были результатом упорного труда их участников. Например, рабочий день в коммуне «Жизнь и труд» начинался в три часа ночи и продолжался до заката⁵. Такого трудового энтузиазма не наблюдалось в религиозных коммунах других течений. В коммуне теософов «Заря на Востоке» рабочий день начинался после завтрака, около 9 часов и заканчивался в полдень, после которого все отдыхали⁶.

Проблема накопления денежных средств в толстовских коллективах решалась по-разному. Одни, следуя анархистским тенденциям в мировоззрении, не желали получать ссуды от государства, накапливали денежные средства из иных источников. В Новом Иерусалиме сдавали помещение под дачу Г. Х. Таде, сочувствующему толстовцам⁷. В соседском поселении «Змеиная гора» с этой же целью собирались строить на водопадах маленькую лесопильню и обжигать уголь⁸. Другие коммуны не придерживались анархических тенденций в вопросе пользования государственными льготами. Коммуна им. Т. Бондарева, например, получила через кооперацию кредит в 250 тысяч рублей⁹.

Кооперация играла важную роль в экономической жизни толстовских коммун и артелей. Коммуна Т. Бондарева покупала через кооперацию машины и предметы домашнего обихода. Семенной материал, выращенный в коммуне

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.36. Л.13; Ед.10. Л.5 об.

² ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.4.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.28. Л.3.

⁴ См.: Воспоминания... – С. 81; Petrus K. Religious commune... – Р. 62.

⁵ Воспоминания... – С. 79.

⁶ Petrus K. Religious commune... – Р. 62.

⁷ Воспоминания... – С. 70.

⁸ «Голос Толстого и Единение». – 1918. – №3. – С. 15.

⁹ ОР РГБ. Ф.345. К. 62. Ед. 49. Л. 10.

им. Л. Н. Толстого, сдавался в Воскресенское кредитное товарищество для обслуживания местного населения¹.

Оценивая экономическое развитие толстовских коммун и артелей, можно утверждать, что они были достаточно жизнеспособны. Характер хозяйства этих коллективов нельзя назвать рутинным и отсталым, как это представлялось антирелигиозниками 1930-х гг. В них достаточно широко использовалась техника. В коммуне «Добрая воля близ с. Боровково Сталинградского округа имелись культиватор и сортировка семян «Триумф»²; в Сталинградской общине в 1925 г. молотили урожай молотилкой на нефтяном двигателе³. В 1925 г. в сельхозартели «Возрождение» появился американский трактор «Фордзон», который стал первым в районе. Членов коллектива приглашали на все районные съезды демонстрировать трактор. Если техники не хватало, толстовцы брали ее в кооперации или соседних хозяйствах, иногда в нерабочем состоянии, и налаживали ее: так, коммуна «Жизнь и труд» в 1925 г. раздобыла в совхозе Черемушки нерабочую сноповязалку и восстановила ее. В коммунах имелся кузнечный, плотничный и столярный инструмент, бороны, плуги⁴.

Хозяйства ручников, обрабатывающих свои участки без помощи тягловой силы животных, вызывающие ассоциации с дедовскими методами земледелия, имели идейный смысл. Ручники исходили из представлений о безнравственности использования тягловой силы животных в сельском хозяйстве, а также опирались на идею о возможности собственными руками на небольшом участке земли обеспечивать себя минимумом растительной пищи, включая злаковые культуры. Идеологом «хлебного огородничества» был Е. И. Попов, автор книги «Ручное земледелие». Система «хлебного огородничества» вызывала значительный интерес среди толстовцев. По просьбе читателей 4 февраля 1925 г. в «Письме МВО» была опубликована «Азбука хлебного огорода»⁵.

Практическое применение системы И. Е. Попова можно видеть на примере интенсивного хозяйства П. П. Горячева, расположенного на двух десятинах земли в пос. Михельсона около станции Ухтомская Московско-Казанской железной дороги⁶. Хозяйство доставляло средства пропитания П. П. Горячеву и четверем его сестрам и строилось по принципам: 1) занимать как можно меньше площади, чтобы применять все возможности интенсивной культуры; 2) должно быть доступно каждому человеку, желающему работать на земле, так как это дает возможность интеллигенции и полуинтеллигентным людям кормиться честно; 3) должно быть вегетарианским; 4) должно быть интеллигентным, то есть местом проведения агрономических опытов⁷. Отказ от применения сложных орудий труда, удобрений и других дорогостоящих средств производства имел целью доказать, что и без их применения можно обеспечи-

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.28. Л.2.

² ОР РГБ. Ф.435. К.99. Ед.14. Л.3.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.35. Л.1 об.

⁴ Воспоминания... – С. 101, 268.

⁵ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.76. Ед.2. Л.47; Там же. К.69. Ед.17. Л.12-13 об.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.34. Л.1.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.34. Л.1.

вать себя необходимыми продуктами питания. На своих двух десятинах П. П. Горячев разместил теплицы для рассады, огород, садик, 1000 саженой отвел под яровой и озимый хлеб. С осени 1925 г. стал применять японскую систему зерновой культуры, что позволило ему еще уменьшить площадь обрабатываемой земли¹. П. П. Горячев достиг очень хороших результатов: рожь озимая – 100 пудов с десятины, картофель – 2300 пудов. У крестьян, соответственно, урожай в 40 пудов ржи и 800 пудов картофеля считался уже хорошим. П. П. Горячев выполнял задания агропункта и селекционной станции Тимирязевской академии². Следовательно, даже ручничество, вызывающее некоторые аналогии с патриархальщиной, имело свою высокую задачу – разработать для людей способы прокормить себя своим трудом при минимуме средств производства.

Безусловно, ручничество не имело большого хозяйственного значения как способ подъема аграрного сектора страны. Это понимали и толстовцы. Д. Е. Моргачев отмечал в своих воспоминаниях: «С одной стороны, ручное земледелие в наш машинный век кажется неразумным, даже диким, но на самом деле... – и разумно и нравственно, честно и благородно... Но при современном государственном устройстве это, невозможно допустить, теперь на одного рабочего приходится несколько сот иждивенцев... Ручное земледелие возможно, когда каждый человек сам несет свою долю крестьянского труда»³. Однако опыт ручников, их агрономические знания могли использоваться для интенсификации сельского хозяйства, как реальный способ добиться роста сельскохозяйственной продукции тем минимумом средств, которое имело каждое крестьянское хозяйство в первые годы советской власти.

Не выдерживает проверки фактами и данное Ф. М. Путинцевым объяснение успехов сельскохозяйственных коллективов за счет эксплуатации верхушкой коммуны рядовых общинников или труда лиц, работающих по найму. Демократические принципы управления не допускали выделения какой-либо верхушки. По свидетельству К. Красовского, наемный труд применялся в исключительных случаях: при уборке картофеля и в других подобных ситуациях, когда не хватало сил⁴.

Уровень агрономических знаний толстовцев не позволяет считать обоснованной и точку зрения Н. С. Солодовника, утверждавшего, что в толстовских коллективах не было знающих специалистов, способных работать на передовом для своего времени научно-практическом уровне⁵. В Рижской коммуне был хороший инструктор, побывавший в Германии⁶. Д. Е. Моргачев в 1910 г. обучался на сельскохозяйственных курсах в Ельце⁷. Кроме селекционной работы в овощеводстве и садоводстве, толстовцы занимались опытами в области

¹ Там же. Л.2.

² Там же. Л.3-4.

³ Воспоминания... – С. 100, 285.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.34. Л.1.

⁵ Солодовник Н. С. Указ соч. С. 212-213.

⁶ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.1537. Л.10.

⁷ Воспоминания... – С. 245.

выращивания промышленных культур. В. Д. Бонч-Бруевич в декабре 1920 г. просил председателя туркестанского ревкома в Самарканде навести справки о заведующем шелководной станцией толстовце Дитерихсе, чьи познания могут использоваться в шелководстве и пчеловодстве¹. Журбин Алексей Иванович во время ссылки в Ташкент занимался опытами о хлопчатнике по проблеме микророспорогенеза с целью изменения длины волокна. Практическое внедрение его системы могло стать крупнейшим достижением в хозяйстве хлопкороба. А. И. Журбин испытывал свою методику и на пшенице².

Обвинения толстовских земледельческих объединений в хозяйственной замкнутости, выдвигаемые большевиками³, опровергаются сведениями о взаимоотношениях толстовцев с соседями-крестьянами. В коммунах устраивали парники и теплицы для снабжения местного населения рассадой, помогали жителям близлежащих сел агрономическими советами, давали напрокат сельскохозяйственные орудия⁴. Исходя из идеалов ненасилия, толстовцы стремились к мирному решению опорных проблем с местными жителями. Так, коммуна имени Т. Бондарева получила земельный участок слишком близко к селу Анна, что вызвало недовольство населения. Коммуна добровольно согласилась переехать за 18 верст от хутора⁵. Сталинградская община, не дождавшись решения земотдела, распахала степь и вырастила урожай. Земельный отдел отвел этот участок другим. Хлеб был сжат. Коммуна согласилась заплатить за выкос хлеба всем, кто работал на уборке⁶. Таким образом, утверждение об экономической обособленности толстовских коллективов от остальной массы крестьянства в свете вышеизложенного кажется преувеличением.

Рассматривая материалы о хозяйственной жизни толстовцев, невольно складывается некоторый идеализированный образ идейных землепашцев. На самом деле в толстовских коммунах было достаточно проблем. Нередко коллективы переживали периоды, когда им приходилось просто выживать. В. Ф. Булгаков в воспоминаниях о Е. И. Попове писал: «Передо мною фотография: невысокая, грубо побеленная светелка с неровной поверхностью стен, ничем не покрытый грубый деревянный стол и вокруг него – такие же деревянные лавки, на столе – бедный обед в бедной посуде, и на лавках – ряды плохо одетых пожилых и молодых людей, мужчин и женщин, с загрубевшими от труда, ветров и непогоды лицами и руками. Они черпают из общей чашки деревянными ложками какую-то похлебку»⁷.

Предпримем попытку соотнести хозяйственный уровень толстовских объединений с классификацией В. В. Кабанова, который выделял четыре группы хозяйств по производственному признаку: 1) образцовые;

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.2. Л.17.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.589. Л.4-5 об.

³ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Кривое зеркало... – С. 148-149.

⁴ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.28. Л.2; Воспоминания... – С. 81.

⁵ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.3.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.11. Л.21-22.

⁷ Булгаков В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. – Тула, 1970. – С. 233.

2) производящие; 3) самопотребляющие, самоснабжающие; 4) потребляющие¹. В соответствии с данной классификацией можно утверждать, что основная масса мелких хозяйств толстовцев относилась к третьей группе. Наиболее сильные коллективы – коммуны Новоиерусалимская, «Жизнь и труд», артель «Возрождение», Сталинградская община имели тенденцию развития в сторону производящих, образцовых хозяйств. Как свидетельствует Б. В. Мазурин, в коммуне «Жизнь и труд» хозяйство стало товарным уже с начала 1923 г., то есть два года спустя после основания².

Большая часть времени крестьян-толстовцев была посвящена труду. Им не удавалось добиться того идеального сочетания физического труда и развития духовных способностей личности, к которому они стремились. В коммуне «Жизнь и труд» по этому поводу высказывалось открытое недовольство³. Тем не менее, духовной и культурной сфере жизни уделялось внимание. В Уставе общества «Обновление жизни в память Л. Н. Толстого» указывалось, что постоянным занятием его членов является полезный и производительный труд, отдыхом – музыка, пение, чтение книг мировоззренческого значения, участие в публичных собраниях, беседах, лекциях⁴. В Шестаковке каждый вечер в общей зале для желающих устраивались беседы, песни, музыка, читались письма от друзей⁵. Последнее становилось важным событием, как и получение циркулярных «Писем к друзьям», «Писем МВО», бюллетеней ОИС. В Новоиерусалимской коммуне ее членам больше по душе были: летом – игры на свежем воздухе в лапту и горелки, зимой – постановка спектаклей и пение⁶. П. Н. Лепехин пытался организовать ежедневное чтение литературных произведений, «Круг чтения» Л. Н. Толстого, но это не удалось. Зато в Сталинградской общине увлекались чтением; коллективно обсуждали книгу М. Ганди «Тропа мудрости», пытаясь найти среди своих членов людей, похожих на героев романа⁷. В Новоиерусалимской коммуне им. Л. Н. Толстого в зимнее время действовал самодеятельный театр, режиссером в котором был К. Благовещенский, когда-то учившийся в консерватории.⁸ Репертуар как песенный, так и театральный, определялся свободно-религиозным пониманием жизни. В театре ставили «Живой труп» Л. Н. Толстого. Любимыми в толстовской среде были русские народные песни, романсы русских композиторов. Но был, как отмечает Е. Ф. Шершенева, и шуточный репертуар, с которым толстовцы даже выступали в соседней железнодорожной колонии⁹.

¹ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: «Наука». – 1988. – С. 262.

² Воспоминания ... – С. 97.

³ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.102. Л.7.

⁴ Воспоминания... – С. 113.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.35. Л.3.

⁶ Воспоминания... – С. 79-80.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.35. Л.2-2. об.

⁸ Воспоминания... – С. 80, 73.

⁹ Воспоминания... – С. 80.

Традиционно в толстовских коллективах отмечались знаменательные даты, связанные с жизнью Л. Н. Толстого. Ю. Егудин в письме к И. И. Горбунову-Посадову подробно описал собрание, состоявшееся в коммуне имени Л. Н. Толстого близ Воскресенска 22 ноября 1924 г. Собрание состоялось в школе, где висели портреты писателя, была подготовлена книжная выставка из его произведений и воспоминаний о нем. Ораторы говорили о значении Л. Н. Толстого в жизни его последователей, рассказывали биографические сведения из жизни Льва Николаевича. Дети читали о нем стихи. Выступал с воспоминаниями Е. И. Попов, лично знавший писателя. Демонстрировались и комментировались рисунки художника Росинского «Уход и смерть Толстого». Исполнялись песни толстовского содержания¹. Описание, данное Ю. Егудиным, явственно напоминает стандартные мероприятия советской эпохи, посвященные, например, дню рождения В. И. Ленина.

Важное место в культурной и духовной жизни толстовских коммун и артелей имели беседы на серьезные темы идейно-нравственного характера. В них проявлялось многообразие теософских и философских течений, существовавших в толстовской среде. В коммуне В. Шейермана по мировоззренческим особенностям выделялось три группы: 1) тяготевшие к толстовству; 2) ориентированные на Генри Джорджа, М. Ганди, духоборов, квакеров; 3) христианские пантеисты. Разница в мировоззренческой направленности определяла даже форму изложения ими своих взглядов. Первая группа вела беседы без рефератов, вторая – признавала рефераты «и другие человеческие писания», третья – устраивала лекции и доклады². Весьма показателен идейный диапазон Новоиерусалимской коммуны. С. Булыгин, достаточно заметная личность среди толстовцев, был известнее тем, что составил свой проект землеустройства по системе Г. Джорджа, активно участвовал в составлении проектов документов к I Всероссийскому съезду сектантских сельскохозяйственных и производительных коллективов³. Он не был ортодоксальным последователем Л. Н. Толстого. «С незаурядным умом у него уживалась какая-то особая мистика, близкая к мистике евангельских христиан, сектантскую веру которых он неизмеримо внутренне перерос» – писал о нем В. Янов. Аскет и теософ К. Благовещенский увлек Е. Ф. Шершеневу кармами и потусторонними мирами, убедив ее, что она вторая Ани Безант, призванная нести миру свет и разумение, а не устраивать личное счастье⁴.

В коммуне «Жизнь и труд» жили М. Е. Сержанов и Швильпе, принадлежавшие к отделявшемуся от анархизма течению «аоистов», то есть «всеизобретателей». Их идеи были в некотором смысле противоположны толстовству. Если толстовцы стремились к естественной жизни, то аоисты считали все естественное хаосом и стремились к совершенствованию абсолютно всех сторон жизни с точки зрения рационализма. Они придумывали искусственный язык,

¹ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.558. Л.6-6 об.

² Petrus K. Religious commune... – P. 35.

³ «Братство». – Киев. – 1921. – №1. – С. 20.

⁴ Воспоминания... – С. 73-74.

мечтали создать искусственные солнца и освоить космическое пространство, сделать жизнь человека вечной¹. В таком направлении мыслей аоистов было нечто футуристическое.

Стремление быть ближе к природе и идея о безнравственности использования животных в своих целях обусловили своеобразные увлечения в толстовской среде. На фоне общего вегетарианства, которое являлось обязательным условием жизни толстовских коллективов, в них выделялись крайние вегетарианцы, не только не употребляющие животную пищу, но и отказавшиеся от шерстяной одежды и кожаной обуви. Отдельные личности имели свою «бытовую философию»: В. Зуев спал зимой на балкончике и увлекался сыроедением. С. Алексеев, прекрасный огородник, увлекался «голизмом», считая, что, кроме физической закалки, это воспитывает здоровый взгляд на половое различие². Голисты жили и в коммуне В. Шейермана³.

Уважение к праву личности на самовыражение было неписанным законом в толстовских коллективах. Над личными пристрастиями никто не смеялся. Негативное отношение наблюдалось только к голизму. В Новоиерусалимской коммуне над голистом С. Алексеевым подшучивали, возмущались, пытались бороться. В коммуне «Жизнь и труд» голистов Леценра и А. Постнова не приняли, так как не все члены воспринимали их увлечение одинаково, среди женщин оно вызывало волнение «чуть не до трагедии»⁴.

Интересы толстовцев не ограничивались теософской сферой и физическим закаливанием, среди них было много людей, занимающихся художественным творчеством. В той же Новоиерусалимской коммуне братья Благовещенские и В. Шершенев музицировали. В. Демин слагал стихи, П. Шершенев и В. Синев занимались живописью. Художникам выделили даже специальное время – два часа в день для рисования⁵.

Характерной отличительной чертой духовной жизни толстовских коллективов была веротерпимость. Толстовцы на деле стремились осуществить принцип свободы совести. Об этом свидетельствует и ранее приведенный анализ социального состава толстовских земледельческих объединений. Как отмечал Б. В. Мазурин, «напрасно было бы искать в нашей жизни признаков религиозности в том смысле, как это понимают церковники и безбожники; никаких догматов, катехизисов, программ, авторитетов, непререкаемых каких-либо писаний. Было свободное принятие того понимания и пути жизни, которое так сильно и ярко выразил Л. Н. Толстой»⁶.

Полного единомыслия в религиозных вопросах не было. Члены Сталинградской коммуны считали себя единомышленниками только на деле, то есть в общинном творчестве, в миропонимании каждый имел свои особенности⁷.

¹ Воспоминания... – С. 98.

² Там же С. 72.

³ Petrus K. Religious commune... – P. 37.

⁴ Воспоминания... – С. 72, 102.

⁵ Воспоминания ... – С. 77-78.

⁶ Воспоминания... – С. 144.

⁷ ОР РГБ. Ф.345. К.69. Ед.37. Л.24 об.

На собраниях в толстовских коммунах можно было слышать песни сектантского содержания – евангелистов, баптистов, молокан, духовных христиан, хлыстовские, мормонские, малеванские и добролюбовские. Можно было услышать и теософскую песню, и индусский гимн Вивекананды, и песни народовольцев. Это объяснялось «данью прошлому, откуда эти люди вышли»¹. Следует отметить, что толстовство не было конечным пунктом в идейной эволюции отдельных личностей. В мировоззрении В. Шейермана к концу 1920-х годов четко проявилась тенденция к православию, но в его миропонимании «спокойно могли укладываться некоторые воззрения Оригена и индусских йогов, учения Исаака и Сирина и теории Генри Джорджа, бунтарские методы Ивана Карамазова и методы иезуитов»², при этом окружающие продолжали считать его толстовцем. Отмечались случаи перехода от толстовского мировоззрения к идеологии баптистов и евангельских христиан³.

Серьезное значение в земледельческих объединениях толстовцев уделяли проблеме воспитания подрастающего поколения в духе свободно-религиозного мировоззрения. Основными принципами толстовской школы являлись: обучение без военизации, без возбуждения в детях духа вражды по отношению к кому бы то ни было, без внушения детям законности насилия. Общее направление обучения имело целью «внушить детям дух деятельного коммунизма, то есть дух равенства, трудолюбия, взаимной помощи, миролюбия и трезвого, скромного поведения»⁴. Под этим углом зрения строилась вся система образования и воспитания в детских колониях и толстовских коммунах. По имеющимся сведениям, школы существовали в коммуне им. Л. Н. Толстого близ Воскресенска, коллективе Д. И. Моргачева, в коммуне «На заре новой эры» на Кавказе, в соседском поселении «Змеиная гора» близ Сочи⁵. Преподавателями в них были сами участники толстовских коллективов, имеющие высшее или среднее образование. Обучение велось не по правительственной программе, а по способности восприятия, детям давалось как можно больше полезных знаний. Полезными толстовцы признавали лишь те знания, которые соответствовали их мировоззрению. Например, в школе коммуны «Жизнь и труд» в курсе по естествознанию материал о животноводстве, охоте, рыбном промысле, изучаемый, как считали толстовцы, в целях массового убиения животных для питания, технических и научных целей», использовался не для практического применения, а лишь для ознакомления в направлении привития альтруистических чувств к животным.⁶ В школах и колониях велась внеурочная работа с детьми: устраивались литературные вечера и вечера игр, ставились спектакли, работали кружки и клубы⁷. Обучение и воспитание в коллективах толстовцев носило тру-

¹ Воспоминания... – С. 144.

² Petrus K. Religious commune... – P. 37.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.1. Л.86.

⁴ Воспоминания... С. 166, 169.

⁵ См.: РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.558. Л.6; «Истинная свобода». – 1920. – №2. – С. 16;

Воспоминания... – С. 123; ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.39. Л.1.

⁶ Воспоминания... – С. 169.

⁷ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.26. Л.2; Воспоминания... – С. 170.

довой характер: дети принимали посильное участие в труде. Даже дети, приезжавшие от детского «Очага МВО» в Новоиерусалимскую коммуну погостить, занимались уборкой овощей и яблок, пасли скот, участвовали в покосе и имели свой маленький общественный огород. Детям давали навыки не только сельскохозяйственного, но и ремесленного труда¹.

Управление делами школы велось на демократических началах посредством ученических, педагогических и общих собраний всего коллектива².

В коммуне с. Буюново Орловской губернии дети были помещены в школу, отделены от родителей и жили вместе с учительницей. Это было сделано ради того, «чтобы дети воспитывались без семейных дразг, а в служении и помощи друг другу, чтобы они не знали личной собственности, а признавали бы общественную и пользовались бы ею сообща»³.

Как видим, толстовская система образования и воспитания была близка общеобразовательной трудовой школе, существовавшей в первые годы советской власти. Главное отличие состояло в идейном содержании образования.

Интересы членов толстовских земледельческих объединений не замыкались в рамках внутренних проблем. Они, насколько им позволяло толстовское мировоззрение, участвовали в общественно-политической жизни.

Прежде всего, они стремились к осуществлению единения с лицами духовно близкими. Поэтому члены толстовских коммун и артелей активно участвовали в работе толстовских центров. Е. И. Попов, С. Булыгин, Б. В. Мазурин, Ф. П. Добролюбов, занимались лекционной работой в Московском Вегетарианском обществе. Е. Ф. Страхова-Шершенева и В. П. Шершенев были членами Совета МВО⁴. Е. Ф. Шершенева как представитель МВО входила в состав Коллегии курсов свободно-религиозных знаний⁵. В художественном отделении толстовского вечера Духовно-монистического кружка МВО 13 сентября 1928 г., принимала участие член коммуны «Жизнь и труд» А. Малород (музыка и пение)⁶. Толстовские коллективы включались в мероприятия, проводимые МВО и посвященные различным датам. Например, в «Бюллетене МВО» №13 от 13 октября 1928 г. опубликовано приветствие от сельскохозяйственной трудовой общины им. Л. Н. Толстого близ Сталинграда⁷.

Коммуны и артели толстовцев поддерживали тесную связь с «Посредником». Они регулярно отмечали юбилеи издательства. В 1920 г. Московская трудовая община-коммуна «Трезвая жизнь» отмечала 35-летие «Посредника», на собрании присутствовала значительная часть московской интеллигенции, включая ректора Московского государственного университета

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.84 об.

² Воспоминания ... – С. 170.

³ Воспоминания... – С. 264.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.80.

⁵ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 3. Ед.12. Л.1.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед. 44. Л.25.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.21.

П. Н. Сакулина¹. С 40-летием издательство поздравляли Тайнинская сельскохозяйственная артель, сельскохозяйственная община-коммуна им. Л. Н. Толстого в Пензенской губернии, земледельческая община «Братская жизнь», Новоиерусалимская коммуна, коммуна «Жизнь и труд»².

Толстовские коллективы занимались издательской деятельностью. Московская община-коммуна «Трезвая жизнь» совместно с Московским ОИС с апреля 1920 г. по весну 1921 г. издавала журнал «Истинная свобода»³, а в 1919 г. совместно с Харьковским обществом содействия нравственному просвещению им. Л. Н. Толстого – журнал «Открытое слово»⁴. В ее типографии печатались и произведения Л. Н. Толстого⁵. В 1922 г. Тайнинская трудовая колония издавала журнал «Землеборец» на русском языке и «Teristo» на эсперанто⁶. В 1921 г. коммуна им. Т. Бондарева была готова помочь в издании сочинений Л. Н. Толстого и внести часть урожая текущего года натурой или деньгами. В письме этой коммуны высказывалась уверенность, что помощь в этом деле смогут оказать «другие родственные нам общины, коммуны, артели»⁷.

Наиболее активные участники толстовского земледельческого движения пользовались правом бесплатного получения толстовской прессы. «Голос Толстого и Единение» по линии МВО получали И. Драгуновский, П. И. Пыриков. П. И. Пыриков в июне 1920 г. получил 100 экземпляров журнала – для распространения и пропаганды⁸.

Несмотря на то, что толстовцы охотно вели беседы о Л. Н. Толстом с окрестными крестьянами, они настойчиво не пропагандировали своих целей и идей среди населения. Соседи коммуны Д. Е. Моргачева из-за того, что члены коллектива порвали с православной церковью, решили, что они католики и называли их «котлами»⁹.

Толстовские коммуны и артели оказывали посильную помощь малоимущим слоям населения. Прежде всего, под опеку брались дети. В Новоиерусалимской коммуне существовал очаг – пункт, организованный МВО для маленьких беспризорных детей. Дети жили в коммуне все теплое время (4-5 месяцев). Возглавляла пункт Александра Знаменская¹⁰. Некоторые коммунары-толстовцы имели опыт в организации детских колоний еще со времен гражданской войны – О. Дашкевич, П. Н. Лепехин, М. Нечесов и др.¹.

¹ «Истинная свобода». – 1920. – №1. – С. 3.

² ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.25 об.

³ Воспоминания... – С. 470.

⁴ См.: «Открытое слово». – 1919. – № 2-3.

⁵ Воспоминания ... – С. 469.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.44. Л.2.

⁷ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.62. Л.1.

⁸ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.17. Л.1.

⁹ Воспоминания ... – С. 265.

¹⁰ См.: ОР РГБ. Ф.435. К.70. Ед.44. Л.84 об.; Воспоминания... – С. 79.

др.¹. При общине-коммуне «Трезвая жизнь» действовали три детские колонии в Московской, Тверской и Тамбовской губерниях².

Через земледельческие объединения толстовцы открывали вегетарианские столовые, потому что вегетарианские общества, кружки и Общества Истинной свободы не имели прав юридических лиц, которыми были наделены коммуны и артели как хозяйственные единицы³. Вегетарианские столовые были очень дешевыми и, вследствие этого, пользовались популярностью у населения. Только «Трезвая жизнь» имела 12 вегетарианских столовых в Москве, Казани, Петрограде. В московских вегетарианских столовых кормилось ежедневно около 15 тысяч горожан⁴. Сельскохозяйственная артель «Криница» предлагала всем желающим летний отдых на море в открытом ею санатории вблизи с. Береговое с мая по октябрь. Санаторий имел врача, отдыхающие обеспечивались фруктами, особенно виноградом, и овощами, имелась хорошая библиотека. Плата составляла 10-15 рублей в месяц⁵. Стремление оказать помощь нуждающимся сказывалось и при свободном сбыте продукции. Коммуна «Жизнь и труд» продавала молоко по самым низким ценам работникам 2-ой Градской больницы в Москве⁶. В течение семи лет она снабжала детские ясли фабрик госзнака в Серпухове молоком.⁷

Толстовские коллективы не только сами пережили голод 1921 г. (в Сталинградской общине, например, ели по норме – 1,5 фунта хлеба в день), но и делились избытком овощей, всех приходящих кормили⁸. Коммуна Д. Моргачева была согласна взять 10-12 детей из Поволжья и кормить их до нового урожая⁹. Даже детская колония «Снегири» отказалась от всякого государственного снабжения, мотивируя это тем, что средства важнее для помощи голодающим¹⁰.

Важным направлением общественно-политической деятельности толстовцев было участие в антивоенном движении. Отвергая войну как явление, противное человеческой природе, толстовцы выступали против любого ее проявления – иностранной интервенции или гражданской войны. В обращении «Всем идущим войной на Россию» от 15 февраля 1919 г. община-коммуна «Трезвая жизнь» призывала иностранные государства отказаться от интервенции против Советской России. Члены коммуны взывали к русским, находящимся среди интервентов, и чехословакам, «родным нам по славянской крови», напоминая, что все люди – братья¹¹. Они утверждали, что капиталистическим

¹ «Ежегодник ОИС в память Л. Н. Толстого» за 1918-1919 гг. – М., 1919. – С. 26.

² ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.22. Л.1.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.74. Ед.1. Л.35.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.22. Л.1.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.17. Л.26 об.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.2. Л.44.

⁷ Воспоминания... – С. 99.

⁸ ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.11. Л.21.

⁹ Воспоминания... – С. 97.

¹⁰ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.26. Л.3.

¹¹ ОР РГБ. Ф.760. Оп.2. Ед.5. Л.1-2.

держavam не надо бояться надвигающегося коммунистического строя, ибо, если новый строй расцветет, никакая вооруженная сила не справится с ним; «если же коммунистический строй представляет уродливое явление, то он не продержится долго и сойдет без пролития крови»¹. Толстовцы предлагали всем народам мирное сотрудничество: Россия поделится с другими народами неисчислимыми природными богатствами, а они с ней – долголетним опытом гражданской и технической жизни и своим просвещением. Аналогичное заявление было адресовано коммуной «Трезвая жизнь» в 1920 г. полякам и всем поддерживающим войну против России².

В 1924 г. на приеме у И. В. Сталина была делегация мирных антимилитаристов, в составе которой от Новоиерусалимской коммуны были И. И. Шершенев и С. Булыгин. Как видно из письма А. И. Журбина И. И. Горбунову-Посадову от 3 сентября 1924 г., делегация произвела на Сталина хорошее впечатление, которое он выразил при встрече В. Г. Черткову. В. Г. Чертков сообщал, что И. В. Сталин «очень симпатично отзывался о Сереже Булыгине»³.

Толстовские коммуны и артели стремились влиться в антивоенное движение. Примером может служить антивоенная деятельность сельскохозяйственной общины «Братский труд» на Украине. Члены общины входили в состав Союза Свободных Христиан на Украине, от имени которого в конце мая 1923 г. послали воззвание к Христианскому Интернационалу Западной Европы и Америки «исполнить вместе христианский долг – сделать все возможное для предотвращения надвигающейся, грозящей бесчисленными бедствиями воздушно-химической войны»⁴. 14 июля 1923 г. община «Братский труд» обратилась к секретарю Международного Интернационала противников войны Рональду Брауну с просьбой принять ее своим членом. Эта просьба была удовлетворена⁵. В июле 1928 г. группа толстовской молодежи обратилась в административный отдел Моссовета с просьбой выдать иностранные паспорта для поездки на Всемирный Конгресс Мира Молодежи, но получила отказ. Обжаловать решение Моссовета в Президиуме ВЦИК не удалось, так как для удовлетворения просьбы не было законных оснований. Но показательным саможеланием толстовцев принять участие в молодежном Конгрессе мира.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что крестьяне-толстовцы, осмысливая с точки зрения своего мировоззрения события общественно-политической жизни, не уходили в «келью под елью», как их в этом обвиняли, а старались найти в ней свое место.

Подводя итоги, попытаемся выделить отличительные черты хозяйственной, культурной, духовной и общественно-политической деятельности толстовских земледельческих объединений:

¹ Там же.

² ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.286. Л.162-162 об.

³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.589. Л.2.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.94. Ед.8. Л.1.

⁵ ОР РГБ. Ф. 435. К. 69. Ед. 17. Л.39 об.

Во-первых, следует отметить, что в хозяйственном отношении толстовские коллективы были достаточно устойчивы, стремились обеспечить себя техникой, имели хороший агрономический уровень.

Во-вторых, все сферы деятельности толстовских коллективов были пронизаны духом их мировоззрения. Отсюда и увлечение ручничеством, и отказ от мясного животноводства. Идейные истоки имело активное участие толстовских объединений в антивоенном движении, их желание иметь свою школу, свою систему воспитания.

В-третьих, образ жизни толстовских коллективов находит некоторые аналогии с коммунами и артелями, созданными другими течениями социалистической и христиански-социалистической направленности, при сохранении собственной специфики.

Толстовцы пытались найти нишу для приложения своих сил в общепольных делах. Но анархизм в мировоззрении и демократический характер организации толстовского движения в целом пришел в противоречие с все более проявляющимися тоталитарными тенденциями в общественной жизни страны второй половины 1920-х гг., значительно затруднив жизнедеятельность толстовских земледельческих объединений.

Своеобразие толстовских земледельческих объединений просматривается в каждой сфере их жизнедеятельности.

Территориально коммуны и артели толстовцев возникали там, где, во-первых, имелись благоприятные природно-климатические условия для занятий земледелием, во-вторых – в районах расселения так называемого свободомыслящего сектантства, которое рассматривалось толстовцами как среда для дальнейшего распространения их миропонимания.

В численном отношении толстовские коллективы находились на уровне нижней границы населенности коллективных хозяйств в целом по стране, резко отличаясь размерами от крупных сектантских коллективов.

По социальному составу коллективы толстовцев-земледельцев были смешанными, с преобладанием крестьянской прослойки. Особенно следует выделить наличие доли середняков. Интеллигенция в советское время в коммунах и артелях не преобладала, хотя образованные лица, по-прежнему, были душой движения. Необходимо отметить молодой возраст и некоторое преобладание мужского населения в толстовских объединениях.

Наличие в толстовских коллективах лиц с различной религиозной ориентацией опровергает утвердившееся мнение о толстовских коллективах как замкнутых коллективах единоверцев.

Толстовцы не изобрели каких-то особых форм организации коллективов. Однако важно указать на значительную ориентацию крестьян-толстовцев на коммуну как лучшую форму коллективной жизни. Примечателен факт стремления к коммуне и среди середняков-толстовцев, что корректирует взгляд на коммуну как исключительно бедняцкое объединение.

Принципы внутреннего устройства толстовских коллективов отличалась демократичностью, граничащей с анархией, что делало эти коллективы уязвимыми изнутри.

Идеология пронизывала все стороны жизни толстовских коллективов: начиная с проблемы выбора формы объединения до хозяйственной, культурной, просветительской и общественно-политической сфер их деятельности.

В хозяйственном отношении толстовские земледельческие объединения нельзя рассматривать как тяготеющие к исключительно к патриархальным формам производства.

Самые сильные из них достигли уровня образцовых хозяйств.

ГЛАВА III

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

3.1 Социально-экономические преобразования первых лет советской власти и толстовское движение

Главной задачей большевистской партии после Октября ставился «постепенный, но неуклонный» переход к общественной обработке земли и крупному социалистическому земледелию. Крестьянин должен был выступать в роли арендатора земли непосредственно у государства. Важным пунктом аграрной программы большевиков было превращение помещичьих имений в советские хозяйства. Однако В. И. Ленин в докладе на VII Апрельской конференции в мае 1917 г. указывал, что крестьянство по-иному понимает требование национализации земли – все земли, конфискованные у помещиков, должны подлежать разверстке. Как известно, принцип «черного передела» был основным в политике эсеров, имевших в то время широкое влияние среди крестьянства. Поэтому перед большевистской партией после победы Октябрьской революции встала задача соединения желаний масс с собственным взглядом на проблему развития социализма в сельском хозяйстве. Как убедительно доказал Э. Карр, «первые декреты советской власти по земельному вопросу успешно решили эту проблему бок о бок с эсеровским принципом «черного передела». В новом законе (речь идет о Декрете о земле) был ясно установлен и получил признание большевистский принцип коллективного ведения хозяйства»¹. Таким образом, большевикам удалось соединить свои программные установки с требованиями широких слоев крестьянства.

Принятая на VIII съезде РКП(б) вторая программа партии конкретно связывала успех диктатуры пролетариата с правильным выбором тактики по отношению к крестьянству: опираться на беднейшее, бороться с кулачеством, внимательно относиться к нуждам среднего крестьянина². Реальное осуществление мер по конфискации частновладельческих земель и уравнительный передел земли принесли большевикам определенный аванс доверия со стороны крестьянства, хотя обещанное ими «крупное социалистическое земледелие» было нередко непонятно основной массе деревенских жителей.

Первые мероприятия советской власти не могли вызвать недовольство в толстовской среде, ибо были направлены на решение задач буржуазно-демократического развития страны. Декреты советского государства о земле, о мире, о праве наций на самоопределение, об отделении церкви от государства, первая советская Конституция были одобрены толстовцами. Я. Д. Драгуновский в письме семье Чертковых от 6 апреля 1920 г. писал

¹ Карр Э. История советской России. – 1917-1923. – М., 1990. – С. 439.

² См.: КПСС в резолюциях... Т.2. – М., 1983. – С. 85.

по этому поводу: «Они (т. е. большевики) сначала пошло было хорошо, стали распускать армию, заключать мир, издавать много хороших декретов»¹.

Своеобразно восприняв Октябрьскую революцию и считая себя полноправными участниками революционного процесса в России, толстовцы не остались в стороне от социалистических преобразований. Например, на I Всероссийский съезд земотделов, комбедов и коммун в декабре 1918 г. от Астраханской губернии был командирован толстовец Хабаров как член губернского комбеда². Биографии Д. Е. Моргачева, Б. В. Мазурина, М. П. Новикова показывают на примере деятельности конкретных личностей стремление толстовцев к участию в реальном социалистическом строительстве.

Последователи Л. Н. Толстого не имели детально разработанной программы социально-экономических преобразований. Они считали, что в этом нет необходимости, так как в области экономической жизни «народ, предоставленный самому себе, не понукаемый штыками, устроится так, как ему покажется лучше и справедливее»³. Тем не менее, у толстовцев имелся ряд принципиальных соображений относительно решения насущных вопросов экономического и социального развития страны. Прежде всего, толстовцы оставались приверженцами старой народнической традиции, исходившей из того, что строительство новой жизни нужно начинать в деревне на основе земледельческого труда. Свою задачу толстовцы сводили к осуществлению постепенного перехода всего городского населения на землю, к жизни в земледельческо-трудовых колониях, носящих самопотребляющий характер⁴. Из городской цивилизации, которая должна была постепенно исчезнуть, они предполагали взять электричество и другие бытовые удобства⁵. В целом, проблема промышленного развития России их особенно не волновала. Вероятнее всего, по представлениям толстовцев, промышленность должна была бы развиваться по мере потребностей основной массы населения, занятого сельскохозяйственным трудом, в ее продукции, прежде всего сельскохозяйственном машиностроении. Такой подход противоречил задачам социалистического переустройства общества, разработанным большевиками. Как известно, согласно большевистской программе, социалистические преобразования должны были начаться с особого внимания к промышленности, которая позволит создать необходимую материальную базу для перехода сельского хозяйства на социалистические рельсы. В этом коренилось принципиальное различие в подходах к развитию социалистического строя в деревне между толстовцами и большевиками.

Отказавшись от признания классового деления общества, толстовцы не принимали разделения крестьянства на беднейшее и кулацкое. Более того, в их представлениях о развитии экономической жизни будущего общества преобладали интересы успешно работающего на земле хозяйственного мужичка.

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.36. Л.3 об.

² РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.15. Л.120.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.19. Л.7.

⁴ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.55.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.55. Ед.22. Л.5.

В послеоктябрьский период произошло изменение социальной базы толстовства. Как отмечал В. Ф. Булгаков, «так называемое «толстовство» в современной России является по преимуществу крестьянским движением»¹. К нему примыкало небольшое количество лиц из интеллигентской среды, служащих, пролетариата. По социальному составу крестьянство было различным. Однако следует указать на преобладание середняцкой прослойки среди людей, разделявших, так называемое свободно-религиозное мировоззрение. Об этом свидетельствует и приветствие Общества Истинной Свободы села Край Белозерского уезда Череповецкой губернии Первому Всероссийскому съезду сектантских земледельческих и производительных общин, артелей, в котором члены общества о себе писали: «Мы все члены нашего общества малограмотные мужички с кулацкими взглядами на жизнь и только теперь начинаем просыпаться. В материальном отношении мы средние крестьяне»².

Разрешение аграрного вопроса после Октябрьской революции, по мнению последователей Л. Н. Толстого, должно было пройти мирным путем по системе американского политэконома Генри Джорджа. Суть этой системы заключается в стремлении осуществить равное право всех людей на землю, исходя из естественного природного права всех людей на одинаковое пользование дарами природы и права каждого человека на все произведения своего труда. Генри Джордж предлагал отменить все прямые и косвенные налоги и перейти к единому налогу, взимаемому с ценности земли, независимо от вложенного в нее труда³. Толстовцы приветствовали систему Г. Джорджа вследствие того, что подать ляжет не на улучшения, производимые на земле, а лишь на собственность с земли. Вследствие этого произойдет снятие тяжести налога с сельской местности и перенесение ее на города, где ценность земли резко возрастет. Кроме того, исчезнет потребность в огромной армии сборщиков налогов, единый налог сделает невыгодным для собственника владение землей, установит земельную собственность только для тех, кто трудится на ней. Система Г. Джорджа должна была решить и рабочий вопрос, так как рабочее рабство толстовцы рассматривали как результат рабства земельного⁴. Но самую большую притягательность для толстовцев в этой системе представляла возможность мирного, безреволюционного насилия, переустройства общества.

Необходимо отметить, что система единого налога Г. Джорджа вызвала интерес не только толстовцев. К ней проявляли внимание эсеры. Ш. Горцев утверждал, что Г. Джорджем двигал «буржуазный страх перед революцией», что «он не только не думает разрушать буржуазного строя, но и всеми силами старается доказать, что такой строй вполне оправдывается с нравственной точки зрения»⁵. Горцев доказывал, что единственно правильное средство решения

¹ Булгаков В. Ф. К характеристике духовного облика русского народа // «Крестьянская Россия». – Вып. IV. – Прага, 1923. – С. 14.

² ОР РГБ. Ф. 435. К. 97. Ед. 29. Л. 1. об.

³ Джордж Г. Прогресс и бедность. – М., 1992. – С. 230.

⁴ «Единение». – 1917. – № 1. – С. 6-7.

⁵ Горцев Ш. Национализация земли. – М., 1907. – С. 27.

аграрного вопроса – национализация земли с уравнительным землепользованием через крестьянскую общину или местные земельные комитеты¹.

М. И. Туган-Барановский, рассматривая способ решений общественных проблем, предложенный американским экономистом, писал, что представление Генри Джорджа о том, что уничтожение частной собственности равносильно уничтожению бедности, есть преувеличение². Оценивая место системы Г. Джорджа в сравнении с другими предлагавшимися проектами национализации земли и ее социализации, следует согласиться с мнением М. Гаузнера, что программа Г. Джорджа представляет собой «проект государственной земельной аренды или национализации земли путем введения единого земельного налога без уравнительного землепользования»³. По сути своей система единого налога Г. Джорджа, как буржуазно-демократическая система перераспределения земли, отвечала интересам не пролетарских, а середняцких слоев деревни, так как давала преимущества трудолюбивым, оборотистым хозяевам вследствие взимания налога только с земли, не распространяя его на произведенные на ней улучшения. Главный минус в системе Генри Джорджа толстовцы усматривали в том, что активную роль в ее проведении играет государство⁴. Но так как, по их представлениям, государство имело временный характер и должно было отмирать по мере изменения сознания людей, проект считался вполне приемлемым.

Земледельческие идеалы толстовцев, воспевающие крестьянский труд, возвышали труженика, способного накормить себя плодами рук своих. Важным фактором, влиявшим на середняцкий состав движения, была близость толстовцев сектантской массе, в среде которой всегда преобладали крепкие хозяева⁵.

Таким образом, толстовцы имели свое представление о развитии аграрной революции в деревне. Их концепция резко отличалась от аграрной программы большевиков и эсеров, ставшей основой первых социалистических преобразований. Мероприятия толстовцев были направлены на развитие сельского хозяйства по буржуазно-демократическому пути и предполагали главной целью развитие всех отраслей земледелия в любой форме – индивидуального крестьянского или коллективного хозяйства. Последняя форма организации жизни крестьян была предпочтительнее для толстовцев, но они понимали, что она сопряжена с рядом сложностей.

Первостепенное значение в деле переустройства крестьянской, жизни на началах добра и справедливости, по мнению последователей Л. Н. Толстого, могла сыграть кооперация. В этом вопросе толстовцы в теории мало расходились с большевиками, однако практический подход был различен. Толстовцы также считали кооперацию «одной из лучших деятельностей, которой могут посвятить себя ищущие приложения своих сил молодые люди, желающие

¹ Горцев Ш. Указ. соч. – С. 29.

² Туган-Барановский М. И. Проповедник национализации земли. – Пг., 1917. – С. 27.

³ Гаузнер М. Лев Николаевич Толстой о земле. – Пг., 1917. – С. 10-11; Там же. Земельный вопрос и способы его разрешения. – Пг., 1917. – С. 16.

⁴ Николаев С. Д. К защите проекта земельной реформы Г. Джорджа. – М., 1906. – С. 12.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.29. Ед.14. Л.3.

служить народу»¹. В. Г. Чертков был знаком с идеями В. И. Ленина и представителей других политических течений по поводу роли кооперации в деле социального преобразования общества. Он указывал, что все они по-разному ее понимают, но все видят в ней средство для достижения своих целей. Поэтому В. Г. Чертков дал свое определение кооперации как единственно возможного средства для практического применения в жизни основ равенства и братства². Он предлагал под кооперацией подразумевать «объединение лиц, поставивших перед собою целью взаимопомощь, или, вернее, взаимодействие в одной какой-либо практической области»³. Развитие кооперации мыслилось им по принципу создания различных объединений по вертикали: низовые кооперативы – их товарищества – союзы товариществ – Центросоюз. «Таким образом, – утверждал В. Г. Чертков, – вся наша хозяйственно-экономическая жизнь будет перестроена на новых кооперативных началах. Частная собственность и частный капитал будут совершенно вытеснены общественно-кооперативным капиталом»⁴. На подобных позициях в отношении кооперации стоял К. С. Шохор-Троцкий. Как и В. Г. Чертков, он подчеркивал принцип постепенности при переустройстве жизни на новых справедливых началах⁵. Он видел в кооперации тот путь, идя по которому и постепенно расширяя совместный труд, можно прийти и до общины. Для толстовцев кооперация имела не только хозяйственное, но и воспитательное значение. Посредством ее «люди, воспитанные на началах обособленной эгоистической жизни, могут постепенно идти к общей братской жизни»⁶.

М. П. Новиков, представляющий крайне нигилистическую точку зрения на опыт первых социалистических преобразований, оставался верным себе и по вопросу о кооперации. Он критиковал «жрецов социализма» за то, что они начали активную пропаганду кооперации в сельском хозяйстве, «забыв прописную истину», что такая кооперация в сельском хозяйстве возможна только «между крепко сидящими на земле мужичками», которым она, по его мнению, помогала подороже продать свое и подешевле купить чужое. Он считал, что в условиях разоренного крестьянского хозяйства кооперация не нужна⁷. Необходимо отметить, что точка зрения М. П. Новикова не имела широкого распространения в толстовской среде. Наоборот, толстовцы активно принимали участие в кооперации. В. Г. Чертков вместе с представителем Народного Банка Н. П. Сперанским были делегатами от Москвы на Тульском кооперативном съезде в 1920 г.⁸ Через кооперативные организации создавались толстовские колонии, коммуны, артели. В Уставе сельскохозяйственного, кустарно-промышленного Товарищества, действовавшего в пределах Московской

¹ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.11.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.3. Л.32.

⁵ ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.3. Л.34.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.980. Л.11-11 об.

⁸ ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.30. Л.1.

губернии, оговаривалось право на аренду земельных участков для организации на них сельского хозяйства совместным трудом своих членов¹. Главным принципом деятельности кооперативных объединений толстовцы считали свободу и добровольность. В вышеупомянутом докладе В. Г. Чертков утверждал, что «никакое насилие в кооперации недопустимо. Как только насильственное или принудительное начало вводится в кооперацию, так кооперация теряет свое основное лицо и превращается в полугосударственный аппарат»². Именно это и происходило, как отмечают исследователи, с российской кооперацией в первые послеоктябрьские годы. Е. И. Зеленская указывает, что в результате ленинских декретов о развитии потребительской кооперации от 20 марта 1919 г. и 27 января 1920 г., она «прекратила свое существование как независимая организация, став придатком к государственным органам распределения – Наркомпроду»³.

Отмечая тенденцию к огосударствлению кооперации, В. Г. Чертков полагал, что «в современную кооперацию припутано слишком много политических моментов, дано слишком мало самостоятельности в области организационной, что отбивает у членов охоту подать инициативу»⁴. Тем не менее, он не призывал к разрыву с кооперативными организациями, а, наоборот, считал, что толстовцам необходимо вступать в нее, чтобы «бороться с недостатками изнутри», и направляя ее на правильный путь, и оказывая помощь несознательной части населения. Главной трудностью для толстовцев было согласовать свое жизнепонимание с политической окраской кооперации. На I Тульском кооперативном съезде В. Г. Чертков так охарактеризовал задачу момента перед его участниками: разъяснять статьи декретов и «указать те способы защиты, какие потребуются со стороны представителей кооперации, если власть будет трактовать декрет неправильно»⁵. Однако В. Г. Чертков выступал за сотрудничество, а не конфронтацию с государственными органами, так как понимал, что последняя «ни к чему практическому не приведет»⁶. Таким образом, толстовский вариант кооперативного движения был более демократичным, чем реальное ее осуществление в период «военного коммунизма», да и в годы новой экономической политики.

Таким образом, толстовцы имели в теоретической части своей концепции точки соприкосновения с программой большевиков. Но подход к проблемам был совершенно иной. Например, толстовцы не требовали резкой отмены частной собственности и непременно равного передела земли. Та положительная оценка, которая давалась последователями Л. Н. Толстого первым декретам советской власти была результатом их готовности идти на компромисс и стремления жить проблемами сегодняшнего дня, продвигаясь

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.30. Л.1.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.11.

³ Зеленская Е. И. Из истории советской кооперации в годы НЭПа. – // Сб. Кооперация. – Страницы истории. – Вып.3. – М., 1993. – С. 185-166.

⁴ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.11.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.30. Л.3.

⁶ Там же.

дальше от достигнутого. Такой позицией толстовцев и объясняется их неоднозначная оценка реальной политики «военного коммунизма».

Натурализация экономики и сворачивание товарно-денежных отношений, имевшие место в стране того времени, воспринимались толстовцами положительно, как практическое осуществление коммунизма на деле¹. Живя в гуще крестьянской массы, толстовцы не могли не замечать тягот, обрушившихся на крестьянство в период вооруженного похода в деревню. Сами толстовцы не оказывали какого-либо сопротивления продотрядам вследствие ненасилия и полагали, что их «трудовое добро, само по себе, не может пойти во вред людям»². Главное столкновение с интересами государства произошло из-за методов, которыми проводилась политика продразверстки. Хотя реквизиции продовольствия, возможно, были единственным способом спасти городское население от голода, толстовцы не могли принять революционного насилия над крестьянами. Принимая английскую делегацию, последователи Л. Н. Толстого отмечали катастрофическое положение сельского хозяйства, явившееся результатом принудительных методов управления, когда крестьянин стремился обработать как можно меньше земли только для себя, и предлагали вместо продразверстки ввести систему единого налога по Г. Джорджу³.

По вопросу об отношении к курсу партии в деревне в толстовской среде намечаются те же направления, которые имелись в общей крестьянской массе в то время: 1) яростные противники социалистического переустройства общества на коллективных началах; 2) те, кто, учитывая коллективистскую направленность большевистской политики, стремился принять участие в создании коммун и артелей.

Следует отметить, что в отечественной литературе вопрос о соотношении индивидуалистических и коллективистских настроений крестьянства является дискуссионным. Например, Л. Г. Косулина утверждала, что крестьянство восприняло создание коллективных хозяйств без особого расположения, что «на волне революционного энтузиазма некоторым идеалистам удалось сагитировать часть крестьянства на создание тех или иных форм коллективных хозяйств»⁴. Н. Д. Ерофеев отмечает, что «общинно-кооперативный мир деревни выработал в ней своеобразное трудовое правосознание, легко смыкающееся с идущей от передовой интеллигенции проповедью аграрного социализма»⁵. М. Выцлан, изучавший на основе народного фольклора проблему индивидуализма и коллективизма в менталитете русского крестьянства пришел к выводу, что эти тенденции имели место в определенных сферах жизнедеятельности крестьянства: индивидуализм относился к трудовому процессу и результатам труда, коллективизм – к крестьянскому самоуправлению, миру. Именно это коллективистское начало проявило себя, по его мнению, в 1920-е гг. в широком применении кооперации, появлении первых коммун и колхозов. М. Выцлан по-

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.33. Л.8.

² ОР РГБ. Ф.435. К.62. Ед.4. Л.8.

³ «Истинная свобода». – 1920. – №3. – С. 22.

⁴ История России XIX-XX вв. Курс лекций. Ч.1. – Брянск, 1992. – С. 121.

⁵ История политических партий России. – М., 1994. – С. 155.

лагал, что антиколлективные настроения крестьян подпитывала несправедливая система распределения, при которой почти весь продукт доставался государству¹. На этих же ментальных представлениях, наряду с религиозной проповедью братской жизни, базировался и толстовский коллективизм.

Индивидуалистические настроения деревни выражали в толстовской среде О. Семенов и М. Н. Новиков. Анализируя создавшееся хозяйственное положение, М. П. Новиков пришел к выводу, что сельское хозяйство находится в тупике и застое, грозящем в недалеком будущем ужасным голодом². Причины такого положения он видел во всеобщем обобществлении, уничтожавшем хозяина и его интерес. С. Семенов и М. П. Новиков доказывали, что уничтожение права работника на результаты его труда привело к снижению личной инициативы, к потере стремления много и хорошо работать. Результатом такой политики, с их точки зрения, стала плохая обработка земли, наличие большого числа пустошей и низкая урожайность. Ее социальные последствия были не менее плачевны: рост бюрократии, множество собраний, отнимающих массу времени у работников, так что «некогда работать», увеличение лентяев и дармоедов вследствие уравнительного принципа распределения³. Опора на беднейшее крестьянство, провозглашенная большевистской партией в мае 1918 г., по мнению единомышленников Л. Н. Толстого, привела к тому, что «негодные элементы города и деревни... теперь у власти». Большой бедой для деревни, с их точки зрения, были разнообразные карательные отряды – по трудовой и гужевой повинностям, продовольственным, посевкомным, по ловле дезертиров, заградительные. Вред их состоял в том, что для карательных мер отвлекалась значительная масса людей, которые могли бы заняться производительным трудом. Толстовцы утверждали, что крестьянству, которое «такой чад испытало от революции, какого ему веками не выкурить из своих голов», не нужно ни коммунизма, ни продолжения революции, а нужно немедленное прекращение гражданской войны и установление свободного правильного труда во всех отраслях производства «без искусственного давления на то, чтобы непременно оно было коммунистическим»⁴. Достичь этого можно было, по их мнению, только путем немедленного отказа от введения социализма в том виде, в котором он существовал в период военного коммунизма.

Таким образом, С. Семенов и М. П. Новиков отражали настроения той части крестьянства, которая выступала за рыночный путь развития экономики и укрепления единоличных хозяйств, настойчиво требуя тех изменений, которые были введены X съездом РКП(б). Однако следует отметить, что ни С. Семенов, ни М. П. Новиков не отвергали коллективные формы сельскохозяйственного производства. Но они виделись им как дело будущего, связанное с длительным процессом религиозного воспитания народа, когда людьми будут усвоены «интересы обобществления».

¹ Выцлан М. Когда струны зазвучат в унисон? // «Родина». – 1994. – №10. – С. 72-74.

² ОР РГБ. Ф.369. К.398. Ед.21. Л.3.

³ ОР РГБ. Ф.369. К.398. Ед.21. Л.3-4; ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.5. Л.6.

⁴ ОР РГБ. Ф.369. К.398. Ед.21. Л.5-6; ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.5. Л.6-8

Другая часть толстовцев, более лояльно относившаяся к сотрудничеству с советской властью, также негативно воспринимала метод революционного насилия, применяемый к крестьянству, особенно к зажиточному. Но в их миропонимании были сильнее выражены стремления немедленно продвинуть жизнь ближе к своему идеалу. Они считали вполне приемлемым для себя участие в коллективном строительстве вместе с коммунистами. Интересен ход рассуждений этой части последователей великого писателя, выраженный позднее, после переселения на Алтай, но рельефно отражающий направление их мысли. В письме одного из членов коммуны «Жизнь и труд» говорилось: «Надо помочь товарищам в этом приемлемом для нас деле в их трудном пути, для нас совершенно чуждого по средствам, но не по целям»¹. Эта часть толстовцев опиралась на коллективистские черты психологии русского крестьянства, ярко проявившиеся на I Всероссийском съезде комбедов, земотделов и коммун в декабре 1918 г., когда большинство делегатов с мест, участвующих в работе секции коллективных хозяйств признали за коммуной единственный путь к социализму². Во главе этого направления стояли И. М. Трегубов, П. И. Бирюков, К. С. Шохор-Троцкий. Такова была мотивация толстовцев, желавших принять участие в созидательной работе по созданию коллективных форм жизни государства.

В 1920 г. П. И. Бирюков отмечал наличие серьезного коммунистического движения среди крестьянства, которое «по исторически сложившимся условиям жизни русского народа тесно связано с сектантским движением»³. Именно поэтому И. М. Трегубов и П. И. Бирюков стремились объединить близкие по мировоззрению к толстовству сектантские течения, прежде всего, «приверженцев свободно-христианского и коммунистического учения, тождественного учению Л. Н. Толстого»⁴: свободных христиан, молокан, духоборов, свободников – самых радикальных направлений в сектантстве.

20 июля 1919 г. И. М. Трегубов выступил со своей известной статьей «Сектанты-коммунисты», в которой предложил использовать сектантов для того, чтобы доказать «всем русским рабочим и крестьянам, боящимся коммунизма, превосходство коммунизма перед частновладельческим хозяйством»⁵. «И тогда, – писал И. М. Трегубов, – развитие коммунизма пойдет у нас успешнее, быстрее, а главное, прочнее, нежели в настоящее время, когда советские коммуны наполняются людьми, неготовыми к коммунизму»⁶. На VII Всероссийском съезде Советов, подчеркивая общность целей большевиков и сектантов, несмотря на разницу в средствах, И. М. Трегубов предложил разрешить и помочь создать партию сектантов-коммунистов. «Пусть каждый делает по своей совести и своему разуму», лишь бы «насаждение коммунизма» шло с большим успехом. В конце 1920 г. П. И. Бирюков и И. М. Трегубов

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.55. Л.19.

² РГАЭ. Ф.478. Оп.1. Ед.15. Л.69-70.

³ ОР РГБ. Ф.369. К.377. Ед.18. Л.1.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.63. Ед.14. Л.1.

⁵ Там же. Л.2. об

⁶ «Правда». – 20 июля 1919 г., – № 158. – С.2.

обратились в Наркомзем с Докладной запиской «О желательном отношении Советской власти к сельскохозяйственным коллективам русских сектантов», в которой излагали конкретные меры по сотрудничеству сектантских сельскохозяйственных коллективов с советской властью. Они отмечали, что крестьянство признает Советы, но отвергает «коммунию», что правительству нужно обратить свой взор к сектантам, так как последние представляют собой тот социальный элемент, который сможет показать пример новой жизни¹. Толстовцы предлагали издать особый устав для сектантских коллективов, издать особый орган «Мирный коммунист», соглашались на определенный контроль за своей деятельностью со стороны государства. Толстовцы пытались направить отношения с государственными учреждениями на договорную основу. Однако контроль, по их мнению, должен был иметь не характер принуждения, а мирного предложения. Предполагалось взаимодействие с государственными учреждениями общепольного характера². Именно это положение Докладной записки позволило правительственным органам заявить о чрезмерной самостоятельности сектантских, в том числе и толстовских коллективов, стремящихся стать государством в государстве.

А. И. Клибанов склонен рассматривать стремление идеологов и руководителей сектантства, каковыми, согласно утвердившемуся мнению, были толстовцы, как желание создать через кооперацию труда и общежития ту организацию, которая могла бы «вдохнуть жизнь в их угасавшие, но еще многочисленные секты»³. В свете изученных материалов такая точка зрения не представляется достаточно объективной, ибо желание толстовцев и сектантов принять участие в коллективном строительстве было, скорее всего, искренним. Обвинение в том, что крестьянские массы были распропагандированы проповедниками, опровергают документы, свидетельствующие, что тенденция к сотрудничеству с властью имела низовой характер. В этом плане представляют интерес Обращение (сектантов) к большевикам с предложением создать Первый Союз мирного строительства для лиц, отказывающихся от воинской службы по религиозным убеждениям⁴, и Проект Устава Всероссийского союза организации мирного труда «Все для жизни». Последний документ был принят резолюциями Второго Балаковского съезда сектантов Самарской губернии от 27 сентября 1920 г. общим собранием Самарского общества Свободно-религиозного мировоззрения в г. Балаково, общим собранием трудовой артели памяти Л. Н. Толстого⁵. Этот факт убедительно доказывает, что руководители выражали интересы и устремления рядовых толстовцев и сектантов.

Таким образом, есть все основания констатировать, что опыт социально-экономических преобразований первых лет Советской власти был активно воспринят толстовцами как в теоретическом плане, так и в области

¹ ОР РГБ. Ф.345. К.63. Ед.14. Л.1-1 об.

² Там же. Л.2-3.

³ Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969. – С. 224.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.67. Ед.18. Л.3.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.67. Ед.17. Л.1.

практической деятельности. Идея коммунистического преобразования села была для них конкретной практической задачей, которую они согласны были осуществить под определенным контролем государства. Однако оценка последователями Л. Н. Толстого большевистской аграрной политики не была однозначной. В толстовской среде существовало две точки зрения по вопросу участия в коммунистическом правительстве. Первая представляла создание коммун и артелей результатом длительного подготовительного процесса и делом далекого будущего. Объективно она была нацелена на буржуазно-демократические аграрные преобразования. Сторонники второй точки зрения стремились немедленно приступить к осуществлению коммунистической идеальной жизни, вступая в контакт со всеми, идущими в этом направлении. Они тесно соприкасались с большевиками, но абсолютизировали принципы добровольности при переходе к коллективным формам хозяйства.

ГЛАВА III

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

3.2 Влияние политики советского государства на развитие толстовских земледельческих объединений

В начале 1920-х годов в стране сложилась чрезвычайно сложная обстановка. Окончание гражданской войны решило судьбу военного коммунизма. Вспышки крестьянских мятежей осложняли и без того тяжелое внутреннее положение. Голод 1921 г. усугубил ситуацию. В этих условиях Коммунистическая партия и советское государство вынуждены были изменить всю политику в целом. Среди коммунистов распространилось мнение о необходимости уступки требованиям крестьян о ненасильственном, основанном на экономическом интересе, вовлечении деревни в социализм¹. Новая экономическая политика, начавшаяся с замены продразверстки натуральным налогом, засчет предоставления новых стимулов крестьянству развилась в политику поощрения торговли и обмена, включая финансовую политику по стабилизации валюты и, наконец, стала промышленной политикой, необходимой для строительства социалистического порядка. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин отмечал, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России»². В это время правительство вынуждено было изменить не только политику по отношению к единоличнику, но и по отношению к коллективному земледелию. Несмотря на «протекционистскую» политику государства по отношению к коллективным формам обработки земли³, Наркомзем отмечал, что «количество коллективов всех видов сравнительно с многомиллионным крестьянством является совершенно ничтожным»⁴. Производственные показатели коллективных хозяйств были скромными: в 1919 г. излишки сдали колхозы 16 губерний, в 1920 г. – лишь 4⁵.

Так как большинство коллективных хозяйств были нахлебниками у государства, то ограниченность государственных средств и была одной из причин неудачи первых опытов коллективного строительства, отрицательную роль играла политика продразверстки, сковывавшая хозяйственную инициативу коллективов⁶. Такое положение дел в советской экономике позволило сделать западным экономистам вывод о том, что потерпели крушение две

¹ Павлюченков С. С. С чего начинался НЭП? // Трудные вопросы истории. – М., 1991. – С. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.43. – С. 58.

³ См.: Гимпельсон В. Г. Великий октябрь и становление системы управления советским хозяйством. – М., 1977. – С. 144.

⁴ Отчет Наркомзема IX съезду Советов за 1921 г. – М., 1922. – С. 7.

⁵ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. – С. 250.

⁶ Кабанов В.В. Указ. соч. – С. 259, 269.

утопии аграрной политики коммунистического периода: создание «фабрик хлеба» в форме совхозов и «социализация земледелия» при помощи колхозов¹.

С переходом к НЭПу основой политики стало государственное регулирование сельского хозяйства, охватывающее всю массу крестьянских хозяйств. Совхозы и коллективы являлись лишь составной частью общей аграрной политики². Работа же в области совхозов и колхозов направлялась в сторону улучшения их качества, а не количества³. Именно эту важную задачу «должны были решать руководители государства, не желавшие отказываться от идеи преобразования деревни на коллективистских началах. Именно в это время В. Д. Бонч-Бруевич привлек внимание В. И. Ленина к сектантам тем, что пригласил в совхоз Мособлздравотдела духоборов и был очень доволен ими⁴. 28 февраля 1921 года у Ленина на приеме был крестьянин И. А. Чекунов, «очень интересный независимый трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»⁵. После этой встречи В. И. Ленин так сформулировал неотложную политическую задачу в аграрной политике: «Вот за таких людей нам надо зацепиться для восстановления доверия массы крестьян»⁶. Именно поэтому он начинает поддерживать проекты перевоза сектантов-духоборов в Россию из Канады, Аргентины других государств⁷. Эти обстоятельства имели особое значение в связи с тем, что сектантство было многочисленным. Как утверждал В. А. Алексеев, политика партии на решительное наступление на православную церковь, ограничение сфер ее влияния привела к численному росту сектантства, в котором крестьянство искало удовлетворения своих религиозных потребностей⁸.

Основные требования толстовцев и сектантов, стремящихся к участию в коллективном строительстве, были выполнены советским правительством. В 1921 г. было опубликовано «Обращение Народного комиссариата земледелия к сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», предлагавшее им выполнить свой долг перед Родиной постановкой образцовых хозяйств, поднятием уровня сельского хозяйства на новую высоту. При Главколхозе Наркомзема была создана Комиссия по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами (ОРГКОМСЕКТ). Наркомзем утвердил особый Устав для сектантских коллективов⁹.

Большую роль в деле использования толстовцев в социалистическом строительстве играл В. Д. Бонч-Бруевич. Он был лично знаком со многими деятелями сектантского движения, оказывал им реальную помощь в защите их

¹ Загорский С. О. К социализму или капитализму? – Париж, 1927. – С. 1.

² Отчет Наркомзема IX съезду Советов за 1921 г. – М., 1922. – С. 8.

³ Кабанов В. В. Указ. соч. – С. 43.

⁴ Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969. – С. 230-231.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. – С. 372.

⁶ Ленин В. И. Указ. соч.

⁷ Ленинский сборник. XXVI. – М., 1945. – С. 274; Ленинский сборник XXXV. – М., 1959. – С. 300.

⁸ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. – М., 1991. – С. 272.

⁹ Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969. – С. 235-236.

прав (например, при арестах за отказ от воинской повинности, при получении земель и переселении)¹. Об участливом отношении В. Д. Бонч-Бруевича к судьбе толстовцев в деле создания коммун и артелей свидетельствует его записка С. П. Середы: «Податель сего Владимир Чертков – сын известного друга Л. Н. Толстого – вместе со своими друзьями (15-ю семействами) единомышленников хочет сесть на землю, устроив настоящую коммуну сельскохозяйственную. Очень прошу оказать им содействие – это цельные люди, серьезно заинтересованные работой на земле»². С. П. Середка передал записку А. Н. Биченко, которая переправила ее в Губземотдел. Т. Зайцев 6 марта 1920 г. наложил резолюцию: «Подыскать свободное неорганизованное имение. Выяснить в организационном отделе губсовхоза»³. Примерно так происходил процесс получения бывших имений толстовцами.

Другой экономической проблемой, которую должно было решить правительство, было заселение пустующих земель и увеличение доходности сельского хозяйства. И в этом плане толстовцы и сектанты были выгодны, так как ради жизни в коллективах единомышленников, в согласии со своими убеждениями, они были готовы к перемене мест. Перед государством стояла задача не просто заселить пустующие земли, но и получить от них быструю экономическую отдачу. Например, по плану колонизационно-переселенческих мероприятий Наркомзема на 1923-1924 гг. предполагалось привлечь отдельные группы крестьянских хозяйств, сильные по своему культурному и хозяйственному уровню, способные к быстрому и прочному освоению земель в новых районах⁴. В первую очередь переселялись и выдавались земли из переселенческого фонда жизненным коммуна⁵. В большинстве своем, коллективы толстовцев и крестьяне-единоличники из их среды соответствовали этим требованиям.

Таковы основные соображения, заставившие большевиков сделать тактическую уступку религиозному сектантству, к которому были близки толстовцы (их сельскохозяйственные объединения приравнивались к сектантским по правовому статусу). Общее «потепление» в период НЭПа выразилось в ряде постановлений партии и правительства. В постановлении пленума РК РКП(б) от 9 августа 1921 г. указывалось на необходимость согласовать антирелигиозную политику «... со всей нашей экономической политикой, сущность которой заключается в восстановлении действительного соглашения между пролетариатом и мелкобуржуазными массами крестьянства, еще до сих пор проникнутыми религиозными предрассудками»⁶. Особое внимание рекомендовалось уделять тем религиозным группам и сектам, которые «в своих социально-политических и социально-хозяйственных планах являются прогрессивными и несут в себе зачатки коммунистического взгляда»⁷. Директива ЦК РКП(б) советским

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Ед.286. Л.130.

² ОР РГБ, Ф.435, К.100. Ед.23. Л.1.

³ Там же. Л.1 об.

⁴ ГАРФ, Ф. Р-5408. Оп.1. Ед.27. Л.27.

⁵ Там же. Л.52.

⁶ КПСС в революциях... Т.2.– М., 1970.– С. 279-280.

⁷ Указ. соч.

и партийным органам конкретизировала объект для покровительства: сектантские группировки, «среди которых, особенно в настоящее время, замечается усиленное стремление создать коллективные формы общественного хозяйства». Директива предлагала: «Там, где деятельность таких групп не носит враждебного советской власти характера, всячески воздерживаться от какого бы то ни было стеснения их хозяйственной деятельности в рамках существующих законоположений»¹. Толстовцы подходили под все эти определения и могли рассчитывать на благожелательное отношение, которое и наблюдалось до 1924 г., когда 24 марта Пленум Верховного суда СССР признал учение Л. Н. Толстого нерелигиозным, а его последователей решено было считать чисто интеллигентской группой².

Политика советского государства по отношению к сектантским коллективам была противоречивой. Правительство одной рукой давало сектантам надежду на спокойную жизнь и мирное урегулирование отношений с властью, другой – отнимало ее. Об этом наглядно свидетельствует Докладная записка представителей Московских общин евангельских христиан, единомышленников Л. Н. Толстого, малеванцев, внеисповедальных течений уполномоченному ВЦИК по религиозным делам РСФСР П. Г. Смидовичу о восстановлении деятельности особой комиссии при Наркомземе РСФСР и общей реформе по сектантскому вопросу в связи с постановлениями XIII-го съезда РКП(б) от 1 июля 1924 г. В ней толстовцы и представители религиозных групп прямо заявляли, что деятельность ОРГКОМСЕКТА практически сведена к нулю. Обратившиеся к уполномоченному ВЦИК прекрасно понимали, что в этом нет вины самой комиссии, что она «оказалась маленьким винтиком, всецело связанным и зависящим в своей деятельности от общего хода всей огромной государственной машины СССР»³, что комиссия «не смогла провести в жизнь свои заверения... так как... в то же самое время общая политика других советских учреждений, особенно ОГПУ и НКВД, была направлена как раз в противоположную сторону – в сторону всяческого стеснения жизни сектантов и вообще всех религиозных людей в России»⁴. Московские группы требовали реального проведения в жизнь решений XIII съезда: об «умелом подходе» к сектантам с целью направления «в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы»⁵; обеспечения в СССР свободы совести и вероисповедания, а также поддержки творчества новых трудовых форм жизни⁶. Немалую роль в осложнении жизни толстовцев и их организаций, которые, как было показано выше, тесным образом были связаны с созданием земледельческих объединений, сыграла Антирелигиозная Комиссия при ЦК РКП(б). Как отмечает С. Савельев, «АР комиссия какое-то время решала:

¹ Справочник партийного работника. – Вып. 2. – М., 1922. – С. 93-94.

² Гидулянов. Отделение церкви от государства. Сб. – М., 1924. – С.214-215.

³ ГАРФ. Ф.5408. Оп.1. Ед.29. Л.7-8.

⁴ Там же.

⁵ КПСС в резолюциях... Т.3. – М.,1970. – С. 84-85.

⁶ ГАРФ. Ф.5408. Оп.1. Ед.29. Л.12.

поставить их “лицом к советскому народу” или “к стенке”»¹. Преследования начались в 1922-1924 годах, что значительно ударило по немногочисленному ядру толстовского движения. Другой проблемой для толстовских коллективов были взаимоотношения с местной властью, так как именно на местном уровне производились все меры репрессивного характера. В. Г. Чертков в «Заявлении Советскому правительству о сектантах» в 1921 г. называет следующие формы преследования сектантов (эти меры применялись и к толстовцам) – отбирание печатей сектантских общин, закрытие детских приютов и трудовых колоний, аресты целых сектантских общин, а также обществ и кружков в память Л. Н. Толстого, аресты инициаторов местных ОИС в память Л. Н. Толстого и активное преследование наиболее ярких представителей свободно-религиозных течений. В. Г. Чертков отмечал, что «представители власти с особенно односторонним и узким кругозором» откровенно заявляют, что «движение это по своей зловредности требует полного искоренения», и что «поэтому церемониться в выборе средств в борьбе с ними нет никакой надобности»². Такое положение дел позволило В. Ф. Булгакову сделать совершенно справедливый вывод: свободные попытки коммунистического образа жизни не раз возникали не только не с помощью, но вопреки желанию коммунистической власти³. Тем не менее, несмотря на столь противоречивое отношение власти к толстовским и сектантским организациям, крестьяне-толстовцы с начала НЭПа почувствовали, что для них наступили светлые времена. М. Поповский свидетельствует, что в одном из разговоров с ним кто-то из стариков, участвовавших в толстовских коммунах, назвал это время «золотым веком»⁴. Причины такого положения следует искать в том отступлении от немедленного введения социализма в земледелии, которое имело место в то время. При НЭПе продолжился тот процесс «чистки» коллективных хозяйств, который начался еще при «военном коммунизме», когда была предпринята перерегистрация коллективов с точки зрения их показательности в постановке дела хозяйства и быта. Все колхозы переводились на самоснабжение, лишались пайков, субсидий⁵, поэтому отсеивались все недобросовестные, случайные, мало связанные с землей и мало заинтересованные в коллективизме элементы. С. О. Загорский отмечал, что коллективные хозяйства при новой политике «оказались в гораздо лучших условиях для своего развития после того, как их перестали рассматривать как форму социалистического хозяйства и... приравнивали к обыкновенным производственным кооперативам»⁶. С. Рафальский, анализируя процессы,

¹ Савельев С. Бог и комиссары // Религия и демократия. На пути к свободе совести. – Вып. 2. – М., 1993. – С. 204.

² ОР РГБ. Ф.435. К.1. Ед.45. Л.3, 6.

³ Булгаков В. Ф. К характеристике духовного облика русского народа за время революции. // «Крестьянская Россия». – Вып. 4. – Прага, 1923. – С. 146.

⁴ Поповский М. Русские мужики рассказывают: последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе. – Лондон, 1983. – С. 60.

⁵ Рафальский С. Сельскохозяйственные коллективы Советской России // Записки Института изучения России. Кн. 2. – Прага, 1925. – С. 309.

⁶ Загорский С. О. Указ. соч. – С. 182.

происходящие в коллективном секторе сельского хозяйства в советской России, пришел к выводу, что в ситуации, когда помощь государства, и соответственно, административный нажим ослабевали, «вполне жизнеспособными являлись организации с удачно подобранным составом участников»¹. Среди наиболее успешных он называет, во-первых, бывшие монастыри, во-вторых, сектантские общины, в-третьих, организации идейных коллективов-энтузиастов, так называемые «монастыри от коммунизма». Рафальский С. сделал вывод, что «еще раз на примере России подтверждается уже известная миру по прежним опытам социальная тенденция, по которой при современной окраске хозяйственной психики, только с помощью совсем не экономических мотивов, религиозной или почти религиозной напряженности, могут быть сглажены все острые углы обобществления труда, средств и орудий производства и хозяйственно коллективизированы отдельные индивидуумы»². Таким образом, с точки зрения С. Рафальского, толстовские земледельческие объединения имели все необходимые предпосылки для успешного развития: заинтересованность в земледельческом труде и коллективных формах жизни; свобода от государственной опеки, заложенная в их миропонимании, совпала на какое-то время с политикой государственных органов.

Реальные взаимоотношения толстовских коллективов с властными структурами складывались напряженно. Главной проблемой для толстовских коллективов, имевших анархистскую направленность миропонимания, стал вопрос о границах допустимого сотрудничества с государством. Так как его решение для каждого коллектива было самостоятельным, то наблюдался широкий интервал в отношении коллективов к государству. Отдельные коллективы стремились как можно меньше вызывать недовольство со стороны властей: они регистрировали уставы, соглашались на выполнение планов, исходящих от государственных органов и т. д. Например, Устав Невинномысской общины «Л. Н. Толстой» предполагал предоставление отчетов в Уземотдел, губземотдел, отдел обобществления имущества³. Организационный хозяйственный план коммуны «Березки» утверждался совместно с отделом животноводства и одобрялся Центральной зоотехнической комиссией⁴. Члены коллектива «Березки» согласились на разведение коз и кур, хотя это было «самое больное место» предприятия, «не только с внешней стороны затруднительности в хозяйственном отношении, но, главное, с внутренней, духовной стороны»⁵. В. Г. Чертков писал в коммуну, что «в этой области мы дошли до предела, если даже несколько не переступили предела наших отношений с властью»⁶.

Однако не все коллективы стремились к максимальному компромиссу. Например, Сталинградская община отказывалась принимать устав, а, тем более,

¹ Рафальский С. Указ. соч. – С. 320.

² Рафальский С. Сельскохозяйственные коллективы Советской России // Записки Института изучения России. Кн. 2.– Прага, 1925. – С. 323-324.

³ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.32. Л.3.

⁴ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.3.

⁵ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.7.

⁶ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31. Л.7.

регистрировать его в земельных органах по идейным соображениям¹. Ход их рассуждений был таков: «Нам неприемлема такая регистрация, при которой одни люди смотрят на других как на рабочий скот и хотят их посчитать, чтобы удобнее было стричь. Если бы нас приняли как равных братьев и признали бы наше право на свободный труд, то между нами и ими совершилась бы естественная братская регистрация – личное знакомство и сотрудничество в общепольном деле»². Резкий анархический настрой коллектива привел к тому, что с 1925 г. начинаются репрессивные меры против коммуны. За неуплату налогов в 1925 г. были взяты две коровы, в 1926 г. – скот, хлеб, просо и ячмень³. Аналогичные действия властей продолжались до 1929 г., когда коммуна была ликвидирована.

Другая часть коллективов, проводя анархические идеи, была менее последовательна. Например, коммуна им. Тимофея Бондарева, с одной стороны, стремилась не допустить работы и даже косвенного содействия государству и отказывалась не только от несения государственных повинностей, но и от пользования предметами государственного производства – соли, мануфактуры, керосина; с другой – покупала через кооперацию машины и предметы сельскохозяйственного обихода, получила кредит в 250 тысяч рублей⁴. При таком положении дел, когда община отказалась уплатить продналог и предложила передать всю сумму налога в МВО для детских приютов и издания религиозно-философской литературы, государственные органы не приняли во внимание постановление общины. В результате целый ряд ее членов был арестован⁵.

Таким образом, разноплановое поведение толстовских коллективов приводило к тому, что государственные органы имели основания утверждать, что деятельность толстовских коллективов носит антисоветский характер. Это, безусловно, вредило коммунаам, строящим свои отношения с государственной властью на бесконфликтной основе.

Государственные чиновники разного уровня не были склонны детально выявлять поведенческие установки каждого коллектива, поэтому имели место столкновения даже там, где их можно было избежать. Толстовские коллективы, идя навстречу требованиям государства в отношении животноводства, по своим убеждениям ориентировались, как указывалось ранее, на выращивание племенного скота. Поэтому, когда в октябре 1921 г. жители хутора «Заказ» получили извещение о мясном налоге, они обратились в волостное управление в Свистовичах с предложением заменить мясную повинность на выращивание племенных овец из своего скота для голодающих Поволжья, где будет велика в них потребность. Председатель исполкома цинично ответил 28 ноября 1921 г.: «Мы не просим убивать, поставьте нам живым видом» и предложил взыскать полностью скотом или хлебом.

¹ ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.17. Л.24 об.

² ОР РГБ. Ф.435. К.101. Ед.55. Л.80.

³ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.10.

⁴ ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49. Л.10.

⁵ РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.22. Л.16 об.

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что в осложнениях отношений между коллективами толстовцев и государственными органами была доля вины обеих сторон.

Демократические тенденции в философии и практической деятельности толстовцев, их анархический дух представляли опасность с точки зрения государственных органов, так как могли усилить антисоветские настроения, ограничить проникновение государственного контроля во все сферы общественной жизни¹. Советское государство могло бы найти компромисс с толстовцами, если бы было более терпимо к инакомыслию, если бы не скатывалось к тоталитарной модели общества. НЭП, с присущей ей экономической свободой конкретного хозяина (будь то единоличный крестьянин или коммуна, как хозяйин коллективный), оказалась недолговечной политикой. Развитие рыночных отношений в деревне с постепенным кооперированием и налаживанием устойчивых торговых связей между городом и деревней было процессом достаточно длительным, не соответствующим политическим требованиям руководства страны.

К 1926 г. политическая ситуация изменилась. Как отмечал А. И. Клибанов, этот год стал переломным в жизни сектантских кооперативов: «В масштабе грандиозных социально-экономических преобразований, к которым приступила страна, проблема использования культурно-хозяйственных элементов сектантства потеряла самостоятельное значение»². Это было связано как с экономическими проблемами середины 20-х годов, так и со сложной внутрипартийной борьбой, которая требовала быстрого экономического результата. Ставка на земледельческие кооперативы, подобные толстовским и сектантским коммунам и артелям, и длительный путь постепенного кооперирования крестьянства не могли дать партийно-хозяйственному аппарату желаемых результатов.

В период социалистической реконструкции деревни политика по отношению к толстовцам стала принимать все более идеологизированный характер. Их все чаще обвиняли в антисоветской деятельности, предпринимались попытки представлять толстовские кооперативы как сектантско-кулацкие колхозы, отдельные толстовцы подвергались репрессиям, коммуны и артели закрывались.

Значительно острее в этот период стал вопрос о школе. Свобода давать детям тот объем знаний, который толстовцы сами считали необходимым, была отнята. Пресса помещала сообщения о вредительстве со стороны толстовцев. Создавались невыносимые условия для существования толстовцев в центральных районах России. И тогда они обратились к правительству с просьбой разрешить им выехать на окраину, чтобы там провести свой социальный эксперимент. С начала 1930-х годов начинается новая эпоха в истории толстовского движения в нашей стране – сибирский период существования коммун и артелей последователей Л. Н. Толстого.

¹ Гельфанд М. Толстой и толстовщина в свете марксистской критики. – Саратов, 1928. – С. 59.

² Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. – М., 1969. – С. 250.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что толстовское земледельческое движение выросло на почве духовных потребностей и материальных запросов русского крестьянства. Поэтому социально-экономические представления толстовцев отражали объективную потребность крестьянства – свободное развитие сельского хозяйства, возможное только на основе практического интереса хозяина – крестьянина-единоличника или коллектива в любой форме, созданного на добровольной основе. С другой стороны, толстовцы стремились к построению общества без государства, без насилия, без границ, на принципах свободы, равенства и братства всех его членов. Эти социалистические тенденции в сочетании с коллективистским психологическим настроением части крестьянства, привели их к участию в коллективном строительстве первых лет советской власти. Государственное и партийное руководство, оказавшись в критической ситуации, решило использовать эти настроения толстовцев и близких к ним сектантских групп для решения своих хозяйственно-экономических и политических задач: приобретения постоянной, подготовленной к сельскохозяйственному труду рабочей силы для советских хозяйств; заселения пустующих имений и создания на их базе крепких экономически, не требующих особых затрат со стороны государства, коллективных хозяйств, способных показать свою жизнеспособность; привлечение на свою сторону многомиллионного сектантства. Но так как «мелкобуржуазные» проекты толстовцев не устраивали большевиков, они подошли к ним с позиций старой тактической линии: «вместе бить и врозь идти», провозглашенной В. Д. Бонч-Бруевичем еще в дореволюционный период¹. Период НЭПа был тем временем, когда толстовцы и большевики «били вместе». Политика советского государства, выражавшаяся в вынужденной уступке революционного пролетариата мелкобуржуазным слоям деревни, объективно способствовала притоку членов в толстовские коллективы, которые по замыслу правительства, должны были служить задачам социалистического строительства в деревне.

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные соч. – Т.1.М., 1959. – С. 187 – 188.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Толстовское земледельческое движение, почти угаснув на рубеже XIX-XX веков, под влиянием общей революционной атмосферы начала XX столетия, вспыхнуло с новой силой. Последователи Л. Н. Толстого восприняли Октябрьскую революцию и первые социалистические преобразования через призму своего рационалистического и идеалистического мировоззрения. Это и определило место их социальных исканий в общем потоке общественных движений тех лет.

Толстовское движение в России является в настоящее время не только недостаточно изученным исторически, но и недостаточно определенным по своей сущности. Анализируя толстовское движение как социокультурное явление необходимо прояснить его истоки и определить характер социокультурной организации.

Как справедливо отмечали М. А. Рашковская, Е. Б. Рашковский «идейный генезис и человеческий потенциал» толстовского движения «имеют двойственный исток. С одной стороны, толстовство связано с освободительными чаяниями и духовными поисками русской дворянской, а позднее – и разночинной интеллигенции... С другой стороны, оно связано с глубокими традициями русского народно-сектантского «разномыслия» и протеста»¹. Социальной базой толстовского движения являлась не только интеллигенция, но и средние городские слои, студенчество и крестьянство. Восприятие интеллигенцией и крестьянством толстовского учения было различным. Как отмечал В. Д. Бонч-Бруевич, интеллигенция больше уделяла внимание внешней стороне учения – «опрощению», вегетарианству и др.; крестьянство, наоборот, больше волновали религиозно-мистические идеи, так как простота быта, отсутствие мясной пищи, земледельческий труд для них были повседневностью².

Благодаря двойственному истоку толстовского движения, со времени Третьего Миссионерского съезда объявившего толстовство самой вредной сектой религиозно-социального характера, к нему был приклеен ярлык сектантства, который сохранился за единомышленниками Л. Н. Толстого на протяжении всей истории существования их движения. В. Д. Бонч-Бруевич относил толстовцев к сектам старого восточного направления (израильским сектам), называя их также «свободомыслящими сектантами»³. Выше изложенные в данной монографии факты позволяют по-новому рассмотреть вопрос о характере толстовского движения.

Прежде всего, обратимся с самой сути понятия «секта». В отечественном религиоведении выделяются следующие характерные признаки секты: тенденция к исключительности своей роли, доктрины, идейных

¹ Рашковская М. А., Рашковский Е. Б. «Милые братья и сестры...» // [http: www/ lib. ru.](http://www/lib.ru/) /классика/ Л. Н. Толстой.

² Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России // Избранные сочинения. Т. 1. – М., 1958. – С. 176.

³ Бонч-Бруевич В. Д. Указ соч. – С. 165.

установок, ценностей, принципов и связанные с этим настроения избранничества, а нередко и изоляционизм; стремление к духовному возрождению (ревивализм), признаком которого считается строгое соблюдение нравственного кодекса и ритуальных предписаний; отсутствие института священства, наличие харизматического лидера, которым становится лицо, получившее особую способность к руководству, воспринимаемую членами секты как «милость Божию»; нарочито подчеркнутое равенство всех членов и добровольность объединения, акцент на обращение, предшествующее членству¹.

На первый взгляд, в условиях самодержавной России, где православие являлось официальной идеологией и разделялось большинством ее населения, учение Льва Толстого породило сектантское, по своей сути, движение. Но при детальном рассмотрении толстовского движения такой подход представляется упрощенным, ибо признаки секты в полном объеме к толстовскому движению применить нельзя. Рассмотрим более подробно соответствие толстовского движения признакам сектантского объединения.

Следует отметить, что в толстовской среде отсутствовал непререкаемый авторитет, харизматический лидер, учение которого было принято на веру. Как известно, сам Л. Н. Толстой больше всего боялся, что из него сделают какого-то проповедника. Т. Л. Сухотина-Толстая вспоминала, что Лев Николаевич считал, что каждый человек свободен жить согласно своим собственным взглядам и убеждениям². Толстой особенно ценил, когда к близким ему мыслям человек приходил путем собственных размышлений. Например, 24 июня 1884 г. он писал В. Г. Черткову по поводу взглядов последнего на собственность: «Складывается у вас это по-своему, но понимание дела настоящее...»³. Именно поэтому В. Маклаков мог утверждать, что тот, кто понимает Толстого, не следует за ним, а тот, кто следует за ним, не понимает его⁴. В толстовской среде Л. Н. Толстой не воспринимался как «гуру», его идеи подвергались свободному самостоятельному осмыслению и достаточно широкому толкованию. На эту особенность идеологии толстовцев обращал внимание С. Позойский⁵. Как указывалось выше, в качестве учителей толстовцы признавали Иисуса, библейских пророков, Будду, Лао-Дзы, Сократа, Франциска Ассизского, Толстого, Ганди, Ламенне, Баха-Улу, Р. Роллана и других, проповедующих, по их мнению, истинное братство, равенство и свободу.

Толстовцы, по словам В. Ф. Булгакова, желали перейти от религии местной, частной к общемировой, общечеловеческой живой и трепетной религиозной мысли⁶. Они на деле стремились осуществить принцип свободы совести. Толстовские коммуны и артели советского периода были неоднородны в религиозном отношении.

¹ Яблоков И. Н. Основы теоретического религиоведения. – М., 1994. – С. 205.

² Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М., 1980. – С. 419.

³ Письмо В. Г. Черткову от 24 июня 1884 г. // Л. Н. Толстой. – Собр. Соч. в 22-х томах. – Тт.19-20. – М., 1984. – С. 41.

⁴ Цит. по: Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М., 1980. – С. 419.

⁵ Позойский С. К. К истории отлучения Л. Н. Толстого от церкви. – М., 1979. – С. 165-170.

⁶ Булгаков В.Ф. Толстой-моралист. – Прага, 1923. – С. 93.

Толстовство не было конечным пунктом в духовной эволюции отдельных личностей. Отмечались случаи перехода от толстовского мировоззрения к идеологии баптистов и евангельских христиан. Таким образом, для толстовской среды был характерен некоторый *мировоззренческий синкретизм в религиозном отношении*. Для них было приемлемо объединение с теми, кто признавал бога как высшее нравственное начало, служащее основой жизни и объединяющее всех людей; кто проповедовал ненасилие, вегетарианство, анархизм, антимилитаризм.

Толстовцы не были объединены в какую-либо чисто религиозную организацию. В конце XIX века никаких организаций толстовского направления не существовало. Московское Вегетарианское общество, являвшееся в течение двадцати лет одним из центров толстовского движения, было создано 28 февраля 1909 года. Оно не ставило каких-либо проповеднических целей, стремилось к распространению вегетарианства и созданию условий духовного общения для лиц, *тяготеющих* к мировоззрению Л. Н. Толстого. Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого (ОИС) было организовано еще позже, в июне 1917 г. Целью этого общества было «облегчение общения между всеми, сочувствующими тому жизнепониманию, выразителем которого является Толстой, а также содействие просветительским задачам»¹. Каждый член ОИС сохранял за собой полную свободу в вопросах жизни и веры. Данное положение устава ОИС не позволяет рассматривать его как сектантскую организацию, ибо в деятельности этой организации отсутствовал такой важный признак секты, как тенденция к изоляционизму, строгое исполнение воли проповедника и ритуальных предписаний. Кроме центральных организаций, толстовцы создали довольно широкую сеть местных организаций: Общества истинной свободы, свободно-религиозного мировоззрения, общины свободных христиан, вегетарианские общества, общества эсперантистов, кружки в память Л. Н. Толстого. Они занимались культурно-просветительской работой, благотворительностью, созданием коммун и артелей. На первый взгляд, мы имеем дело с хорошо отлаженной организационной структурой, однако каждое общество было полностью независимо в своей деятельности и между ними не было, как уже говорилось, «даже подобия той обязательной партийной связи, которая наблюдается в организациях политического и общественного характера»².

Движение единомышленников Л. Н. Толстого было, скорее, религиозно окрашенным общественным движением, чем сектой. Социолог П. Штомка выделил следующие характерные черты социального движения:

- Коллективность людей, действующих совместно.
- Единство в отношении цели коллективных действий, а именно – изменения в обществе, причем цель должна осознаваться участниками одинаково.
- Диффузность движения, низкий уровень формальной организации.

¹ Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. – М., 1989. – С. 144.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Е.2042. Л.34-36.

- Действия имеют относительно высокую степень стихийности и не принимают институционализированные, застывшие формы¹.

Вышеперечисленные признаки были, безусловно, присущи толстовству как движению. Толстовское движение имело собственную своеобразную концепцию общественного развития. Центром всей социальной конструкции толстовцев была земледельческая колония или коммуна. Экономические отношения будущего общества строились толстовцами на основе отказа от частной собственности. Модель будущего социального строя носила ярко выраженный натуральный характер, денежные отношения отвергались, как орудие несправедливого распределения плодов общественного труда и должны были быть заменены натурально-расчетными денежными знаками. Важнейшим принципом жизни являлось уничтожение эксплуатации и неравенства членов. Самоуправляющийся характер общин должен был, по мысли толстовцев, привести к уничтожению государства и установлению анархии, которую толстовец С. М. Белинский охарактеризовал в своей речи на I съезде анархистов 12 декабря 1918 г. как «такой порядок человеческого общежития, при котором все люди свободны от правительственного принуждения»². Главным средством решения спорных социальных проблем в обществе толстовцы считали формирование общественного мнения и мирное неподчинение.

Уровень формальной организации толстовского движения был действительно низок. Состав участников МВО, ОИС, местных организаций не фиксировался, рост движения можно видеть лишь по расширению географии местных организаций. Толстовские общества не имели четкой структуры, членство было свободным, размеры ежегодных взносов официально не устанавливались и вносились каждым по возможности, каждый сохранял свободу в исполнении их решений.

Общественные выступления толстовцев действительно имели высокую степень стихийности. Об этом свидетельствует, например, большое количество воззваний против войны, написанных толстовцами по личному почину в разных уголках страны, их многочисленные выступления против смертной казни и отказы от воинской службы по религиозным (толстовским) убеждениям, их индивидуальная деятельность по распространению запрещенных произведений Л. Н. Толстого, заканчивавшаяся для многих судами и ссылками.

Социологи рассматривают общественное движение как поток социальных изменений, имеющий прямое и обратное действие: «...любое социальное движение есть часть самого общества, в котором происходят изменения.., иначе говоря, оно действует на общество изнутри»³. Толстовское движение изначально было ориентировано на такое изменение общества «изнутри». Толстовское движение в процессе социальных изменений в обществе само мобилизовывалось для того, чтобы влиять на общество более эффективно.

¹ Штомка П. Социология социальных изменений // Социальная психология. – Хрестоматия. – М. : Аспект Пресс, 2000. – С. 182-204.

² РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед.34. Л.55.

³ Штомка П. Социология социальных изменений // Социальная психология. Хрестоматия. – М. : Аспект Пресс. – 2000. – С. 184.

вывалось для того, чтобы влиять на общество более эффективно. Наиболее ярко эти изменения прослеживаются накануне Октябрьской революции. Если Л. Н. Толстой апеллировал исключительно к нравственным усилиям конкретной личности в деле преодоления социального зла путем отказа участвовать в нем, то толстовцы начали осознавать значимость совместных усилий людей в изменении общественной жизни. Напомним, что В. Ф. Булгаков писал, что «*в теперешних условиях* недостаточно личного неучастия.., чтобы чувствовать себя спокойным, а главное *неответственным* за происходящие и будущие ужасы»¹.

Признав толстовство общественным движением, а не сектой, предпримем попытку определить его тип. По масштабам предполагаемых изменений социологи выделяют **реформистские** (ограниченные по своим целям и не ориентированные на преобразования институциональных структур); **радикальные** (стремящиеся к более глубоким социальным преобразованиям, затрагивающим основы социальной организации, направленные на преобразования самого общества); **революционные** (охватывающие все ключевые аспекты социальной структуры – политический, экономический, культурный – и направленные на тотальное изменение общества, построение вместо него «альтернативного» общества). Толстовство было, безусловно, *радикальным* общественным движением, направленным на тотальное изменение общества. Альтернативой государству была безгосударственная община, опирающаяся на христианские принципы сосуществования людей. В некотором смысле толстовское движение можно назвать *революционным*. Интересно, что толстовцы сами осознавали себя причастными к революционным преобразованиям в России. В Обращении Казанского толстовского комитета к большевикам от 29 января 1919 г. толстовцы требовали признания за собой права голоса при решении общественных проблем «ибо участвовали в деле осуществления правды и свободы»².

По качеству предполагаемых изменений социальные движения разделяют на **прогрессивные**, стремящиеся создать новые институты, законы, внедрить новый образ жизни, новые верования, сформировать общество, которого раньше не существовало, и ориентированные в будущее; и **консервативные**, обращенные в прошлое, стремящиеся восстановить институты, образ жизни, когда-то существовавшие в ходе истории, основное внимание уделяющие возрождению традиции. По этим параметрам толстовское движение было, с одной стороны, *прогрессивным*, так как было направлено на создание нового идеального общества. С другой – *консервативным*, так как идеализировало крестьянскую общину, бытовую жизнь крестьянства, которое являлось классом уходящего в прошлое феодального уклада жизни.

По целям предполагаемых изменений социальные движения подразделяются: а) на движения, сосредотачивающиеся на изменении социальных структур, которые принимают две формы: **социополитические движения** –

¹ Булгаков В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди. – Прага, 1930. – С. 14.

² ОР РГБ. Ф. 435. К.95. Ед.27. Л.1.

пытаются добиться изменений в политике, экономике, вызвать сдвиги в классовых структурах, и **социокультурные движения** – стремятся изменить убеждения, кредо, ценности, нормы, символы (битники, панки, хиппи); движения, ориентированные на изменение личности, также имеющие две формы – **религиозные**, борющиеся за спасение своих членов и общее оживление религиозного духа; и **социальные** движения, направленные на изменение структуры общества, предполагающие, что достижение этой цели повлияет и на личность. По данным признакам однозначно характеризовать движение единомышленников Л. Н. Толстого достаточно сложно. Толстовское движение было движением, ориентированным на изменение личности, которое должно повлечь за собой определенные изменения социальных структур. Оно было более *социокультурным*, нежели *социополитическим*. Безусловно, толстовство было религиозным, нравственно-этическим социальным движением.

По логике, стратегии действия социологи выделяют движения, действующие по «инструментальной» логике – достижение политической власти и усиление ее средствами предполагаемых изменений в обществе; и движения, следующие «экспрессивной» логике – стремление к достижению автономии, гражданских прав, культурной и политической эмансипации для своих членов или более широких общностей. В этом плане можно говорить об «экспрессивной» логике толстовского движения.

Подводя итоги, следует констатировать, что наиболее правильным было бы определить движение единомышленников Л. Н. Толстого как *религиозно-этическое движение, имеющее социальную направленность*. Тем более, что социальная природа этого движения уже отмечалась исследователями ранее. Так З. В. Калиничева сближала толстовское движение с протестантским и католическим движением «социального христианства»¹. Неприятие толстовцами насильственных методов переустройства общества резко выделяют его среди других общественных движений. Оно прочно вписывается в рамки российского социалистического движения конца XIX – начала XX столетия – толстовское движение занимало нишу *религиозно-этического социализма*.

Как и в других течениях русской социалистической мысли, в толстовстве достаточно рельефно проявились такие существенные черты, как уравнительное распределение, превалирующее значение коллективных форм жизни, неприятие частной собственности, общинно-демократическое устройство общества, принцип социальной справедливости и др. Вместе с тем, оно имело ряд важнейших особенностей, выделивших его на общем социалистическом фоне. Религиозность мировоззрения определяла особое место толстовского движения в кругу общественно-политических течений – оно занимало нишу *религиозно-этического социализма*.

Другая характерная черта толстовского социализма заключалась в идее ненасилия. Неприятие насильственных методов борьбы за социальную

¹ Калиничева З. В. К вопросу о социальной сущности идей толстовства // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XVIII Герценовские чтения. – Научный атеизм, этика, эстетика. – Л., 1975. – С. 53, 56.

справедливость делало толстовцев уникальным явлением среди российских общественных движений. Хотя толстовцы утверждали, что они вне политики, толстовское движение с его позицией, выразившейся в ненасильственном подходе к решению политических проблем, можно рассматривать как толерантную попытку найти компромисс в решении животрепещущих вопросов в жизни общества. Безусловно, такая позиция не могла приветствоваться с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, господствующей в Советском Союзе в то время, но идеи мирного разрешения спорных проблем по-новому воспринимаются сегодня.

Оживление толстовского земледельческого движения по переходу к коллективным формам земледельческого труда было результатом идущего еще от народничества преклонения перед крестьянством, нашедшего в толстовстве столь своеобразный облик. Именно поэтому земледельческая община стояла в центре всей социальной конструкции толстовцев. В идеализации общинности русского крестьянства, его избранности при переходе к мирной братской жизни состояла слабость идеологических построений толстовцев, придавшая им утопический характер.

Концепция «гуманного социализма», сложившаяся у последователей великого писателя, была разновидностью русского крестьянского социализма. Возвеличивание толстовцами земледельческого труда как самого нравственного и достойного всяческого уважения было своего рода антиподом социальной доктрине большевизма, делавшей ставку на рабочий класс как единственного вершителя будущего России. Толстовство, поэтизирующее крестьянский труд и проповедующее в решении аграрного вопроса проект Г. Джорджа, имеющее религиозное обоснование предполагаемых общественных изменений, абсолютизирующее принцип свободы личности вплоть до отрицания государства как формы организации общественного бытия, было более близко середняцкой, хозяйственно жизнеспособной массе. Тогда как большевики находили поддержку в беднейшем, пролетаризированном слое деревни.

Опыт толстовцев-земледельцев не имел глобального значения в масштабах страны. Но они и не ставили перед собой такой цели. Конкретность и направленность мировоззрения толстовцев в сегодняшний день ориентировали их на немедленное осуществление братства, равенства, свободы в реальной ситуации посредством имеющихся в данный момент средств. Вся деятельность толстовских земледельческих объединений была направлена на постепенную репродукцию своего ненасильственного образа жизни.

Развитие толстовских земледельческих коммун и артелей в нашей стране необходимо рассматривать как часть мирового религиозного движения к коллективной жизни на коммунистических началах. Аналогичные коммуны и артели существовали в Болгарии, Англии, Швеции, но самым ярким является существующее сегодня в Израиле движение киббуцев. Примечательно, что первый киббуц в Дганин был основан горсткой выходцев из России, голых и босых, с портретом Л. Н. Толстого в руках и твердым решением жить хорошо

и справедливо. Историк киббуцного движения Мукки утверждал, что киббуц как чудо, возникшее в специфических условиях, не может тиражироваться¹.

Могли ли толстовские земледельческие объединения стать русским чудом коллективизма? Вероятнее всего, ответ на этот вопрос должен быть ни положительным, ни отрицательным. Наиболее крепкие толстовские земледельческие объединения имели все возможности для экономического процветания, если бы не вмешательство государственной власти, которая к концу 1920-х гг. увидела в них явление, не соответствующее по своим целям общему политическому курсу. Поэтому их не спасла даже хозяйственная устойчивость. С другой стороны, толстовские коммуны были достаточно неустойчивыми коллективами: состав участников часто менялся, что в значительной степени осложняло их существование.

Изучение толстовских земледельческих объединений открывает новые горизонты в дальнейшем исследовании проблем отечественной истории.

Соотношение утопии и социализма до сих пор привлекает внимание историков, философов, политологов². Предпринимаются попытки рассматривать большевизм как социально-утопическую доктрину³. С этой точки зрения толстовство и большевизм можно рассматривать как два параллельно существовавших направления, стремящихся решить социальные проблемы современного им общества. В этом плане история толстовских земледельческих объединений представляет для исследователя богатый материал.

История толстовского земледельческого движения позволяет ставить вопрос о более глубоком изучении религиозных, в том числе и сектантских коллективов, существовавших в России в первое десятилетие советской власти, а также христианского социалистического движения. Несмотря на то, что толстовство и православная церковь находились в сложных взаимоотношениях, толстовство имело христианские истоки и идеалы в основе своей социологической доктрины.

Изучение толстовских земледельческих объединений помогает по-новому осмыслить ряд актуальных проблем современности: о соотношении демократии и администрирования, о границах свободы личности и отдельных социальных групп в решении единых для всего общества государственных задач, о месте идеологии в жизни страны. Толстовские земледельческие коллективы наглядно показали, что для нормального функционирования общественного организма необходимо избегать крайностей как безбрежной демократии, так и тотального государственного контроля за всеми сферами жизнедеятельности общества. Мировоззренческая сторона жизни людей должна оставаться личным делом граждан. Государству необходимо установить лишь границы недозволенных деяний, объективно вредных обществу.

¹ Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. – С. 6-7.

² См.: Штекли А. З. Утопии и социализм. – М.: Наука, 1998; Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991; Анархия и власть. – М., 1992.

³ Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. – М., 1992.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

- 1) Ф. 130 – Совет Народных комиссаров (СНК). Оп.4. Ед.2; Оп. 4. Ед.286.
- 2) Ф. 1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Оп.93. Ед.153.
- 3) Ф. А-353 – Народный Комиссариат Юстиции (Наркомюст). Оп.4. Ед.43; Оп.4. Ед. 413.
- 4) Ф. Р-5804 – П. Г. Смидович. Оп.1. Ед.27; Оп.1. Ед.29; Оп.1. Ед.38.

II. РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

- 1) Ф.122 – И. И. Горбунов-Посадов. Оп. 1. Ед.37,183,558, 589, 932,980, 1358, 1537, 1648, 2039, 2042.
Оп.2. Ед.457.
Оп.3. Ед.12, 22, 28, 34, 37.
- 2) Ф.41 – П. И. Бирюков. Оп.1. Ед.37.
- 3) Ф.1345 – Собрание рукописей деятелей культуры.
Солодовник Н. С. Воздвиженское трудовое братство – локальная модель бесконфликтного общества социальной справедливости.

III. РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

- 1) Ф.478 – Народный комиссариат земледелия (Наркомзем). Оп.1. Ед.11, 15, 25, 395.

IV. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

- 1) Ф.17. – Центральный комитет РКП(б). Оп.60. Ед.729.
- 2) Ф.89. – Е. Е. Ярославский. Оп.4. Ед.123.

V. Государственный архив Ульяновской области.

- 1) Ф. Р – 336. – Симбирский губземотдел. Оп.4. Ед.54, 79.

VI. ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

- 1) Ф.345. – К. С. Шохор-Троцкий. К.5. Ед.3, 102; К.38. Ед.16; К.62. Ед.4, 5, 49; К.63. Ед.14; К.95. Ед.24; К.96. Ед.21.
- 2) Ф.358 – Н. А. Рубакин. К.157. Ед.2.
- 3) Ф.369 – В. Д. Бонч-Бруевич. К.398. Ед.21; К.377. Ед.18.
- 4) Ф.435 – Чертковы Владимир Григорьевич и Анна Константиновна. К.1. Ед.1; К.7. Ед.2; К.10. Ед.35; К.11. Ед.9; К.15. Ед.22; К.29. Ед.14; К.34. Ед.4; К.52. Ед.29; К.55. Ед.2, 17, 19, 22, 36; К.56. Ед.25; К.62. Ед.49; К.65. Ед.20; К.67. Ед.16; К.69. Ед.37; К.70. Ед.44; К.74. Ед.1, 4; К.75. Ед.2; К.94. Ед.8; К.95. Ед.5, 11; К.96. Ед.11, 18, 19, 30; К.98. Ед.1; К.99. Ед.13, 14; К.100. Ед.2, 10, 23, 35, 36; К.101. Ед.44.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аграрная политика советской власти. (1917-1918). – Документы и материалы. – М., 1957. – С. 698.
2. Отчет Наркомзема IX съезду Советов за 1921 г. – М., 1922. – С. 215.
3. Постановление Пленума ЦК РКП(б) по вопросу о нарушениях п.13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды от 9 августа 1921 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т.2. – М., 1983. – С. 446.
4. Программа РКП(б), принятая на VIII съезде (18-23 марта 1919 г.) // КПСС в резолюциях... Т.2. – М., 1983. – С. 86.
5. Резолюция «О работе в деревне» XIII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях... Т.3. – М., 1984. – С. 249.
6. Справочник партийного работника. – Вып. 2. – М., 1922. – С. 93-94.
7. Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. – М., 1939. – С. 788

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Журналы толстовского направления:

1. «Братство». – Киев. – 1920 г. – №2.
2. «Голос Толстого и Единение». – Москва, 1919. – №6; 1920. – №1.
3. «Единение». – Москва, 1917. – №1.
4. «Истинная свобода». – Москва, 1920. – №1, 3, 8; 1921. – №8.
5. «Открытое слово». – Харьков, 1919. – №2-3; 1918. – №1.
6. «Путь к свету». – Царицын, 1919. – №1.

Газеты и журналы других политических и общественных организаций

1. «Вольная жизнь». – Москва, 1920. – №1-8 – орган анархистов-коммунистов;
2. «Общее дело» – кооперативный орган. – 1918. – №2, 3; 1921. – №9.
3. «Правда» 20 июля 1919 г. – №158. – С. 2.
4. «Пролетарская правда». – 30 января 1924 г. – №24. – С. 3.

МЕМУАРЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Булгаков, В. Ф. Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы / В. Ф. Булгаков. – Тула, 1970. – С. 342.
2. Воспоминания крестьян-толстовцев. – М. : «Книга», 1989. – С. 479.
3. Егудин, Ю. Мои скитания и моя жизнь в толстовских коммунах / Ю. Егудин // «Сибирские огни». – 1991. – №10. – С. 228-244.
4. Моргачев, Д. Е. Моя жизнь / Д. Е. Моргачев // Минувшее. Исторический альманах. – 1987. – №4. – С. 479.
5. Мазурин, Б. В. Несокрушима жизни твердь / Б. В. Мазурин // «Новый мир». – 1988. – №8. – С. 228-248.
6. Сухотина-Толстая, Т. Л. Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая. – М. : «Худ. лит-ра», 1980. – С. 527.
7. Янов, В. В. Краткие воспоминания о пережитом / В. В. Янов // «Память». Исторический сборник. – Вып.2. – М., 1977. ; Париж, 1979. – С. 82-159.

МОНОГРАФИИ, ДИССЕРТАЦИИ, СТАТЬИ

1. Алексеев, В. А. Иллюзии и догмы / В. А. Алексеев. – М.– Политиздат., 1991. – С. 400.
2. Анархия и власть. Сб. – М. : «Наука», 1992. – С. 432.
3. Антология ненасилия. – М. : Бостон, 1992. – 258 с.
4. Апостолов, Н. Н. Религиозно-анархические идеи Л. Н. Толстого и современный политический психоз. Изд. 3 / Н. Н. Апостолов. – Киев, 1919. – С. 32.
5. Беневский, И. Христианская община и земледелие. С приложением Устава общества земледельцев «Божья нива» / И. Беневский. – М., 1907. – С. 23.

6. Бердяев, В. Духи русской революции / В. Бердяев // Из глубины. – М., 1990. – С. 55-89.
7. Бонч-Бруевич, В. Д. Кривое зеркало сектантства / В. Д. Бонч-Бруевич // Избранные атеистические произведения. – М., 1973. – С. 142-151.
8. Бонч-Бруевич, В. Д. Раскол и сектантство в России / В. Д. Бонч-Бруевич // Избранные сочинения. Т.1. – М., 1959. – С. 153-158.
9. Бонч-Бруевич, В. Д. Письмо М. С. Дудченко / В. Д. Бонч-Бруевич // Избранные сочинения. Т.1. – М., 1959. – С. 378-379.
10. Булгаков, В. Ф. К характеристике духовного облика русского народа за время революции / В. Ф. Булгаков // Крестьянская Россия. – Вып. IV. – Париж, 1923. – С. 147-151.
11. Булгаков, В. Ф. Лев Толстой и наша современность. 2-е изд. / В. Ф. Булгаков. – М., 1919. – С. 23.
12. Булгаков, В. Ф. Толстой-моралист / В. Ф. Булгаков. – Прага : «Пламя», 1923. – С. 104.
13. Булгаков, В. Ф. Толстой, Ленин, Ганди / В. Ф. Булгаков. – Прага : «Пламя», 1930. – С. 58.
14. Булгаков, В. Ф. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого. 2-е изд. / В. Ф. Булгаков. – М., 1919. – С. 11, 184.
15. Виноградов, И. И. Критический анализ религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого / И. И. Виноградов. – М. : «Знание», 1991. – С. 84.
16. «Военный коммунизм»: Как это было. – М. : «Знание», 1991. – С. 83.
17. Выцлан, М. Когда струны зазвучат в унисон / М. Выцлан // Родина. – 1994. – №10. – С. 71-75.
18. В чем истинная свобода? Проект Общества свободно-религиозного мировоззрения. Балаково, Самарской губ. – С. 12.
19. Гаврюшин, Н. К. Антитезы «православного меча» / Н. К. Гаврюшин // «Вопросы философии». – М. – 1992. – №4. – С. 79-83.
20. Гассиев, А. Учение Толстого / А. Гассиев // «Дарьял». – Владикавказ, 1991. – №2. – С. 173-200.
21. Гаузнер, М. Лев Николаевич Толстой о земле / М. Гаузнер. – Пг. : «Ясный», 1917. – С. 15.
22. Гаузнер, М. Земельный вопрос и способы его разрешения / М. Гаузнер. – Пг. : «Просвещение», 1917. – С. 40.
23. Гельфанд, М. Толстой и толстовцы в свете марксистской критики / М. Гельфанд. – Саратов, 1928. – С. 112.
24. Гидулянов, П. В. Отделение церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮ РСФСР / П. В. Гидулянов ; Под редакцией П. А. Красикова. 2-е изд. – М. : Изд-во НКЮ, 1924. – С. 405.
25. Гидулянов, П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ. / П. В. Гидулянов ; Под редакцией НКЮ. – 1923. – С. 100.

26. Гимпельсон, В. Г. Великий Октябрь и становление системы советского управления народным хозяйством / В. Г. Гимпельсон. – М., 1977. – С. 310.
27. Горбунов-Посадов, И. И. В чем истина и жизнь? / И. И. Горбунов-Посадов – Вып. 1. – М. : «Посредник», 1921. – С. 32.
28. Горцев, Ш. Национализация земли / Ш. Горцев. – М. : «Основа», 1907. – С. 32.
29. Гришаев, В. В. Сельскохозяйственные коммуны советской России. 1917-1929 / В. В. Гришаев. – М. : «Мысль», 1976. – С. 188.
30. Груздев, И. А. Горький и его время. 1868-1896. Изд. 3-е / И. А. Груздев. – М. : Госполитиздат, 1982. – С. 700.
31. Гусейнов, А. Учение Л. Н. Толстого о непротавлении злу насилием / А. Гусейнов // «Свободная мысль». – 1994. – №6. – С. 68-81.
32. Джордж, Г. Прогресс и бедность / Г. Джордж. – М. : «Генри Джордж Фондейшн». – 1992. – С. 384.
33. Дунаев, Б. Люди и людская пыль вокруг Толстого / Б. Дунаев. – М., 1927. – С. 116.
34. Дэвид, Р. Толстой, принципы нового миропорядка / Р. Дэвид. – М. : «Сакура», 1993. – С. 208.
35. Ежегодник ОИС в память Л. Н. Толстого за 1916-1917 гг. – М., 1918. – С. 15.
36. Ежегодник ОИС в память Л. Н. Толстого за 1918-1919 гг. – М., 1919. – С. 21.
37. Загорский, С. О. К социализму или капитализму? / С. О. Загорский. – Париж : Республиканско-демократический союз, 1927. – С. 308.
38. Зайцев, К. Толстой как явление религиозное / К. Зайцев. – Харбин, 1937. – С. 61.
39. Зеленская, Е. И. Из истории советской кооперации в годы НЭПа / Е. И. Зеленская // Сб. «Кооперация. Страницы истории». – Вып. 3. – М., 1993. – С. 234. + Прил. (с. 32).
40. Ильин, И. А. Погребение набальзамированного толстовств (Главы ив книги «О сопротивлении злу силою») / И. А. Ильин // «Вопросы философии». – 1992. – № 4. – С. 84-107.
41. История политических партий России. – М. : «Высшая школа», 1994. – С. 447.
42. История России. XIX-XX вв. Курс лекций. Ч.1. – Брянск : «Грани», 1992. – С. 124.
43. Кабанов, В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» / В. В. Кабанов. – М. : Наука, 1988. – С. 303.
44. Калиничева, З. В. К анализу причин краха земледельчески-тудовых идеалов толстовства / З. В. Калиничева // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XIX-е Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Научн. докл. – Л., 1978. – С. 18-23.
45. Калиничева, З. В. К вопросу о возникновении толстовства / З. В. Калиничева // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XVII-е Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Научн. докл. – Л., 1974. – С. 54-83.

46. Калиничева, З. В. К вопросу о политической платформе толстовства в 1917-1923 гг. / З. В. Калиничева // ЛГПИ им. А. И. Герцена. Общественная жизнь и религия. Сб. научн. трудов. – Вып. 2. – Л., 1978. – С. 83-89.
47. Калиничева, З. В. К вопросу о социальной сущности идей толстовства / З. В. Калиничева // ЛГПИ им. А. И. Герцена. XVIII-е Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. – Научн. докл. – Л., 1975. – С. 51-59.
48. Капустин, М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма / М. Капустин. – М. : Изд-во «Новости», 1990. – С. 594.
49. Клибанов, А. И. Материалы о религиозном сектантстве в архиве В. Г. Чертова / А. И. Клибанов // «Записки ОРРГВ». – Вып.28. – М., 1968. – С. 54-78.
50. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанова. – М. : Наука, 1973. – С. 256.
51. Клибанов, А. И. Религиозное сектантство и современность / А. И. Клибанов. – М. : Наука, 1969. – С. 272.
52. Кузьмин, А. Понятие сектантства в СССР / А. Кузьмин // «Антирелигиозник». – 1937. – № 7. – С. 21-39.
53. Красиков, П. А. На церковном фронте / П. А. Красиков. – М., 1923. – С. 311.
54. Ленин, В. И. Толстой как зеркало русской революции / В. И. Ленин // Ленин В. И. – Полн. собр. соч. Т.17. – С. 208-213.
55. Ленин, В. И. Лев Толстой и его эпоха / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.17. – С. 100-105.
56. Ленин, В. И. Лев Толстой и современное рабочее движение / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. – С. 38-41.
57. Ленин, В. И. Л. Н. Толстой / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. – С. 19-24.
58. Ленин, В. И. Толстой и пролетарская борьба / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. – С. 70-71.
59. Ленин, В. И. Что делается в народничестве и что делается в деревне / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.22. – С. 363-389.
60. Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. – С. 235-338.
61. Ленин, В. И. Письмо Н. Ф. Арманд от 25. XI. 1916 г. / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.49. – С. 345-348.
62. Ленинский сборник. XXV. – М., 1945. – С. 274.
63. Лев Толстой как столп и утверждение поповщины. – М. : «Атеист». – С. 160.
64. Луначарский, А. В. Об атеизме и религии / А. В. Луначарский. – М. : Мысль, 1972. – С. 203-218.
65. Луначарский, А. В. Христианство или коммунизм / А. В. Луначарский. – Л., 1926. – С. 48.
66. Маклаков, В. А. Толстовство и большевизм / В. А. Маклаков. – Париж, 1921. – С. 128.
67. Маклаков, В. А. Толстой и большевизм / В. А. Маклаков // «Слово». – IX. – 1991. – С. 54-57.

68. Малинин, В. А. История русского утопического социализма: вторая половина XIX-начало XX вв. / В. А. Малинин. – М. : Наука. – 1991. – С. 272.
69. Морозов, С. И. Сектантские колхозы / С. И. Морозов. – М. : «Московский рабочий», 1931. – С. 56.
70. Муратов, М. В. Русское сектантство / М. В. Муратов. – М., 1919. – С. 54.
71. Муратов, М. В. Неизвестная Россия. (О народной вере и народном подвижничестве) / М. В. Муратов. – М., 1919. – С. 30.
72. «Несокрушимая жизни твердь...» Из литературы толстовской коммуны «Жизнь и труд» // «Сибирские огни». – Новосибирск, 1991. – №10. – С. 226-227.
73. Николаев, С. Д. В защиту проекта земельной реформы Г. Джорджа / С. Д. Николаевю – М., 1906. – С. 54.
74. Одинцов, М. М. Государство и церковь. (История взаимоотношений) 1917-1938 / М. М. Одинцов. – М. : «Знание». – 1991. – С. 63.
75. Павлюченков, С. С. С чего начинается НЭП? / С. С. Павлюченков // Трудные вопросы истории. – М. : Политиздат, 1991. – С.45-60.
76. Петров, С. Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы / С. Г. Петров // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России. – Калинин, 1989. – С. 145-150.
77. Петров, С. Г. Толстовство и средние слои / С. Г. Петров // Городские средние слои в трех российских революциях. – М., 1989. – С. 171-177.
78. Позойский, С. К истории отлучения Л. Н. Толстого от церкви / С. Позойский. – М., 1979. – С. 176.
79. Поповский, М. Русские мужики рассказывают: последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе. 1918 – 1977 / М. Поповский. – Лондон, 1983. – С. 314.
80. Принципы ненасилия: классическое наследие. – М. : «Прогресс», 1991. – С. 235.
81. Путинцев, Ф. М. Кабальное братство сектантов / Ф. М. Путинцев. – М. ; Л., 1931. – С. 200.
82. Путинцев, Ф. М. Современное сектантство / Ф. М. Путинцев // «Антирелигиозник». – 1926. – №6. – С. 68.
83. Путинцев, Ф. М. Политическая роль и практика сектантства / Ф. М. Путинцев. – М., 1935. – С. 476.
84. Путинцев, Ф. М. Кабала и ростовщичество под флагом сектантского взаимопонимания / Ф. М. Путинцев. – М. : «Безбожник». – Б. г. – С. 16.
85. Путинцев, Ф. М. Толстой, толстовство и сектантство / Ф. М. Путинцев // «Революция и культура». – 1928. – №17. – С. 17-24.
86. Путинцев, Ф. М. О «толстовотвующих» / Ф. М. Путинцев // «Антирелигиозник». – 1928. – №7. – С. 12-23.
87. Путинцев, Ф. М. Районы распространения сектантства / Ф. М. Путинцев // «Антирелигиозник». – 1921. – №1. – С. 17-25.
88. Преображенский, Е. А. О крестьянских коммунах / Е. А. Преображенский. – М., 1918. – С. 30.

89. Рафальский, С. Сельскохозяйственные коллективы Советской России / С. Рафальский // «Записки института изучения России». Кн. II. – Прага, 1925. – С. 307-332.
90. Савельев, С. Бог и комиссары / С. Савельев // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. 2. – М., 1993. – С. 164-216.
91. Страхов, Ф. По ту сторону политических интересов / Ф. Страхов. – М. : «Посредник», 1907. – С. 148.
92. Трегубов, И. М. Выступление на 7-ом Всероссийском съезде Советов делегата от сектантских коллективов / И. М. Трегубов. – М., 1919. – С. 4.
93. Трегубов, И. М. «Земля божья» или христианско-социалистический способ решения земельного вопроса / И. М. Трегубов. – М. : «Посредник», 1920. – С. 132.
94. Толстовцы и их учение по данным 3-го Всероссийского съезда. – Тифлис, 1900. – С. 76.
95. Толстовцы как интеллигенция // «Новый мир». – 1993. – №11. – С. 189-191.
96. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский. – Берлин, 1921. – С. 521.
97. Туган-Барановский, М. И. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени / М. И. Туган-Барановский. – СПб., 1919. – С. 128.
98. Утопия и утопическое мышление. – М. : «Прогресс», 1991. – С. 405.
99. Шахнович, М. И. Мысли и думы современных сектантов / М. И. Шахнович // «Воинствующий атеизм». – 1931. – №2-3. – С. 28-31.
100. Штекли, А. Э. Утопии и социализм / А. Э. Штекли. – М. : Наука, 1993. – С. 272.
101. Щербаков, В. Н. Толстовская идея революции сознания / В. Н. Щербаков // «Советская педагогика». – 1990. – №11. – С. 140-142.
100. Щербаков, В. Н. Толстовская идея революции сознания / В. Н. Щербаков // «Советская педагогика». – 1990. – №11. – С. 140-142.
101. Чертков, В. Г. Наша революция. Насильственное воспитание или христианское освобождение? Изд. 2-е / В. Г. Чертков. – М., 1907. – С. 132.
102. Эджерстон, У. Толстой и толстовцы / У. Эджерстон // «Новый мир». – 1989. – №3. – С. 286-287.
103. Ярославский, Е. О Л. Н. Толстом и «толстовцах» / Е. О. Ярославский // «Антирелигиозник». – 1928. – №7. – С. 4-22.

104. Ячевский, В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого / В. В. Ячевский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1983. – С. 167.

Приложение 1

СПИСОК ТОЛСТОВСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Название объединения	Место расположения	Источник
Тайнинская сельхозартель	Перловка Московской области	Воспоминия... с. 147.
Сельскохозяйственная коммуна им. Л. Н. Толстого	г. Воскресенск Московской обл.	Там же
Коммуна «Братская жизнь»	Селещина Полтавской обл.	«Сибирские огни». 1991. №10. С. 233.
Поселение «Берег»	Крым	Воспоминия... с. 147

Алма-Атинская община	Казахстан	Там же
Община «Всемирное братство»	Царицын	Там же
Поселок «Всемирное братство»	Самарская обл.	Там же
Коммуна «Бодрая жизнь»	Калужская обл.	Там же
Коммуна «Единение»	Тульская обл.	Там же
Общество с. Раевка	Башкирия	Там же
Коммуна Д. Е. Моргачева	с. Алымчик Елецкого района Орловской обл.	Там же
Артель «Криница»	Геленджик	Там же
Клинская коммуна	г. Клин Московской обл.	Там же
Коммуна «Березки»	Московская обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.31.
Коммуна «Царство света»	Полтавская обл.	Там же. Ед.5.
Артель «Братский труд»	Самарская обл.	Воспоминания... С. 147.
Артель «Знамя братского труда»	Самарская обл.	Там же
Коммуна «Жизнь и труд»	Московская обл.	Там же. С. 93.
Новоиерусалимская ком- муна	Ст. Новый Иерусалим. Московской обл.	Там же. С. 69.
Коммуна «Змеиная горка»	Сочи	«Голос Толстого и Единение». 1920. №2.
Сельскохозяйственная община «Братский труд»	с. Белуховка Полтавской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.39.

Продолжение Прил. 1

Коммуна на станции Ханской	Украина	Там же
Детская Земледельческая колония в Святошине	Предместье Киева	«Братство». 1920. №2. С. 10.
Сельскохозяйственная артель им. Л. Н. Толстого	Балаково Самарской обл.	ОР РГБ. Ф.345. К.38. Ед.16.
Коммуна «Трезвая жизнь»	Подмосковье	Там же
Земледельческое объединение трудового		Там же

товарищества им. Л. Н. Толстого		
Трудовая земледельческая община им. Т. Бондарева	Воронежская обл.	ОР РГБ. Ф.345. К.62. Ед.49
Сельхоз артель деревни Четверни	Рогачевский уезд Гомельской обл.	«Истинная свобода» 1921. №8. С. 31.
Трудовая земледельческая артель «Друзья Толстого»		ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед. 24.
Детская трудовая колония «Снегири»	Московская обл.	Там же. Ед.26.
Сельскохозяйственное кустарно-промысловое то- варищество «Трудовое содружество»		Там же. Ед.30.
Трудовая сельскохозяйственная об- щина свободных христиан «Лев Толстой»	Невинномысск	Там же. Ед.32.
Коммуна «На заре новой жизни»		Там же. Ед.32.
Яснополянская коммуна	Тульская обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.66
С/х духовно- нравственная община «Начало дня» при коммуне «Равенство»		ОР РГБ. Ф.435. К.15. Ед.22
Артель «Мирный пахарь»	Уральская обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.60. Ед.1
Коммуна «На заре новой эры»	Кавказ	ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.39
Земледельческая община свободных христиан «Свободная совесть»		ОР РГБ. Ф.435. К.98. Ед.33

Продолжение Прил. 1

Коллектив «Добрый дар»	Воронежская обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.11
Коммуна «Вольная жизнь»	пос. Урусово Рязанской обл.	Там же
Коллектив Капустина М. П.	с. Верхняя Белозерка Мелитопольского округа Екатеринославской обл.	Там же
Коммуна «Мир с живущими»	ст. Миллерово	Там же
Коллектив ручников Смирнова	пос. Борисовка Уральской обл.	Там же
Община свободных христиан	с. Наталино Полтавской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.68. Ед.33

Всемировая религиозная община «Истинное жизневедение»	с. Семеновка Черниговской обл.	Там же
Община «Друзей Истинной свободы»	Самарская обл.	Там же
Религиозно-трудовая община в память Л. Н. Толстого	с. Никольско-Троицкое Ярославской обл.	Там же
Христианская община в память Л. Н. Толстого	с. Трофимовщина Саранского уезда Пензенской обл.	Там же.
Детская земледельческая колония	Майкоп, Кубань	ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.5
Земледельческая колония «Имение В. Шейермана»	Люботин Харьковская обл.	Там же
Земледельческая община «Трудовое общежитие»		Там же
Община «Начало века»	Под Петроградом	Там же
Трудовое товарищество им. Л. Н. Толстого Нечаевой Е. П.	с. Ново-Алсуфьево Черноморской обл.	Там же
С/х артель «Возрождение»	Тербунская волость Елецкий уезд Орловская обл.	Воспоминания... С. 268.
Рижская коммуна	Прибалтика	РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.25.
Коммуна близ Юрьева	Прибалтика	Там же
Ревельское объединение	Прибалтика	Там же
Марьянская община		РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.133.
Братское поселение И.И. Совина и Климова	На юге России	ОР РГБ. Ф.435. К.35. Ед.2
Омская с/х артель		ОР РГБ. Ф.435. К.100. Ед.36

Продолжение Прил. 1

Фрунзенская группа	с. Гавриловка Фрунзенской обл.	Там же
ОИС в память Л. Н. Толстого	ст. Донец Смоленской обл.	ГАРФ. Ф.А-353. Оп. 4. Ед.413.
С/х община-коммуна им. Л.Н. Толстого	Мокшанский уезд Пензенской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.18
Эммануиловская коммуна	Кубань	Там же
Община Льва Толстого	Самарская обл.	Там же
Земледельческая община Истинной свободы	Хутор Пустышки Карсунского уезда Симбирской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.22
Общество Истинной свободы	д. Кипти Гомельской обл.	Там же

Общество Истинной свободы	Орехово-Зуево	Там же
Общество Истинной свободы	Киев	Там же
Общество Истинной свободы	с. Красавки Тульская обл.	Там же
Бежицкий ОИС Л. Н. Толстого	Брянская обл.	Там же
ОИС в деревне Край	Белозерский уезд Брянской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.97. Ед.29
Коллектив ручников	д. Подорожное Юрьевецкого уезда Иваново-Вознесенской обл.	«Истинная свобода» 1920. №2.
Община «Перевал»	Кавказ	ОР РГБ. Ф.435. К.69. Ед.7
С/х артель Льва Толстого	С. Сосновка Сенгилеевского уезда Симбирской обл.	ГАУО Ф. Р-336. Оп.4. Ед.54.
С/х артель «Пробуждение»	Сенгилеевского уезда Симбирской обл.	ГАУО Ф. Р-336. Оп.44. Ед.79.
Общество «Единение» (по совместной обработке земли)	Крапивинский уезд Иваново- Вознесенской обл.	ГАРФ. Ф.1235. Оп.93. Ед.153.
Коммуна «Единение»	Там же	Там же
Коммуна «Свободная жизнь»	Там же	Там же
Коммуна «Свободный труд»	Там же	Там же
Детская колония	с. Каледино Московской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.96. Ед.22
Детская колония	с. Глухариха Тульской обл.	Там же
Детская колония	с. Александровское Тамбовской обл.	Там же

Окончание Прил. 1

Трудовая с/х артель памяти Л. Н. Толстого	с. Куржевка Балаковского уезда Самарской обл.	Там же
Колония «Землероб»	г. Черкассы	РГАЛИ. Ф.122. Оп.3. Ед. 26.
Детская колония Л. Сосниной	Московская обл.	РГАЛИ. Ф.122. Оп.2. Ед. 457.
Антиповская община духовных христиан	с. Антиповка Самарской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.60. Ед.1
Община «Добрая воля»	Хутор Боровков Сталинградской обл.	ОР РГБ. Ф.435. К.99. Ед.14
Общество «Обновление жизни в память		ОР РГБ. Ф.345. К.5. Ед.102

Л. Н. толстого»		
Колония в г. Сочи	Черноморское побережье	ОР РГБ. Ф.435. К.95. Ед.24

Приложение 2

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

АПОСТОЛОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1870-1974) – советский литературовед, исследователь творчества Л. Н. Толстого. В 1920-е гг. играл важную роль в деятельности Киевского общества Истинной свободы. В 1922 г. был избран секретарем Московского общества Истинной свободы. С 1934 г. носил фамилию Арденс.

БЕЛИНЬКИЙ САМУИЛ МОИСЕЕВИЧ – сочувствующий взглядам Л. Н. Толстого. Сам считал себя анархистом-коммунистом. Выступал на первом съезде анархистов в Москве 12 декабря 1918 г. с программной речью. Активно сотрудничал в толстовских изданиях, разъясняя сущность мирного анархизма толстовцев.

БИРЮКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1880-1930) – один из первых единомышленников Л. Н. Толстого. Костромской дворянин, бывший морской офицер, выпускник Морской академии. В начале 80-х годов XIX в. серьезно увлекся мировоззрением великого писателя. Предпринял попытку изменить жизнь согласно требованиям совести. Морская служба была оставлена. Строгое вегетарианство, отказ от кожаной обуви и непрменная толстовская блуза определяли его внешний облик. Квартира П. И. Бирюкова была в Петербурге центром толстовского движения. Активно пропагандировал толстовское мировоззрение, сотрудничал в «Посреднике». Пользовался расположением семьи Льва Николаевича. Марья Львовна, дочь писателя, была готова на брак с ним. Но Софья Андреевна была против, и Марью выдали за графа Н. Л. Оболенского. В 1893 г. был одним из помощников Л. Н. Толстого в работе на голоде в Самарской губернии. Во время этой кампании познакомился со своей будущей женой – Павлой Николаевной Шараповой. В 1890-е гг. хлопотал о переселении духовоборов из России в Канаду. В 1897 г. был сослан вместе с И. М. Трегубовым и В.

Г. Чертковым в Остзейский край. С 1889 г. с перерывами был за границей, где поддерживал связи с русской эмиграцией. В 1904 г. был привлечен Г. В. Плехановым к работе комитета по устройству Центрального революционного музея. В его доме хранились собранные комитетом редкие издания. В 1907 г. вернулся в Россию. Постоянно жил и работал в Костроме. В 1911 г. участвовал в Толстовской выставке в Москве, предоставляя свои материалы. 1912-1920 гг. провел в Швейцарии. С 1914 г. жил в местечке Онэ близ Женевы. Перевел на французский язык и опубликовал в газете «Demain» воззвание единомышленников Л. Н. Толстого против Первой мировой войны. Здесь в доме П. И. Бирюкова бывал В. И. Ленин. В 1920 г. вернулся в Россию, чтобы работать в «обновленных условиях русской жизни», твердо веря, что происшедший переворот приближает осуществление коммунистического общества. Стал заведующим архивом рукописей Толстовского музея. Его сын Борис стал личным секретарем Наркома по иностранным делам Чичерина. В 1928 г. эмигрировал в Канаду, жил среди духоборов, потом переехал в Швейцарию.

БУЛГАКОВ ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВИЧ (1886-1966) – видный деятель и идеолог толстовского движения. Родился в г. Кузнецк Томской губернии. Был сыном смотрителя училищ. В 1906-1910 гг. обучался на историко-филологическом факультете МГУ, но не закончил, так как был недоволен системой высшего образования. В 1907 г. познакомился с Л. Н. Толстым, систематизировал и изложил его взгляды в книге «Христианская этика». В январе 1910 г. по рекомендации В. Г. Черткова стал секретарем Л. Н. Толстого. В 1914-1915 гг. был заключен в Тульскую тюрьму за составление воззвания против войны. В 1916-1923 гг. работал помощником хранителя, затем директором Толстовского музея в Москве, был организатором дома-музея Л. Н. Толстого в Хамовниках. В 1923 г. за активную пропаганду толстовского мировоззрения был выслан из страны, жил в Чехословакии. Подготовил «Словарь русских зарубежных писателей». В 1941 г. был арестован гестапо и находился в баварском лагере для интернированных советских граждан, где работал над рукописью о друзьях Л. Н. Толстого. После возвращения на Родину работал хранителем дома музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

БУЛЫГИН СЕРГЕЙ – единомышленник Л. Н. Толстого, имевший мировоззрение близкое к евангелистам, увлекался системой Г. Джорджа и составил свой проект решения аграрного вопроса и отнес его в ЦК ВКП(б). Во второй половине 1920-х гг. был активным участником Московского Вегетарианского общества. Был членом Совета I Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений (март 1921), разрабатывал проекты резолюций съезда.

ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ (1875-1961) – пианист, педагог, композитор, автор книги «Вблизи Толстого».

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1864-1940) – поэт, прозаик, издатель. Потомственный дворянин. Сын инженера-механика. Учился в Петербургском коммерческом училище, но недовольный системой обучения ушел из него. В юношеские годы на него большое влияние оказал журнал «Отечественные записки». Был членом Пушкинского кружка. В начале 80-х годов прошлого века пережил душевный кризис, связанный со сложной ситуацией «эпохи безвременья» и семейными проблемами. С 1885 г. работал в «Посреднике», был горячим проповедником толстовства. С 1887 г. заведовал конторой издательства, стал одним из близких Толстому Л. Н. людей. В 1880-1890-е годы печатался в журналах «Русское богатство», «Свободное олово», «Единение» и др. В 1911 г. стал членом общества любителей русской словесности при МГУ. После Октябрьской революции работал в области издания литературы для детей и книг по педагогике.

ГУСЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (1882-1967) – историк литературы, биограф Л. Н. Толстого, мемуарист. Сын ремесленника. Окончил Рязанскую гимназию. В двадцатилетнем возрасте увлекся учением Л. Н. Толстого. Занимался гектографированием его запрещенных произведений. Арестовывался за отказ от воинской службы. В 1903 г. начал переписываться с Л. Н. Толстым, посетил Ясную Поляну. В 1907 г. по рекомендации В. Г. Черткова стал личным секретарем писателя. В августе 1909 г. был арестован за распространение толстовских произведений и сослан в г. Чердынь Пермской обл. В 1911 г. поселился в Телятниках и работал над изданием произведений Л. Н. Толстого. В 1925-1931 гг. был директором Толстовского музея в Москве.

ДРАГУНОВСКИЙ ЯКОВ СЕМЕНОВИЧ (1866–1937) – толстовец, автор большого рукописного наследства. В 1924 г. переехал в Ставропольский край, где создал сельскохозяйственное товарищество «Мирный пахарь». После переселения толстовцев на Алтай жил в коммуне «Жизнь и труд». В 1938 г. был арестован за пропаганду и агитацию после того, как направил в Москву обращение в защиту коммунар, доказывая совместимость толстовских идеалов с коммунистическими. В 1937 году расстрелян.

ДУДЧЕНКО МИТРОФАН СЕМЕНОВИЧ (1864-1946) – единомышленник Л. Н. Толстого, активный участник толстовского движения на Украине. Окончил в Полтаве гимназию, потом университет. Под влиянием идей Л. Н. Толстого перешел к крестьянскому труду. Занимался сельским хозяйством в Харьковской губернии. До и после Октября выступал экспертом в суде по делам сектантов об отказе от воинской службы. В советское время выхлопотал бывшее имение помещика Хилкова, сочувственно относившегося к идеям Л. Н. Толстого, в 25 верстах от Полтавы и основал коммуну «Братская жизнь». Но сам в ней не работал, хотя часто навещал и участвовал в решении многих дел.

ДУНАЕВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ – сын единомышленника Л. Н. Толстого, одного из директоров Московского торгового банка А. Н. Дунаева. А. Б. Дунаев, видимо, не разделял мировоззрения своего отца. Автор книги «Люди и людская пыль вокруг Л. Н. Толстого».

КОНДРАТЬЕВ И. И. – единомышленник Л. Н. Толстого, инициатор Всероссийского комитета помощи голодающим детям, основатель Трудовой земледельческой общины им. Т. Бондарева.

МАКЛАКОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – московский адвокат, член Четвертой Государственной Думы по выборам от Москвы, при Временном правительстве – посол России во Франции. За красноречие его называли «московским златоустом». Был выходцем из дворянской семьи профессора-окулиста, поддерживающей связь с высшим светом. Отсюда и знакомство В. А. Маклакова с семьей Толстого Л. Н. Окончил два факультета МГУ: филологический и юридический. Никогда не отказывал писателю в просьбах защищать его единомышленников в суде. Его подзащитными были И. И. Горбунов-Посадов, В. А. Молочников. В Париже, даже во времена немецкой оккупации продолжал свою филантропическую и общественно-юридическую деятельность. Никогда не участвовал в каких-либо эмигрантских политических комбинациях.

МОРГАЧЕВ ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ – уроженец Орловской губернии. Бедняк, батрак, пастух. С десяти лет рос сиротой. В 1911 г. учился на Елецких сельскохозяйственных курсах. В 1912 г. участвовал в создании потребительского кооперативного товарищества в Ельце и был его руководителем. Воевал в 1914-1916 гг. на фронтах I мировой войны. Октябрьскую революцию воспринял как освобождение от эксплуатации. Принял деятельное участие в строительстве новой жизни. Работал в Бурдинском сельсовете и комитете бедноты. С 1918 г. – в продотделе Тербунского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В июне 1918 г. под его непосредственным руководством собран и отправлен в Москву вагон муки. В 1919 г. создавал сельскохозяйственную коммуну в с. Алымчик Орловской обл. В 1922 г. организовал кредитное сельскохозяйственное товарищество в районе и руководил им. Основал коммуну в с. Бурдино. В 1926-1927 гг. за участие в сельхозвыставке получал награды инвентарем и деньгами. Занимался и другой работой по колхозной линии: был председателем ревизионной комиссии тербунского группового объединения колхозов, членом ревкома Тербуно-Бурдинского животноводного товарищества. С 1928 г. состоял добровольным корреспондентом по госстатистике и вел бюджетную запись до 1928г. В период активного проведения коллективизации выступал с критикой перегибов в колхозном движении. В 1930 г. был раскулачен. В 1931 г. выехал в коммуну «Жизнь и труд» на Алтай.

НИКОЛАЕВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1861-1920) – единомышленник Л. Н. Толстого, которого писатель очень ценил как лучшего популяризатора системы Г. Джорджа и переводчика его трудов на русский язык. Выходец из дворян, еще до революции перешедший вместе с семьей к трудовой жизни. Умер среди единомышленников в зарождающейся на Кавказе коммуне близ станции Ханской.

НОВИКОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ – родился в 1870 г. Отец был из крепостных. В 1902 г. был арестован и отправлен в тюрьму в Петербург за докладную записку с требованием отмены выкупных платежей, круговой поруки, телесных наказаний и свободы в делах веры. За ним власти усматривали целую революционную организацию, так как не могли поверить, что этот «сиволапый крестьянин» есть подлинный автор записки. После тюрьмы в годы русско-японской войны призывался запасным. Но как неблагонадежный был выслан в свою деревню под надзор полиции. С 1900 г. начал писать статьи по сельскому хозяйству и политическим проблемам. После Октябрьской революции неоднократно избирался в волисполком, был секретарем у сельского комиссара, председателем школьного совета, народным заседателем в суде. Собирали путем личного обхода дворов и базаров пожертвования голодающим Поволжья в 1921 г. Налоги, повинности исполнял исправно. Избирался на волостные и губернские крестьянские съезды. В 1929 г. приглашался на проведение Всесоюзного Дня урожая в Москву в Дом крестьянина как крестьянин-опытник. Был селькором газеты «Беднота» в течение десяти лет. Открыто критиковал недостатки советской власти. В письме И. В. Сталину в 1929 г. отстаивал интересы середняцкого единоличного хозяйства и частную трудовую собственность. В 1930 г. вступил в колхоз.

ПОПОВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ (1864-1938) – педагог, переводчик, единомышленник Л. Н. Толстого. До восприятия идей писателя был богатым, преуспевающим в обществе человеком. С. А. Толстая относила его к «темным» лицам, то есть к тем, кто стремился исполнять все строжайшие нравственные требования учения Л. Н. Толстого. Он сопровождал писателя во время третьего пешеходного путешествия из Москвы в Ясную поляну. Активно пропагандировал систему ручного земледелия, был авторитетом в среде интеллигентных земледельцев. Принимал участие в просветительских вечерах Московского Вегетарианского общества. Постоянно жил в Полтаве. В начале XX века некоторое время провел в Женеве. Сотрудничал в «Посреднике», переводил статьи для «Хуторянина».

ПЫРИКОВ ЕЛИЗАР ИВАНОВИЧ – толстовец, выходец из дворянской семьи. Свое имение со всем инвентарем, доставшееся в наследство, добровольно вместе с братьями передал в народное пользование, оставив себе небольшой участок земли. На нем была организована земледельческая коммуна «Заказ». Н. И. Муралов, близко знавший братьев Пыриковых, предлагал Елизару Ивановичу пост председателя местного совдепа, но тот отказался из-за толстов-

ских убеждений. Братья Пыриковы были организаторами местного Общества Истинной свободы в память Л. Н. Толстого. Е. И. Пыриков был экспертом ОСРОГ по Смоленской губернии.

СЕМЕНОВ С. Т. (1868-1922) – крестьянский писатель-профессионал. Автор «Крестьянских рассказов» в шести томах, удостоенных премии Академии наук. С 1905 г. был членом «Всероссийского крестьянского союза». За это был арестован и сослан в Олонецкую губернию. Благодаря заступничеству Л. Н. Толстого, получил возможность выехать за границу, в Англию, где проживал у Чертковых. Здесь его мировоззрение пошатнулось. Начались разногласия с Л. Н. Толстым, которые привели к разрыву. В советское время выступал выразителем индивидуалистических настроений в крестьянстве.

ТРЕГУБОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (1858-1931) – бывший преподаватель духовной семинарии. Интересовался не только толстовством, но и сектантством. На VII-м Всероссийском съезде Советов выступал от имени сектантов-коммунистов. Стремился к их широкому привлечению к социалистическим преобразованиям в деревне. В 1921 г. работал инструктором по организации коммун и артелей в Наркомземе.

ШЕРШЕНЕВА-СТРАХОВА ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА (1905-1979) – дочь ученика и единомышленника Л. Н. Толстого Ф. А. Страхова. С детства была близка с семьями Толстых, Чертковых, Горбуновых-Посадовых. В 1919-1921 гг. жила с отцом в Смоленской губернии в семье старшей сестры Натальи, жены Е. И. Пырикова. В 1921 г. семья Страховых-Пыриковых переселилась в подмосковную коммуну «Березки». Здесь Е. Е. Шершенева познакомилась со своим будущим мужем. После ликвидации коммуны жила в доме Чертковых, потом – вместе с мужем – в Новоиерусалимской коммуне, в подмосковной коммуне «Жизнь и труд». В 1931 г. стала техническим секретарем В. Г. Черткова. С этого времени жила и работала логопедом в Москве. В 1980-е годы писала мемуары «Об ушедшем спутнике, общем пути и друзьях». Большую часть своего архива сожгла после ареста мужа в 1951 г.

ШЕРШЕНЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1900-1955) – активный участник толстовского движения. Родился в трудовой семье в Московской области. В 1919 г. как последователь Л. Н. Толстого, отказался от воинской службы, которая была заменена работой в заразных госпиталях санитаром. Работал воспитателем в детской колонии «Снегири», переселился в коммуну «Березки». Женится на Е. Е. Страховой. В 1924 г. переехал в Новоиерусалимскую коммуну, где был председателем. После пожара в коммуне и ее ликвидации, подвергся суду. Был осужден за халатность в обращении с государственным имуществом, хотя первоначально обвинялся во вредительстве. Формулировка изменена вследствие того, что была доказана случайность пожара комиссией, приглашенной В. Г. Чертковым. После выплаты ущерба государству жил в подмосковной коммуне «Жизнь и труд», участвовал в организации переселения

на Алтай. Но подорванное на заработках здоровье не позволило выехать вместе с другими коммунарами. Ему предложили стать секретарем-санитаром у В. Г. Черткова. Активно работал в Московском Вегетарианском обществе. После смерти В. Г. Черткова, хорошо разбираясь в почерке Л. Н. Толстого, работал литературным сотрудником редакции Академического издания сочинений Л. Н. Толстого. Во время Великой Отечественной войны был мобилизован и работал в нестроевых частях. В конце войны за отказ от строевой службы был приговорен к пяти годам заключения. В 1951 г. был арестован по делу «незаконного толстовского центра», часть которого была «разоблачена» еще в 1937 г. с арестом О. М. Булыгина и других. Его обвиняли в создании террористической организации, готовившей покушение на И. В. Сталина. Арестованные вместе с ним были расстреляны, В. В. Шершенев получил 25 лет лагерей. Благодаря усиленным хлопотам друзей был освобожден весной 1956 г., но в октябре этого же года умер.

ЧЕРТКОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ – идеолог и видный деятель толстовского движения. Выходец из знатной дворянской семьи. Мать имела родственные связи с декабристами. Ее тетка была женой Никиты Муравьева. Но в семье были сильны монархические традиции. Отец был флигель-адъютантом при Николае I входил в круг избранной петербургской аристократии. Дом Чертковых посещали Александр II, Александр III. Юность В. Г. Черткова прошла среди «золотой молодежи». С 19-ти лет он был зачислен в конный полк лейбгвардии. Примерно в это же время его стали волновать этические проблемы. Под влиянием матери он познакомился с учением лорда Рэдстока. В конце 1870-х гг. жил в Англии. В 1881 г. уволился из армии. Через два года познакомился о Л. Н. Толстым. Стал издавать его произведения. Основал «Посредник», ряд других, толстовских издательств. За пропаганду запрещенных произведений писателя в 1897 г. по личному распоряжению государя был выслан за границу и поселился в Лондоне. Здесь он издавал журнал «Свободное слово». В 1905 г. поселился в Телятниках. С 1910 г. занялся издательством наследия Л. Н. Толстого.

Его жена Анна Константиновна и сын Владимир Владимирович разделяли мировоззрение Л. Н. Толстого. Дом Чертковых в Лефортовском переулке был своеобразной штаб-квартирой толстовского движения в послеоктябрьские годы. В 1918 г. возглавил Объединенный совет религиозных общин и групп. Занимался защитой лиц, отказывающихся от воинской службы по религиозным убеждениям, выступал ходатаем по делам сектантов.

Научное издание

ПЕТУХОВА Татьяна Владимировна

Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917-1929)

Редактор Штаева М.

Подписано в печать 03.08.2008. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 8, 25. Тираж 100 экз.

Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

Типография УлГТУ. 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.